

9 (С-М)

С 12

633(2-2М)47

МОСКОВСКОЕ ДВОРЯНСТВО

1812г

63.3(2-2M)
 9(C-M) 680005 P.Ф.
 С 12 Савелов Л.
 Моск. говорчество
 в 1892?

1912	50-00

05
 27
 80

Красноярск
 032 / 82
 680005
 63.3(2-2M) 47
 БИБ. КРАСНОЯРСК
 63.3(2-2M) 47-28

Л. М. САВЕЛОВЪ.

МОСКОВСКОЕ ДВОРЯНСТВО
ВЪ 1812 ГОДУ.

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ДВОРЯНСТВА

1912 Г.

9. (С-М)

63.3 (2-2М) 47-28

С 12 V

680005

пр. 892

ОТДЕЛ
ПРАВЕДЕНИЯ

63.3(2-2М) 47-28

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
КАБЛЕТКА
И. А. ПЕР

отд. КРАЕВЕДЕНИЯ

МОСКОВСКОЕ ДВОРЯНСТВО

въ 1812 году.

Изданіе Московскаго Дворянства.

пространствомъ, временемъ и климатомъ не помогъ Наполеону даже и его геній, и звѣзда его, горѣвшая такъ ярко на Западѣ, потухла на русскомъ Востокѣ.

Переживалъ этотъ тяжелый гнетъ, несомнѣнно, и Императоръ Александръ и, конечно, не могъ не желать сверженія ига Наполеона, а если вспомнить цѣлый рядъ нашихъ военныхъ неудачъ въ столкновеніи съ французскими войсками, предводимыми, казалось, непобѣдимымъ вождемъ, то станетъ вполне понятнымъ желаніе Императора Александра попытаться еще разъ свое счастье и встрѣтиться съ Наполеономъ на боевомъ полѣ въ надеждѣ отплатить ему за Аустерлицъ и Фриглангъ, несомнѣнно тяжелымъ камнемъ лежавшихъ на самолюбіи русскаго Императора и русской арміи, хорошо еще помнившей блестящія времена Екатерины и Суворова.

О томъ, какъ относилось общество къ политическому положенію Россіи, мы имѣемъ показаніе современника, кн. С. Г. Волконскаго, который въ своихъ запискахъ говоритъ: «Пораженіе Аустерлицкое, пораженіе Фриглангское, Тильзитскій миръ, нагленность французскихъ пословъ въ Петербургѣ, пассивный видъ Императора Александра передъ политикой Наполеона I—были глубокія раны въ сердцахъ каждаго русскаго. Мщеніе и мщеніе было единымъ чувствомъ, пылающимъ у всѣхъ и каждаго. Кто не раздѣлялъ этого—и весьма мало ихъ было—почитался отверженнымъ, презирался.

Ни славныя дѣла Финляндской кампаніи, ни славныя побѣды надъ турками, ни миръ Абовскій, ни предстоящій миръ съ Турціей, готовой къ уступкамъ намъ, не ослабляли чувства мщенія къ французамъ и ненависти къ Наполеону. Дружное желаніе отмститъ объяло всѣ сердца, и хотѣ были нѣкоторые, которые предвѣщали, что затѣянная борьба не по рукамъ намъ, но ихъ было весьма мало, и зловѣщее ихъ предсказаніе почитали трусостью; ихъ не оспаривали, но слова ихъ внушали къ нимъ одно презрѣніе.

Порывъ національности дѣломъ и словомъ высказывался при каждомъ случаѣ. Удалившіеся изъ военной службы вступали въ оную; молодежь стремилась пріобрѣтать чтеніемъ военныхъ книгъ болѣе познаній въ военномъ дѣлѣ. Литература воспѣвала, въясняла всякую особенность патріотическихъ прежнихъ событій отечественныхъ».

Но несмотря на все это Императоръ Александръ не только

денія этой идеи въ исполненіе необходимо было имѣть массу политическаго такта и энергии и приведеніе ее въ исполненіе вполне оправдываетъ ту неискренность Александра, которую мы видимъ въ его сношеніяхъ съ Наполеономъ.

Какъ мы говорили уже выше, даже въ минуты самаго тѣснаго сближенія съ Наполеономъ Императоръ Александръ помѣшлялъ о необходимости борьбы съ нимъ, что иногда и прорывалось въ его собственныхъ словахъ; сейчасъ же послѣ Тильзитскаго свиданія, т.-е. въ іюнѣ 1807 года, за пять еще лѣтъ до Отечественной войны, онъ сказалъ, между прочимъ, королю и королевѣ прусскимъ: «Потерпите, мы свое воротимъ. Онъ сломаетъ себѣ шею. Несмотря на всѣ мои демонстраціи и наружныя дѣйствія, въ душѣ—я вашъ другъ и надѣюсь доказать это на дѣлѣ». Если даже допустимъ, что въ дѣйствительности этихъ именно словъ Императоръ Александръ и не говорилъ, то уже одно то, что современники приписываютъ ихъ ему, достаточно ярко характеризуетъ отношеніе Александра къ его другу и союзнику, тѣмъ болѣе, что и всѣ дальнѣйшія его дѣйствія говорятъ о безусловной возможности произнесенія имъ этихъ словъ, а кромѣ того мы знаемъ еще одну подобную же фразу Александра, которую приводитъ Баварскій министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Монжеля, говоря о Тильзитскомъ свиданіи—«По крайней мѣрѣ я выиграю время», сказалъ Императоръ Александръ, подписывая этотъ знаменитый договоръ. Казалось въ эту минуту у русскаго Императора слово расходилось съ дѣломъ, но къ этому вынуждали его тяжелыя обстоятельства, въ какихъ находилась тогда Россія, а будущее показало, что Императоръ Александръ былъ вполне правъ, онъ дѣйствительно выигралъ время, а Наполеонъ сломалъ себѣ шею и не Александру пришлось плакать кровавыми слезами, какъ то пророчилъ Наполеонъ. Все исполнилось такъ, какъ предсказывалъ Императоръ Александръ, а если мы еще припомнимъ одну фразу изъ его писма къ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ—«Бонапартъ думаетъ, что я дуракъ, но лучше смѣется тотъ, кто смѣется послѣдній», то станетъ вполне понятнымъ его поведеніе съ Наполеономъ.

Послѣдній смѣхъ достался на долю русскаго Императора, а кровавыя слезы были удѣломъ Императора Наполеона.

Особенно ухудшились отношенія съ Наполеономъ уже въ 1810 году, и Императоръ Александръ съ этого времени вступаетъ въ періодъ своей послѣдней борбѣ, закончившейся для него полной побѣдою, а для Наполеона полнымъ крушеніемъ и заключеніемъ на островѣ св. Елены, подъ охраною ненавистной ему Англии.

Объ ухудшеніи отношеній открыто говоритъ самъ Наполеонъ, не скрывая этого и отъ Александра, которому, между прочимъ, онъ писалъ 28 февраля 1811 года: «Что касается лично до меня, то я сохраняю мои прежнія чувства къ вамъ; но я пораженъ очевиднымъ значеніемъ дѣйствій и тою мыслію, что ваше величество готовы, лишь только будутъ благоприятствовать обстоятельства, войти въ соглашеніе съ Англіей, что будетъ равняться возбужденію войны между двумя имперіями. Если вы расторгнете союзъ съ Франціей и забудете объ обязательствахъ Тильзитскаго договора, то, конечно, послѣдуетъ война. — Нѣсколькими мѣсяцами ранѣе или нѣсколькими мѣсяцами позднѣе».

Императоръ Александръ, отвѣчая на это писъмо Наполеона, закончилъ словами: «Повторяю, если начнется война, то лишь потому, что вы ее желали, и употребивъ всѣ усилія, чтобы предотвратить ее, я сумѣю сражаться и дорого продамъ свое существованіе. Если же вмѣсто того, вы захотите имѣть въ моемъ лицѣ друга и союзника, то найдете во мнѣ тѣ же чувства привязанности и дружбы, которыя вамъ уже извѣстны» *). Несмотря на эти увѣренія въ дружбѣ, Наполеонъ прекрасно зналъ ихъ цѣну и вопросъ о войнѣ былъ имъ въ то время, конечно, уже рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ и весь вопросъ былъ лишь во времени: походъ въ далекую Россію былъ нелегокъ, къ нему надо было серьезно готовиться и отъ окончанія приготовленій и зависѣло начало открытія военныхъ дѣйствій. Осенью 1811 года особенно начала чувствоваться близость разрыва, и въ октябрѣ этого года Императоръ Александръ вполне уже опредѣленно говоритъ о возможности близкой развязки, — такъ, принимая возвратившагося изъ

*) Поповъ. Отечественная война 1812 года. Т. I. 28, 42.

Парижа графа Нессельроде, Государь, между прочимъ, сказалъ ему слѣдующую замѣчательную и многоговорящую фразу: «я сомнѣваюсь, чтобы новая съ моей стороны попытка къ соглашенію, обращенная къ Наполеону, привела бы къ мирной развязкѣ, такъ же, какъ и вы, я считаю разрывъ неизбѣжнымъ». Дальнѣйшія событія показали насколько былъ правъ Императоръ Александръ, говоря о неизбѣжности и близости разрыва, — черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ этого разговора французская армія уже была въ русскихъ предѣлахъ.

Подобно Императору Александру, увлеченному идеею покончить съ Наполеономъ, и Императоръ Наполеонъ былъ всецѣло подъ властью идеи бытъ властителемъ, если не всего міра, то хотя бы Западной Европы, но эта идея вела его къ полному крушенію его могущества, къ крушенію созданной имъ французской имперіи и къ гибели его самого. Все это было совершено русскимъ народомъ, но торжество это досталось намъ дорогой цѣною, такъ какъ для того, чтобы низвергнуть Наполеона, освободить отъ его власти Западную Европу и, наконецъ, чтобы самимъ избавиться отъ покоренія—русскому народу пришлось принести на алтарь войны и свое достоинство и жизни сотни тысячъ своихъ сыновъ.

Рѣшивъ походъ на Россію, Наполеонъ уже не медлилъ и весною 1812 года французскія войска стали приближаться къ русской границѣ и Императоръ Александръ, продолжая все еще дѣлать видъ, что не желаетъ этой войны, сталъ дѣятельно къ ней готовиться: уже 23-го марта послѣдовалъ Высочайшій манифестъ *), въ которомъ Государь говоритъ, что «состояніе дѣлъ въ Европѣ требуетъ рѣшительныхъ и твердыхъ мѣръ, неусыпнаго бодрствованія и сильнаго ополченія, которое могло бы вѣрнымъ и надежнымъ образомъ оградить Имперію отъ всѣхъ могущихъ противъ нее бытъ непріязненныхъ покушеній. Издавна сильный и храбрый народъ Россійскій любилъ со всѣми окрестными народами пребывать въ мирѣ и тишинѣ, соблюдая свой и другихъ покой; но когда бур-

*) Манифестъ этотъ былъ составленъ адмираломъ А. С. Шишковымъ, въ немъ правительство впервые говоритъ о возможности близкой войны.

цей, что оттягивало отъ западной границы значительную часть арміи. Признаки разрыва съ Наполеономъ, а затѣмъ и приближеніе къ нашимъ границамъ французской арміи вѣнудило Императора Александра пойти на возможные уступки, благодаря чему и удалось ускорить заключеніе мира, который и былъ подписанъ въ Бухарестѣ, послѣ семимѣсячныхъ переговоровъ, лишь 16 мая 1812 года, а ратификованъ только 11 іюня, наканунѣ перехода французскихъ войскъ черезъ Нѣманъ и вступленія ихъ въ предѣлы Россіи. Окончаніе турецкой войны несомнѣнно сильно развязывало руки Императору Александру, такъ какъ освобождало войска, бывшія въ Турціи, и они могли бытъ уже присоединены къ войскамъ, защищавшимъ нашу западную границу, освободился и Кутузовъ, который затѣмъ и былъ призванъ стать во главѣ всѣхъ армій. Въ это же время было заключено соглашеніе съ Швеціей, такъ что сѣверо-западная наша граница также была въ безопасности и не требовала отвлеченія войскъ.

Но за то, какъ бы въ противовѣсъ этимъ удачамъ Императора Александра, 24-го февраля другъ Императора Александра, Прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ, вѣнужденъ былъ заключить съ Наполеономъ союзный договоръ, согласно котораго долженъ былъ оказывать содѣйствіе Франціи въ случаѣ ея войны съ Россіей, а 2-го марта этому примѣру послѣдовалъ и Австрійскій Императоръ, также обязавшійся выставить противъ Россіи вспомогательный корпусъ. Такимъ образомъ Россія была представлена огнемъ своимъ силамъ, ей пришлось вести борьбу противъ всей соединенной Европы, насильно обѣединенной геніемъ Наполеона. Изъ этихъ двухъ союзовъ, направленныхъ противъ Россіи, если союзъ Австріи съ Наполеономъ явился результатомъ ея исконной двуличной политики, то союзъ Пруссіи былъ вызванъ дѣйствительно тѣмъ безвѣходнымъ положеніемъ, въ какое ее поставилъ Наполеонъ. Пруссія дѣйствительно не могла противиться волѣ Наполеона, если желала сохранить свое мѣсто на картѣ Европы. Вотъ что писалъ, между прочимъ, Прусскій король Императору Александру послѣ заключенія этого союза: «Нѣтъ нужды говорить вамъ, Государь, чего мнѣ стоило рѣшиться поступить такъ, какъ я поступилъ; но я утѣшаю себя мыслію, что исполнилъ первѣйшую обязанность—относительно сохраненія государства, пожертвовавъ самими дорогими мнѣ чувствами.

рехода Наполеономъ Нѣмана, Императоръ Александръ все еще говоритъ о своемъ нежеланіи войны и поручаетъ передать представителю Наполеона въ Петербургѣ, графу Лористону, что въ Вилнѣ такъ же, какъ и въ Петербургѣ онъ останется другомъ Наполеона и самымъ вѣрнымъ его союзникомъ (*son ami et son allié le plus fidèle*), но и здѣсь Александръ продолжалъ бытъ неискреннимъ, т. к. въ это самое время шли гѣятельныя переговоры о союзѣ Россіи съ Англіею, чего, безъ сомнѣнія, не могъ не знать Наполеонъ и, конечно, не могъ довѣрять миролюбію Русскаго Императора, говорившаго о дружбѣ и въ то же время входившаго въ союзъ съ его злѣйшимъ врагомъ (мирный договоръ съ Англіею былъ подписанъ 6 іюля 1812 года). Наполеонъ еще въ 1810 г. предвидѣлъ возможность союза Россіи съ Англіею, о чемъ говорится въ секретной запискѣ, составленной 4 марта 1810 г. по случаю женитббы Наполеона на Маріи-Луизѣ; въ этой запискѣ ясно высказывалась мысль о необходимости войны съ Россіей и Императоръ Александръ, стремясь къ тому же, только шелъ на встрѣчу желаніямъ Наполеона. Во всякомъ случаѣ говоритъ о примиреніи послѣ появленія Наполеона на правомъ берегу Нѣмана было невозможно, даже если бы Императоръ Александръ и искренно желалъ бы въ ту минуту мира, то событія были уже таковы, что объ этомъ было уже поздно подымать вопросъ.— Россія, по выраженію Наполеона, была увлечена рокомъ, но рокъ этотъ не сулилъ ей того, что хотѣлъ для нея французскій Императоръ, на этотъ разъ онъ, къ нашему счастью, ошибся, судьба, баловавшая его до тѣхъ поръ, отвернулась отъ него и повернула свое лицо къ его противнику и вполне оправдала все гѣйствія Императора Александра, находившаго невозможнымъ царствовать въ одно время съ Наполеономъ.

11-го іюня, какъ мы упомянули выше, былъ ратификованъ Бухарестскій миръ*), а на слѣдующій день, т. е. 12-го іюня, французская армія переправилась близъ Ковны черезъ Нѣманъ и вступила въ предѣлы Россіи, въ этотъ день началась Отечественная война и наступило время русскому народу выступить на защиту своей чести, своихъ святынъ, своихъ жилищъ.

*) О заключеніи мира было сообщено въ Москву черезъ особаго гонца, т. н. «вѣстника мира» Протасѣва, которому Московское дворянство, по обычаю, поднесло золотую табатерку, украшенную брилліантами.

нятся въ сердцахъ знаменитаго дворянства Наше­го, и во всѣхъ прочихъ сословіяхъ Богъ и православная Наша церковь; да составитъ и нынѣ сіе общее рвеніе и усердіе новыя силы, и да умножатся онѣя, начиная съ Москвы, во всей обширной Россіи. Мы не умедлимъ Сами стать посреди народа Своего въ сей Столицѣ и въ другихъ Государства Наше­го мѣстахъ для совѣщанія и руководствованія всѣми Нашими ополченіями, какъ нынѣ преграждающими пути врагу, такъ и вновь устроенными на пораженіе онаго вездѣ, гдѣ только появится. Да обратится гибель, въ которую мнитъ онъ низвергнуть насъ, на главу его, и освобожденная отъ рабства Европа да возвеличитъ имя Россіи *)».

Милостивыя слова манифеста, такъ отличавшія первопрестольную старушку Москву, требовали, конечно, отъ нея и особыхъ усилій для того, чтобы оправдать высокое довѣріе Монарха, призывавшаго ее стать во главѣ народнаго движенія на защиту государства, ей предстояло, какъ говорилось въ манифестѣ, «излить изъ нѣдръ своихъ смертоносную на враговъ силу». Дальнѣйшія событія показали, что Императоръ Александръ не ошибся, возлагая надежду на Москву, которая въ Отечественную войну исполнила свой долгъ передъ Россією и своимъ Государемъ.

Въ ночь на 12-е іюля Государь прибылъ въ Москву, и хотя было приказано не устраивать никакихъ встрѣчъ, но нетерпѣніе увидѣть его было такъ велико, что весь путь отъ послѣдней станціи былъ усѣянъ народомъ, ожидавшимъ проѣзда Государя, и отъ безчисленныхъ фонарей было свѣтло какъ днемъ. Москва, по выраженію Глинки, сдвинувшись съ исполинскаго основанія своего, летѣла навстрѣчу Государя. Всѣ сердца ликовали. Объ этомъ памятномъ посѣщеніи Императоромъ Александромъ і Москвы сохранились многія воспоминанія очевидцевъ всего происходившаго въ эти дни, — это посѣщеніе является настолько крупнымъ

*) Императоръ Александръ задумалъ созвать ополченія еще ранѣе, 27-го іюня онъ написалъ Барклаю де-Толли: «Я рѣшился издать манифестъ, чтобы при дальнѣйшемъ вторженіи неприятелей воззвать народъ къ истребленію ихъ всевозможными средствами, и почитаю это такимъ дѣломъ, которое предписываетъ сама вѣра».

Валери Александрович

ОБЩ. ПРАВЕДЛИВО

дворяне жертвуютъ до трехъ милліоновъ, купечество же слишкомъ до десяти. Однимъ словомъ, нелзя не бытъ тронутымъ до слезъ, видя духъ, оживляющій всѣхъ, и усердіе и готовность каждаго содѣйствовать общей пользѣ».

Знакомясь съ сохранившимися въ архивѣ дворянства списками пожертвованій на нужды военного времени видно то воодушевленіе, которое охватило всѣ слои общества. Среди особенно крупныхъ жертвъ мы находимъ такія крупныя пожертвованія, какъ Ирины Ивановны Бекетовой 50 тысячъ, графини Анны Алексѣевны и графа Владиміра Григорьевича Орловыхъ-Чесменскихъ по 100 тысячъ рублей, Ивана Петровича Бекетова 10 тысячъ, князя Александра Николаевича и княгини Екатерины Николаевны Долгорукихъ 10 тысячъ, Зоя Павловича Зосимасъ братьями 30 тысячъ, графа Сергѣя Петровича Румянцева 15 тысячъ, князя Николая Борисовича Юсупова 10 тысячъ, отъ служащихъ въ Императорскихъ театрахъ 10014 р., среди крупныхъ пожертвованій московскаго купечества встрѣчаемъ имена: Алексѣева (50 т.), Губина (78 т.), Корзинкина (25 т.), городского головы коммерціи-совѣтника-Алексѣя Алексѣевича Куманина (50 т.), Лухманова (25 т.), братьевъ Лукиныхъ (60 т.), Мазурина (25 т.), Солдатенкова (25 т.); изъ иногороднихъ купцовъ обращаетъ на себя вниманіе пожертвованіе переяславскаго купца Крестовникова (40 т.), также крупное пожертвованіе сдѣлала Троицкая Лавра, внесшая 70 тысячъ ассигнаціями, 2500 р. серебромъ и 324 четвертныхъ червонца, кромѣ того Лавра пожертвовала серебра въ слиткѣ 1 пудъ 34 фунта 70 золотниковъ и серебряныхъ вещей въсомъ 3 пуда 25 фун. 46 зол. *). Внесли свою лепту также профессора и преподаватели Московскаго Университета. Кромѣ денежныхъ пожертвованій, поступали пожертвованія и провіантомъ и матеріаломъ, жертвовали также и оружіе, въ списокъ этихъ послѣднихъ мы встрѣчаемъ медикаменты, холстъ, каски, ружья, пистолеты, пики и даже 12 мѣдныхъ пушекъ съ лафетами (отъ графа Никиты Петровича Панина).

*) Среди этихъ вещей были стаканы, стопы, ковши—возможно, что всѣ эти вещи имѣли большую цѣнность въ археологическомъ отношеніи. Все это, вѣроятно, было сплавлено и погребено, что, конечно, очень жалко.

Къ этимъ пожертвованіямъ надо прибавитъ также и пожертвованіе коломенскаго дворянства, которое въ 1816 г. отказалось отъ 30 тысячъ рублей, ассигнованныхъ для войновъ ополченія по Коломенскому уѣзду, за что въ мартѣ 1817 г. коломенское дворянство удостоилось получить Высочайшее благоволеніе, объявленное черезъ графа Торماسова.

Каждый несъ, что могъ и имя каждаго жертвователя должно бытъ отмѣчено, но особенно достойно бытъ отмѣченнымъ имя купца изъ Серебрянаго ряда Алексѣя Гавриловича Савостина, который отдалъ все имущество еще ранѣе созыва въ Слободской дворецъ дворянства и купечества 15-го іюля, что отмѣчаетъ П. С. Валувѣ *) въ своемъ писмѣ къ графу Ростопчину, — также весьма характерно заявленіе адмирала Николая Семеновича Мордвинова, оно настолько ярко рисуемъ намъ то настроеніе общества, которое его охватило въ тяжелую годину Отечественной войны, что мы находимъ необходимымъ привести его здѣсь цѣликомъ: «Въ Комитетъ, учрежденный для принятія и записки приношеній, адмиралъ Мордвиновъ вноситъ по числу 56 душъ Московской губерніи, за женою его состоящихъ, 560 рублей, обязывается на все время продолженія войны изъ 8 блюдъ, составляющихъ его столъ, уменьшитъ 5, напитковъ иностранныхъ за столомъ своимъ не употребляетъ, изъ 8 лошадей содержимыхъ нынѣ, уменьшитъ 4; жена его и дочери обязываются не носить на себѣ ничего иностраннаго и одежду русскаго рукодѣлія никакими накладками, уборами, шитвями не украшаютъ, весь же остатокъ доходовъ, отъ умѣренія расходовъ послѣдующій, обязывается онъ ежегодно вносить въ государственное казначейство».

Штабсъ-ротмистръ Иванъ Кузьмичъ Сикорскій отдалъ въ ополченіе двухъ своихъ дворовыхъ людей, вооруженныхъ саблями и пиками, и свою пенсію въ 113 рублей, — въ этомъ заключалось все его имущество, которое онъ и отдалъ родинѣ **).

Наполеонъ, начиная войну съ Россіей, очевидно не зналъ того народа, съ которымъ хотѣлъ воевать, и не предвидѣлъ того во-

*) Петръ Степановичъ Валувѣ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, былъ начальникомъ Московской Кремлевской Экспедиціи. Его сынъ Петръ былъ убитъ подъ Бородинымъ, о немъ говоритъ князь Вяземскій въ своемъ стихотвореніи «Поминки по Бородинской битвѣ» (см. прим. VI).

**) Журналъ Комитета 23-го іюля.

заласъ вообще войною обыкновенною, похожею на прежнія войны, къ которымъ вѣнуждало насъ честолюбіе Наполеона. Никто въ московскомъ обществѣ порядочно не извѣснялъ себѣ причины и необходимости этой войны; тѣмъ болѣе никто не могъ предвидѣть ея исхода.

Только позднѣе мысль о мирѣ сдѣлалася недоступною русскому народному чувству. Въ началѣ войны встрѣчались въ обществѣ ея сторонники, но встрѣчались и противники. Можно сказать вообще, что мнѣніе большинства не было ни сильно потрясено, ни напугано этою войною, которая таинственно скрѣивала въ себѣ и тѣ событія и тѣ историческія судьбы, которыми послѣ ознаменовала она себя. Въ обществахъ и въ англійскомъ клубѣ (говорю только о Москвѣ, въ которой я жилъ) были, разумѣется, разсужденія, пренія, толки, споры о томъ, что происходило, о нашихъ стѣчкахъ съ непріателемъ, о постоянномъ отступленіи нашихъ войскъ во внутрѣ Россіи. Но все это не выходило изъ круга обыкновенныхъ разговоровъ, въ виду подобныхъ же обстоятельствъ. Встрѣчались даже и такіе люди, которіе не хотѣли или не умѣли признавать важность того, что совершалось почти въ ихъ глазахъ. Помнится мнѣ, что на успокоительныя рѣчи такихъ господъ одинъ молодой человекъ—кажется, Мацневъ—забавно отвѣчалъ обыкновенно стихомъ Дмитріева:

«Но какъ ни разсуждай, а Миловзоръ ужъ тамъ».

Но никто, и, вѣроятно, самъ Мацневъ не предвидѣлъ, что этотъ Миловзоръ-Наполеонъ скоро будетъ тутъ, то-есть въ Москвѣ. Мысль о сдачѣ Москвы не входила тогда никому въ голову, никому въ сердце. Ясное понятіе о настоящемъ рѣдко бываетъ угнѣломъ нашимъ: тутъ ясновидѣнью много препятствуютъ чувства, привычки, то излишнія опасенія, то немѣрная самонадѣянность. Не одинъ Русскій, но вообще и каждый человекъ, крѣпокъ заднимъ умомъ. Пора дѣйствія и волненій не есть пора суда. Въ то время равно могли бытъ правы и тѣ, которіе желали войны, и тѣ, которіе ея опасались. Окончательный исходъ и опытъ утвердили торжество за первыми. Но можно ли было, по здравому разсудку и по строгому исчисленію вѣроятностей, положительно предвидѣть подобное торжество?—это другой вопросъ.

ность въ новѣхъ: нужно собрать не маловажное число воловъ, какъ для подѣла воинскихъ тягостей, такъ и продовольтствія храбрыхъ НАШИХЪ воиновъ, по первому велѣнiю готовыхъ выступить противу непрiязненныхъ каковыхъ-либо покушенiй». Въ заключенiе Государь призвалъ дворянство къ жертвованiю потребной для покупки воловъ суммы въ одинъ миллионъ рублей. Половину всей этой суммы приняло на себя Московское купечество, а другая половина была собрана Московскимъ дворянствомъ по раскладкѣ по количеству мужскихъ душъ, согласно постановленiю генерал-губернаторскаго собранiя отъ 1 июля 1812 г.

Сопоставляя всѣ эти жертвованiя деньгами, провiантомъ, фуражемъ, 30-ти тысячнымъ вполне обмундированнымъ, вооруженнымъ и обезпеченнымъ 3-хъ мѣсячнымъ продовольтствиемъ ополченiемъ и эти тысячи сгорѣвшихъ крестьянскихъ дворовъ, сгорѣвшiя усадьбы, хранившiя въ себѣ, рядомъ поколѣнiй собранное имущество, наконецъ пожаръ Москвы, гдѣ погибли не только дома, но и ничѣмъ невозвратимыя драгоценности, библиотеки, предметы искусства и т. п. (VII), а также принимая въ соображенiе цѣлый рядъ внѣочередныхъ рекрутскихъ наборовъ *),—мы можемъ смѣло сказать, что Московское дворянство несло на алтарь отечества не только отъ однихъ своихъ избытковъ, —1812 г. въ значительной степени подорвалъ средства многихъ, а для нѣкоторыхъ принесъ почти полное разоренiе и тѣ субсидiи, которыя были выданы послѣ войны правительствомъ, являлись каплею въ море и могли только въ извѣстныхъ случаяхъ поддержать, но не возстановить погибшее благосостоянiе (VIII). Просматривая списки пострадавшихъ помѣщиковъ (IX), мы встрѣчаемъ нѣкоторыхъ, у которыхъ сгорѣли сотни дворовъ: у графини Елисаветы Васильевны Зубовой 112, князя Петра Алексѣевича Волконскаго 129, Василя Дмитрiевича Камынина 222, Натальи Абрамовны Пушкиной 149, графа Льва Кирилловича Разумовскаго 118, семьи Савеловыхъ 385, Матвѣя Федоровича Толстого 127, графини Екатерины Александровны Головкиной 364, Дмитрiя Александровича Гурьева 160, графа Петра Андреевича Ефимовскаго 112, графини Варвары Петровны Разумов-

*) За время съ 1808 по 1813 годъ было девять наборовъ.

скрѣтитъ этого и въ разговорѣ съ гр. Комаровскимъ какъ-то сказалъ: «публика желала назначенія его, я назначилъ его: что касается меня, то я умываю себѣ руки въ этомъ». (le public a voulu sa nomination, je l'ai nomme: quant à moi, je m'en lave les mains).

Такимъ образомъ отпала кандидатура Кутузова въ Москвѣ, слѣдующій за нимъ по числу поданныхъ голосовъ былъ Московскій главнокомандующій графъ Ѳеодоръ Васильевичъ Ростовчинъ, которій, конечно, не могъ принять командованіе надъ Московскимъ ополченіемъ, третімъ былъ фельдмаршалъ графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, имѣвшій въ это время уже болѣе 70 лѣтъ, почему и принялъ командованіе графъ Ираклій Ивановичъ Морковъ *), сподвижникъ Суворова, имѣвшій за штурмъ Очакова Георгія 4 степени, за штурмъ Измаила Георгія 3 ст. и въ чинѣ маіора получившій Георгіевскую звѣзду 2 степени (1792).

Государь Императоръ особымъ рескриптомъ увѣдомилъ графа Ираклія Ивановича объ утвержденіи его главнымъ начальникомъ Московской Военной Силы и призвалъ его немедленно прибыть въ Москву для вступленія въ должность, но графъ Морковъ находился у себя въ имѣніи на югѣ Россіи и прибылъ въ Москву только 10 августа. До прѣзда въ Москву графа Моркова временно вступилъ въ командованіе ополченіемъ старшій по чину изъ ополченскихъ генераловъ — генералъ-лейтенантъ Василій Николаевичъ Чичеринъ, кавалеръ Георгія 3 ст., бывшій директоръ Тульскаго оружейнаго завода, развитію котораго онъ много способствовалъ.

Результаты обращенія Государя къ населенію Москвы и къ Московскому дворянству были настолько блестящи, что не потребовалось созывать ополченій во многихъ мѣстахъ Имперіи, что ясно мы видимъ изъ манифеста отъ 18 іюля, даннаго въ Москвѣ: «Сего ради, пріемля таковое рвеніе съ отеческимъ умиленіемъ и признательностію, обращаемъ Мы попеченіе Наше на то, чтобъ, составя достаточныя силы изъ однихъ губерній, не тревожимъ безъ нужды другихъ». Этотъ же манифестъ опредѣлилъ раздѣленіе Россіи на три округа: 1-й охватывалъ губерніи Москов-

*) Во всѣхъ документахъ того времени писался и самъ подписывался Марковимъ.

отд. КРАСНЕСЕЛЕН

кожѣ и на случай соединенія ихъ для дѣйствій противъ непріятеля».

Для выполненія всѣхъ начертаній, какъ указанныхъ въ Манифестѣ, такъ и въ Высочайшемъ повелѣніи, данномъ на имя Московскаго главнокомандующаго, въ Москвѣ сейчасъ же были образованы два Комитета, положенія о которыхъ были Высочайше утверждены 12-го іюля, 14 іюля были утверждены штаты Московской Военной Силы, согласно которымъ ополченіе дѣлилось на конныхъ казаковъ, пѣшихъ егерей и пѣшихъ казаковъ. Конные полки должны были имѣть 35 офицеровъ (считая въ томъ числѣ полковаго командира), 120 урядниковъ, 14 писарей и 1200 войновъ, пѣше полки 62 офицера, 176 урядниковъ, 26 писарей и 2400 войновъ. Согласно этимъ же штатамъ было назначено жалованіе—войны получали по одному рублю въ мѣсяцъ, младшіе оберъ-офицеры по 20 рублей и соменные командиры по 30 рублей, баталіонные же и полковые командиры жалованія не получали «по важности званія въ коемъ они служатъ по особой довѣренности Государя Императора и изъ усердія къ Отечеству».

Оба Комитета приступили къ своей дѣятельности уже 20-го іюля. Первый Комитетъ образовывался для пріема людей, вооруженія и продовольствія ихъ, второй же для пріема пожертвованій на нужды Московской Военной Силы.

Въ первый Комитетъ вошли: графъ Федоръ Васильевичъ Ростовчинъ, Степанъ Степановичъ Апраксинъ *), Иванъ Петровичъ Архаровъ **), Петръ Хрисанфовичъ Обольянинъ ***), Николай Николаевичъ Обресковъ ****), Василій Дмитріевичъ Арсеньевъ *****) и Алексѣй Алексѣевичъ Куманинъ *****).

*) Генералъ-отъ-Кавалеріи. Съ 1809 г. былъ въ отставкѣ и постоянно жилъ въ Москвѣ, на Знаменкѣ, въ своемъ домѣ (нынѣ Александровское Училище) или въ своемъ подмосковномъ «Ольгинѣ».

***) Генералъ-отъ-инфантеріи, былъ одно время, при Императорѣ Павлѣ, Московскимъ военнымъ губернаторомъ.

****) Генералъ-отъ-инфантеріи, бывший оберъ-прокуроръ Сенаата. Съ 1816 по 1832 г. Московскій губернскій предводитель дворянства.

*****) Сенаторъ и Московскій гражданскій губернаторъ (1810—1816), съ 1808 по 1810 г. Московск. губернска. предводитель дворянства.

*****) Московскій губернскій предводитель дворянства (1810—1816).

*****) Московскій городской голова, коммерціи-совѣтникъ, 17 іюля 1812 г. ему былъ пожалованъ орденъ св. Владимира 4 ст.

одежды, провіанта и оружія, то чтобы отъ припечатанія о семъ въ Вѣдомостяхъ зрѣсь въ Москвѣ черезъ три дня, а въ уѣздахъ черезъ недѣлю непременно онѣя были доставлены, въ противномъ случаѣ куплено бюджетъ недоставленное на ихъ счетъ, а имена ихъ, какъ неисправныхъ, также напечатаны будутъ въ Вѣдомостяхъ». Всѣ распоряженія Комитета дѣлались чрезъ уѣздныхъ предводителей, т. ч. можно сказать, что почти вся тяжесть сбора Московскаго ополченія ложилась на плечи губернскаго и уѣзднаго предводителей и вся работа на мѣстахъ почти исключительно была исполнена ими.

Особенно непріятная и тяжелая работа выпала на долю Можайскаго предводителя Александра Ивановича Остафьева *), которому пришлось приводить въ исполненіе Высочайшее повелѣніе объ очищеніи мѣхъ мѣстъ, по которымъ проходила непріятельская армія, оставившая послѣ себя массу труповъ людей и лошадей. Первоначально это было поручено полиціи, т. е. городничимъ и земскимъ исправникамъ, но такъ какъ они не справились съ этимъ дѣломъ, то оно и было передано въ руки Можайскаго предводителя, который выработалъ цѣлый рядъ мѣръ и зимой 1812/13 года приступилъ къ сожженію труповъ; къ концу февраля было сожжено 56522 трупа людей и болѣе 30 тысячъ лошадей, при чемъ сжигались только найденные по открытымъ мѣстамъ, а весной, когда открылись отъ снѣга лѣса и овраги, было вновь приступлено къ работѣ. Сохранилось между прочимъ отношеніе губернатора о томъ, что въ имѣннѣ дворянки Яновой въ Верейскомъ уѣздѣ всѣ погреба, колодцы и овинныя ямы полны трупами, то же говорятъ и современники— «крестьяне привели меня,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Мартенсъ («Русск. Стар». 1902. II. 412),—къ очень глубокому колодцу и показали, что онъ былъ наполненъ трупами убитыхъ французовъ, которыхъ они туда бросали. Ежедневно приходилось быть свидѣтелемъ подобныхъ сценъ, приводившихъ мало-мальски сострадательнаго человѣка въ ужасъ».

Для исполненія тяжелой работы по уборкѣ были привлечены крестьяне Волоколамскаго, Верейскаго, Рузскаго и Можайскаго уѣздовъ, которые получали въ день по 50 коп. и по 2 чарки

*) Былъ Можайскимъ предводителемъ дворянства съ 1810 по 1816 г. (См. Прим. XII).

водки. По окончаніи работъ, при каждомъ ихъ возвращеніи домой, ихъ окуривали, очищали въ избахъ воздухъ и отгбляли немедленно заболбвшихъ. Къ маю мбсяцу вся работа была закончена *).

Подобныя порученія возлагались и не на однихъ предводителей,—привлекались вообще всб помбщики, которымъ давались нербдко чисто полицейскія порученія,—такъ въ августб начальникъ главнаго штаба западныхъ арміи Беннигсенъ обратился къ Московскому губернскому предводителю дворянства съ просьбою предложить Московскимъ помбщикамъ ловить мародеровъ и укрывающихся изъ полковъ и представлять ихъ въ соотвбтствующія полковныя части, о чемъ губернскій предводитель сообщилъ убзднымъ, но уже для должнаго и неуклонительнаго исполненія.

Несмотря на трудность положенія помбщиковъ Комитетъ не принималъ рбшительно никакихъ отговорокъ и настойчиво требовалъ немедленнаго исполненія всбми тбхъ обязательствъ, которыя приняло на себя Московское дворянство 15 іюля въ Слободскомъ дворцб. Комитетъ не желалъ входить въ разсмотрбніе иногда и весьма уважительныхъ причинъ, мбшавшихъ своевременному исполненію принятыхъ обязательствъ. Характерный случай былъ, между прочимъ, съ Николаемъ Васильевичемъ Закржевскимъ, которому принадлежало въ Звенигородскомъ убздб селцо Никольское, имбвшее всего 20 душъ, но онъ предполагалъ переселить туда 127 душъ изъ Вологодской и Костромской губерній, что и было отмбчено по 6-й ревизіи; въ дбйствительности же онъ не успблъ этого исполнить, а между тбмъ ему слбговало поставить съ количества душъ, существовавшихъ пока только на бумагб, 14 войновъ, за которыми онъ и побхалъ въ Вологодскую губернію; но на все это, конечно, требовалось время, почему староста г. Закржевскаго просилъ обб отсрочкб, но эта, повидимому, уважительная причина замедленія нисколько не повлияла на членовъ Комитета, который предписалъ доставить

*) Еще до Бородинскаго сраженія 12 августа на Можайскаго предводителя было возложено собирать обывательскихъ лошадей и представить ихъ генералъ-интенданту арміи Ланскому, а также выслать землембра и четырехъ дворянъ, знающихъ дороги въ Можайскомъ убздб, и 30 крестьянъ изъ лбсничихъ и охотниковъ, которые могли бы служить проводниками для арміи (Архивъ Можайскаго у. пр. дв. Писъмо дежурнаго полковника Кайсарова).

слѣдующихъ 14 войновъ въ «самоскорѣйшемъ времени», а если это не будетъ исполнено, то «медленность помѣщика какъ неисполнителя общаго положенія дворянъ въ столь важной по обстоятельствамъ повинности будетъ представлена разсмотрѣнью правительствъ»). Въ другомъ случаѣ княгиня Хованская просила освободить ее отъ поставки людей въ виду долговъ и разстроеннаго состоянія,—Комитетъ не только отказалъ ей въ этомъ, но поставилъ на видъ предводителю самое принятіе имъ этого прошенія, отсрочившаго время исполненія столь важной повинности, и предписалъ въискать должное съ княгини Хованской «ибо долгъ генежнѣй ничего не значитъ предъ долгомъ усердія вѣрнопогданнаго къ Государю и Отечеству» **).

Комитетъ не стѣснялся и съ предводителями. Серпуховской предводитель встрѣтилъ затрудненія при пріемѣ ополченцевъ въ формѣ одежды и Комитетъ немедленно предписалъ ему сообщаться съ «Высочайше подтвержденнымъ докладомъ въ коемъ одежда война въ подробности описана съ таковымъ замѣчаніемъ что онъ находитъ сомнѣніе въ такомъ случаѣ, который ни мало не долженъ по ясности своей подвергаться оному, чрезъ что останавливается ходъ дѣла долженствующаго быть поспѣшно оконченнымъ, ибо ни одинъ предводитель до сихъ поръ въ такомъ затрудненіи не былъ и чтобы онъ впредъ уклонялся отъ подобнаго сомнѣній могущихъ навлечь ему отвѣтственность»***), и предводителю пришлось оправдываться и просить объ измененіи постановленія Комитета, дѣлавшаго ему замѣчаніе.

Въ общемъ надо признать, что I-й Комитетъ блестяще выполнилъ свою задачу, т. к. Московское ополченіе было сформировано окончательно уже около половины августа, 21-го собралось въ Можайскѣ, и 26-го большая часть его приняла участіе въ Бородинскомъ сраженіи. Всего въ ополченіи, или какъ его называли, въ Московской Военной Силѣ, было болѣе 30 тысячъ человекъ, точной цифры мы не имѣемъ, но въ журналѣ 20-го августа говорится, что къ этому числу по всѣмъ уѣздамъ, кромѣ Московскаго, принято 27575 человекъ, затѣмъ естѣ

*) Журналъ Комитета 19 августа.

***) Журналъ Комитета августа.

***) Журналъ Комитета 6 августа.

Comodoro José Ramírez

ORLA *Orla* 111

О выступленіи Московскаго ополченія изъ Москвы сообщаемъ въ своихъ воспоминаніяхъ о 1812 годѣ М. М. Евреиновъ, служившій самъ въ 1-мъ Егерскомъ полку (Русск. Архивъ. 1874. I. 100):

«Приблизилася и половина августа. Тогда Московскому ополченію повелѣно было выступитъ изъ Москвы. Всѣ мы собраны были на улицѣ противъ Спасскихъ казармъ и должны были дожидатся прибытія къ намъ преосвященнаго Августина, которъи, по прибытіи къ намъ, отправился въ близъ находящуюся тутъ церковь именуемую Спаса что во Спасской, взялъ оттуда хоругвь, возвратился къ намъ, отслужилъ молебствіе съ водоосвященіемъ, обошелъ всѣ ряды, окроплялъ всѣхъ святою водою, произнося: «благодать святаго Духа да будетъ съ вами», вручилъ ополченію сію хоругвь и въ напутствіе сказалъ рѣчь, какъ-вѣя онъ говоритъ имѣлъ особенный даръ. Народу было, насъ провожавшаго, несчетное множество, и мы перемѣняясь несли хоругвь сію черезъ всю Москву до Драгомиловской заставы (хоругвь сія прострѣленная до сихъ поръ сохраняется въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ). Пройдя нѣскольکو верстъ за заставу, мы остановились лагеремъ въ палаткахъ. Со мною вмѣстѣ находились молодой очень офицеръ Флегонтъ Николаевичъ Жеребцовъ и находившійся при мнѣ челоуѣкъ Николай Федоровъ. Не помню, сколько мы тутъ простояли; но знаю, что вскорѣ велѣно намъ приближатся къ селу Бородину*), въ которомъ ожидала всѣхъ кровавая битва. Позиція сія была избрана новоприбывшимъ главнокомандующимъ графомъ Михаиломъ Иларіоновичемъ Кутузовымъ».

Отъ этого же времени (16 августа) сохранилось писъмо графа Ростопчина къ Кутузову, въ которомъ онъ говоритъ, что «Московская сила какъ изволите увидѣть изъ приложеннаго при семъ рапорта г-на генералъ-лейтенанта графа Моркова (къ сожалѣнію этого рапорта мы не имѣемъ въ своемъ распоряженіи) почти вся собрана и сверхъ чаянія по времени довольно образована. Вся она направлена къ Можайску». Можно допустить, что Московское ополченіе дѣйствительно было въ из-

*) Село Бородино принадлежало въ это время Александрѣ Василевнѣ Давыдовой и Елисаветѣ Петровнѣ Савеловой.

своевременно и принялъ участіе со своимъ полкомъ въ сраженіи при Бородинѣ.

По прибытіи къ Можайску части ополченія были откомандированы въ различныя части, такъ 21 и 22 августа двѣ тысячи человѣкъ откомандированы были въ распоряженіе Можайскаго коменданта, 23-го 150 человѣкъ въ распоряженіе полковника Шульгина для устройства порядка въ окрестностяхъ Можайска, 24-го девять баталіоновъ цѣликомъ вошли въ составъ 1 и 2 армій. Остальная часть приняла подъ начальствомъ гр. И. И. Моркова участіе въ Бородинскомъ сраженіи, о чемъ говоритъ въ своемъ рапортѣ Государю Кутузовъ: «Скорое прибытіе Московскаго ополченія въ Арміи, значущимъ образомъ увеличило дѣйствующія ея силы ибо помещено будучи въ ряды съ прочими войсками во многихъ сраженіяхъ оказывало величайшую пользу. Начальникъ онаго Генералъ-Лейтенантъ графъ Морковъ, оправдавъ совершенно своими поступками довѣренность и единодушный выборъ Московскаго Дворянства, при Бородинскомъ дѣлѣ находился на лѣвомъ флангѣ, и въ то время когда корпусъ Генералъ-Лейтенанта Тучкова I придвинутъ былъ къ общему дѣйствию, тогда онъ съ искусствомъ отражалъ неоднократно натиски непріятельскіе»^{*)}. (Моск. Арх. Гл. Шт. Оп. 153, св. 1, д. 398).

Повидимому количество Московскаго ополченія, принимавшаго участіе въ Бородинскомъ сраженіи, не можетъ считаться точно установленнымъ и требуетъ еще провѣрки. Всѣ военныя писатели, говоря о Бородинскомъ сраженіи, опредѣляютъ количество Московскаго и Смоленскаго ополченій вмѣстѣ въ 10 тысячъ человѣкъ, а количество одного Московскаго ополченія, повидимому, опредѣляется въ семь тысячъ, между тѣмъ—какъ изъ документовъ Московскаго Депутатскаго Собранія, такъ и Московскаго отдѣленія Архива Главнаго Штаба, которые были въ нашемъ распоряженіи, получается совершенно другая картина и количество Московскаго ополченія подъ Бородинымъ получается нѣсколько иное. Ополченіе, какъ это видно изъ донесенія графа Моркова, прибыло къ Можайску 21-го августа, но въ этомъ донесеніи къ

^{*)} Графу Моркову въ декабрѣ 1812 года былъ пожалованъ оруженъ св. Александра Невскаго, минуя св. Владимира 2 степени, къ которому онъ былъ представленъ главнокомандующимъ княземъ Кутузовымъ.

сожалѣнію общія цифра не указана, мы имѣемъ ее лишь отъ 29-го августа, въ этотъ день общее количество показано въ 27672 человекъ и мы считаемъ, что это же количество и никакъ не менѣе было и 26-го. Изъ этого числа до Бородинскаго сраженія было откомандировано въ распоряженіе полковника Шульгина и Можайскаго коменданта 3500 человекъ, кромѣ того, тогда же девять батальоновъ въ полномъ составѣ вошли въ составъ 1 и 2 армій и, можно съ полной увѣренностью сказать, приняли участіе въ Бородинскомъ бою, на что есть намекъ въ документахъ, которыми мы пользовались: «Полковникъ Рославлевъ. Чиновнику сему былъ порученъ батальонъ, съ которымъ онъ въ сраженіяхъ 24 и 26-го августа, бывъ прикомандированъ ко 2-й арміи, нѣсколько разъ отражалъ стремленіе непріятеля». Вся остальная часть Московскаго ополченія оставалась подъ непосредственнымъ начальствомъ своего прямого начальника графа Моркова, и по нашему глубокому убѣжденію, основанному на документахъ, приняла участіе въ сраженіи и находилась на лѣвомъ флангѣ, подкрѣпляя корпусъ Тучкова 1.

Что все Московское ополченіе находилось 26-го августа на Бородинскомъ полѣ мы заключаемъ изъ наградныхъ списковъ командировъ ополченскихъ полковъ, представленныхъ княземъ Кутузовымъ на благовоззрѣніе Государя Императора. Изъ этихъ списковъ видно, что въ Бородинскомъ сраженіи, 26-го августа, участвовали слѣдующіе полки Московскаго ополченія: 1-й Егерскій (шефъ Демидовъ и командиръ Аргамаковъ), 2-й Егерскій (командиръ Талызинъ 2), 3-й Егерскій (командиръ Талызинъ 1), 1-й пѣхотный (шефъ князь Гагаринъ и командиръ Свѣчинъ), 3-й Пѣхотный (командиръ Свѣчинъ), 4-й Пѣхотный (командиръ Обресковъ), 6-й Пѣхотный (командиръ Лопухинъ) и 7-й Пѣхотный (командиръ Арсеневъ), т.-е. всего подъ Бородинымъ участвовало 8 ополченскихъ полковъ, что составляло приблизительно не менѣе 20 тысячъ человекъ, а никоимъ образомъ не 7.

Что указаннѣе полки дѣйствительно принимали участіе въ Бородинскомъ сраженіи усматривается изъ тѣхъ же наградныхъ списковъ, въ которыхъ мы читаемъ слѣдующее: «поспѣшнымъ сформированіемъ полка заслужилъ вниманіе и благодарность начальства, доведя онъ въ исправности въ Армію находился въ сраженіи 26-го августа съ отличнымъ муже-

Frederick Meyer

ОБЛА. КРАЕВЕДЕНИЯ

ствомъ» (командиръ 1-го Егерскаго полка Аргамаковъ), «а 26-го августа подъ Бородинымъ находясь съ полкомъ» (2-й Егерскій), «Князь Гагаринъ, въ сраженіи 26-го августа командовалъ 1-мъ Пѣхотнымъ полкомъ», Генералъ-Адъютантъ Лопухинъ по сформированіи 6-го Пѣхотнаго полка прибылъ 26-го августа на мѣсто сраженія, подкрѣплялъ корпусъ генералъ-лейтенанта Тучкова и обще съ Лейбъ-Гренадерскимъ и Павловскимъ полками находясь подъ сильнымъ картечнымъ огнемъ ударилъ въ штыки», «Генералъ-маіоръ Арсеневъ съ успѣхомъ кончилъ сформированіе 7-го Пѣхотнаго полка съ которымъ во время сраженія 26-го августа находился до самой ночи» и т. д.

Всѣ эти указанія на дѣйствіе полковъ Московскаго Ополченія вполне убѣждаютъ насъ въ томъ, что составившееся мнѣніе объ участи въ Бородинскомъ сраженіи всего 7000 человекъ неверно и требуетъ обстоятельной проверки.

Возможно впрочемъ, что происхожденіе цифры 7—10 тысячъ можно также объяснить тѣми же наградными списками. Въ списокъ о шефѣ 1-го Егерскаго полка Демидовѣ мы читаемъ: «26-го августа командовалъ резервомъ Московской военной силы изъ коей большая часть людей откомандировывалась въ подкрѣпленіе корпуса генералъ-лейтенанта Тучкова или же для выносу раненныхъ» — нельзя ли намъ здѣсь найти необходимое объясненіе и не даетъ ли эта замѣтка права высказать предположеніе, что Московская военная сила кромѣ дѣйствующихъ полковъ имѣла и свой собственный резервъ, т. е. если о Демидовѣ говорится, что онъ командовалъ резервомъ ополченія, то мы въ правѣ заключить, что былъ и не резервъ. Такимъ образомъ весьма вѣроятно, что 7000 составляли резервъ, а остальная часть, т. е. 13—14 тысячъ входили въ составъ дѣйствующихъ полковъ 1 и 2 армій. Мы думаемъ, что знакомство съ тѣмъ архивнымъ матеріаломъ, который мы имѣли въ нашемъ распоряженіи даетъ намъ безусловное право прійти именно къ подобному заключенію и сказать, что въ Бородинскомъ сраженіи участвовало отъ 20 до 24 тысячъ человекъ Московскаго Ополченія. Это положеніе нисколько не опровергается, какъ намъ кажется, и самимъ Кутузовымъ, который въ своемъ донесеніи говоритъ, что «скорое прибытіе Московскаго Ополченія въ Арміи, значущимъ обра-

зомъ увеличило дѣйствующія ся силы ибо помѣщено будучи въ ряды съ прочими войсками во многихъ сраженіяхъ оказывало величайшую пользу», говоритъ о большомъ значеніи для большой арміи семи тысячъ почти необученнаго ополченія врядъ ли было возможно, если же было въ дѣйствительности двадцать, а можетъ быть даже и болѣе, тысячъ, то конечно это уже составляло нѣкоторую силу, т. к. значительно увеличивало составъ боевыхъ силъ арміи, что и могъ отмѣтить въ своемъ донесеніи Кутузовъ. Въ самое послѣднее время полковникъ Н. П. Поликарповъ въ своей брошюрѣ «Къ исторіи Отечественной войны 1812 г.» (вып. III, стр. 23) точно опредѣляетъ число полковъ Московскаго Ополченія, участвовавшихъ въ Бородинскомъ сраженіи: «Весьма солиднымъ въ количественномъ отношеніи, — говоритъ полковникъ Поликарповъ, подкрѣпленіемъ явилось Московское Ополченіе, часть полковъ котораго прибывала къ арміи постепенно въ теченіе 23 и 24 августа. Это подкрѣпленіе распалось на двѣ отдѣльныя группы: одни баталіоны были прикомандированы къ пѣхотнымъ корпусамъ и дѣйствовали уже вмѣстѣ съ ними, другіе же баталіоны остались въ составѣ особаго ополченскаго отряда ген.-лейт. графа Моркова, дѣйствовавшего самостоятельно на положеніи отдѣльной войсковой части.

Изъ первой группы Московскаго ополченія были прикомандированы къ пѣхотнымъ корпусамъ: 1 и 4 баталіоны 1 егерскаго полка, подъ общою командою маіора Мицкаго — ко 2; 1 и 3 баталіоны 3 пѣшаго казачьяго полка — къ 3; 3 и 4 баталіоны 4 пѣшаго казачьяго полка, подъ общою командою полковника князя Оболенскаго — къ 4; 2 и 3 баталіоны 3 егерскаго полка, подъ общою командою маіора Постникова — къ 6. Въ 6-же пѣхотный корпусъ поступили «оставшіеся отъ Московскаго ополченія» (т. е. не распределенные по полкамъ этого ополченія) еще и 946 ратниковъ Верейскаго и Волоколамскаго уѣздовъ. Численный составъ этихъ баталіоновъ неизвѣстенъ, и судить о немъ можно только приблизительно по тому обстоятельству, что въ прибывшихъ къ арміи 24 августа 1 и 3 баталіонахъ 4 пѣшаго казачьяго полка Московскаго ополченія состояли на лицо 2 штабъ-офицера 4 оберъ-офицера, 88 урядниковъ и 1150 ратниковъ или войновъ.

Въ отдѣльномъ ополченскомъ отрядѣ ген.-лейт. графа Моркова, части котораго присоединились 23 и 24 августа къ Арміи,

ударилъ вѣ штыки на непріятельскую колонну, овладѣвшую нашей высотой и опрокинулъ оную. Таковыя тѣ отрывочныя свѣдѣнія, которыя можно было добыть о дѣйствіяхъ ополченія подъ Бородинымъ, послѣ чего оно сливается съ арміей и услѣдитъ за нимъ становится невозможнымъ, естѣ между прочимъ, указаніе на участіе 1-го пѣхотнаго полка подъ командою Свѣчина въ сраженіи подъ Краснымъ, гдѣ онъ ходилъ въ штыки, нѣкоторыя изъ чиновъ ополченія командовали, повидимому, и армейскими полками и вообще получали спеціальныя порученія, такъ генераль-маіоръ Галызинъ «войдя въ городъ съ полками Либавскимъ и Софійскимъ въ продолженіи всего сраженія находился въ самомъ жаркомъ огнѣ, безпрестанными атаками съ рѣшительностію и храбростію поражалъ непріятеля» (въ сраженіи подъ Малымъ Ярославцемъ, 12 октября 1812 г.),—Командиръ 3-го пѣхотнаго полка генераль-маіоръ Свѣчинъ, сдавъ послѣ Бородинскаго сраженія свой полкъ, былъ прикомандированъ къ корпусу генераль-адъютанта Васильчикова и подъ Вязмою командовалъ 1-ю линією, но будучи раненъ саблею въ голову взятъ былъ въ плѣнъ, но вскорѣ былъ отбитъ за Минскомъ казаками, послѣ чего ему было поручено отвести въ Витебскъ большую партію плѣнныхъ (7 генераловъ, болѣе 500 офицеровъ и 12 тысячъ солдатъ), 8-го пѣхотнаго полка подполковникъ Сафоновъ былъ комендантомъ въ Оршѣ, подполковникъ Свѣчинъ комендантомъ въ Борисовѣ, маіоръ Есиповъ послѣ расформированія былъ прикомандированъ къ авангарду графа Платова, а затѣмъ командовалъ отрядомъ конныхъ стрѣлковъ, съ которыми дѣйствовалъ за границею, гдѣ былъ раненъ пулею въ лѣвый бокъ.

Мы не знаемъ сколько выбыло изъ строя въ полкахъ Московскаго ополченія, но несомнѣнно ихъ было не мало и они внесли крупную долю въ число тѣхъ десятковъ тысячъ, которыя нашли почетную смерть на Бородинскихъ поляхъ.

Звучалъ булатъ, картечь визжала,
 Рука бойцовъ колотъ устала,
 И ядрамъ пролетать мѣшала
 Гора кровавыхъ тѣлъ.

Не мало пало подъ Бородинымъ Московскихъ дворянъ, служившихъ въ арміи—назовемъ хотя бы двухъ братьевъ Николая

и Александра Тучковыхъ, убитъ былъ и одинъ изъ сыновей начальника Московскаго ополченія графа Ираклія Ивановича Моркова, не мало было и отличившихся *).

Послѣ окончанія Бородинскаго сраженія, раскомандированіе Московскаго ополченія продолжалось, такъ 26-го же августа 800 человекъ Московскаго ополченія было откомандировано на пополненіе артиллеріи, а затѣмъ при отступленіи къ Москвѣ «остальное количество Московской Военной силы,—говоритъ въ своемъ рапортѣ отъ 20 января 1813 г. (Моск. Арх. Гл. Шт. Оп. XIa, св. 281, д. № 13) гр. Морковъ,—отдано въ Армію цѣлыми полками съ принадлежащими къ онѣмъ штабъ и оберъ офицерами». О распредѣленіи всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ Московской Военной силы на дѣйствительную службу по полкамъ говоритъ и Государь въ своемъ рескриптѣ на имя Кутузова отъ 8 октября **).

Дѣйствительно 29-го августа кн. Кутузовымъ былъ отданъ слѣдующій приказъ по западной арміи ***): «Г.Г. Корпуснымъ начальникамъ отрядитъ немедленно отъ каждаго пѣхотнаго включая гвардейскаго корпуса по 1 штабъ-офицеру для принятія отъ генераль-лейтенанта Графа Моркова полковъ изъ Московской Военной силы поступившихъ въ корпуса, а именно:

Въ 3 корпусъ полки: Егерскій 2 и 3 и 1-й пѣхотный.

Во 2 корпусъ 6 пѣхотный полкъ.

Въ 4 » 2 » »

Въ 6 » 7 » »

Полки сіи составляютъ 3 шеренгу полковъ и поступаютъ въ онѣе только на время продолженія войны, по окончаніи же оной, возвратятся въ свои дома», 31-го августа былъ отданъ еще приказъ, которымъ части ополченія распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

*) Къ сожалѣнію, въ дѣлахъ дворянства не сохранилось числа погибшихъ, случайно имѣется только свѣдѣніе по Дмитровскому уѣзду, который потерялъ за время войны изъ 1608 человекъ ополченія 900, т.-е. погибло и вообще не вернулось на мѣсто около 58% (см. прим. XIII), большую убыль понесла 17 сентября при Чириковѣ часть ополченія, вошедшая въ составъ 27-й пѣхотной дивизіи Невѣровскаго.

**) Моск. Отд. Арх. Главн. Шт. Оп. 11a, св. 281, д. № 5, ч. 10, л. 4.

***) Моск. Отд. Арх. Главн. Штаба. Оп. 208, св. 55, № 5/44.

Во 2 корпусѣ	1 и 4 баталіоны	1-го Егерскаго полка.
Вѣ 3	» 1 и 3	» 3-го казачьяго пѣхотнаго полка.
Вѣ 4	» 3 и 4	» 4-го » » »
Вѣ 6	» 2 и 3	» 3-го Егерскаго полка.

Вѣ этомѣ же приказѣ предписывалось, если ополченцевѣ окажется вѣ полкахѣ больше старѣхѣ солдатѣ, то изѣ лишнихѣ составляють резервныя колонны и употребляютѣ ихѣ для отвода раненѣхѣ и для разныхѣ командировокѣ.

Всего распределено было по армейскимѣ Корпусамѣ восемь полковѣ, остальные же 3 полка были расположены по линіи, «по которой будутѣ препровождатѣся транспорты и плѣнные», изѣ нихѣ два полка подѣ командою подполковника Свѣчина были расположены вѣ г. Борисовѣ и 8-й пѣшій полкѣ вѣ Оршѣ. Три эти полка пробѣли вѣ Борисовѣ и Оршѣ, а затѣмѣ вѣ Бобруйской крѣпости до лѣта 1813 г., когда имѣ было предписано соединитѣся и по указаннымѣ маршрутамѣ подѣ командою Свѣчина, слѣдовать вѣ Москву, послѣ чего Свѣчину было приказано возвратитѣся опять вѣ Борисовѣ и вступить попрежнему вѣ должность Борисовскаго коменданта *).

Кромѣ указанныхѣ выше свѣдѣній взятѣхѣ нами изѣ приказовѣ по арміи, имѣется вѣдомость распределенія войновѣ Московской военной силы за подписью дежурнаго генерала. Эта вѣдомость рисуемѣ намѣ полную картину того, по какимѣ частямѣ были распределены части ополченія и сколько человекѣ было налицо, на ней нѣтъ помѣтъ, но, повидимому, ее надо отнести къ послѣднимѣ числамѣ августа, т.-е. приблизительно ко времени изданія, указанныхѣ нами выше, приказовѣ князя Кутузова отѣ 29 и 30 августа, а возможно, что эта вѣдомость явилась прямѣмѣ слѣдствіемѣ этихѣ приказовѣ, все это подтверждается и донесеніемѣ графа Моркова отѣ 20 января 1813 года, вѣ которомѣ онѣ говоритѣ: «Ретируясь къ Москвѣ по волѣ Его Свѣтлости остальное количество Московской Военной Силы отдано вѣ армію цѣлыми полками съ принадлежащими къ онѣмѣ штабѣ и оберѣ офицерами».

*) Моск. Отд. Арх. Главн. Штаба. Оп. 130, св. 53, д. № 448 и Оп. 11а, св. 281, д. № 24, ч. 9.

казанію Его Сіятельства командующаго Московскою военною силою Графа Моркова, назначенъ въ артиллерію Московскаго ополченія», но это единственныйъ случай упоминанія въ нашихъ матеріалахъ объ ополченской артиллеріи, къ сожалѣнію полковника Велбьяшева-Волынцова нѣтъ и въ наградномъ списокѣ, т. ч. не видно его дальнѣйшей службы*). Есть впрочемъ еще намеки на существованіе артиллеріи, такъ гр. Ростопчинъ 24 августа предписалъ оберъ-провіантмейстеру Кашкину доставитъ провіантъ для 100 человекъ, присланныхъ съ прапорщикомъ Воронановымъ въ Московскій артиллерійскій гарнизонъ «для обученія пушечной экзерциціи», повидимому о нихъ же говоритъ тотъ же Ростопчинъ въ письмѣ Кутузову отъ 28 августа: 2) «Завтра на разсвѣтѣ выступаютъ 4600 человекъ совсѣмъ на службу готовыхъ, черезъ два дня еще полкъ 2300 человекъ изъ Подольска, отсюда послѣ завтра батарея съ понтонной ротой и 100 человеками изъ ополченія совершенно въученными пушечной стрѣльбѣ». Згѣсь, конечно, трудно категорически утверждать, что это была ополченская батарея—возможно, что это была обыкновенная полевая съ прикомандированными къ ней 100 ополченцами, но сопоставляя съ одной стороны назначеніе полковника Велбьяшева-Волынцова въ артиллерію Московскаго ополченія, а съ другой командированіе при ополченскомъ офицерѣ 100 ополченцевъ для обученія пушечной стрѣльбѣ—можно почти съ увѣренностію сказать, что артиллерія при Московской Военной Силѣ если и не существовала, то была предположена и въ августѣ 1812 года была въ періодѣ формированія, а затѣмъ въ виду измѣнившихся обстоятельствъ и послѣдовавшаго вскорѣ изгнанія французовъ и роспуска ополченій формированіе это было прекращено раньше, чѣмъ эта артиллерія успѣла проявитъ себя на дѣлѣ.

*) Извѣстны примѣры, когда ополченія имѣли свою артиллерію, между прочимъ, Пензенское имѣло четыре орудія, впрочемъ случайно найденныя въ Пензѣ. (Очеркъ формированія Дворянствомъ Пензенской губерніи и дѣйствія ополченія. Стр. IX). Существовала конная артиллерійская рота и при Тульскомъ ополченіи (Моск. опд. Арх. Гл. Шт. 208 а, св. О. д. № 1, л. 234).

**) Моск. опд. Арх. Гл. Шт. Оп. 11 а, св. 281, д. № 6, ч. 1.

средство; а посему аррьергардъ, два дня послѣ Бородинскаго сраженія, поручили Милорадовичу. Онѣ на каждомъ шагу останавливалъ короля Неаполитанскаго и 29 принудилъ его даже отступить послѣ кровопролитнаго дѣла, продолжавшагося во весь день. Онѣ вообще столь искусно дѣйствовалъ, что однажды находился отъ главной квартиры въ сорока верстахъ. Наконецъ мы приблизились къ Москвѣ. Неизъяснимыя чувства волновали души, потому что сердца русскихъ не могли постигнуть, чтобы враги могли быть вблизи матери городовъ нашихъ. Перваго сентября рано по утрамъ Свѣтлѣйшій Князь прибылъ на Поклонную гору, откуда столица представилась со всѣми своими прелестными окрестностями и безчисленными колокольнями.

Онѣ сѣлъ, по своему обыкновению, на небольшую скамью; пѣхота, конница, артиллерія и ополченія медленно и въ безмолвіи тянулись по дорогѣ, покрывали поля и выходили изъ лѣсовъ. Почетнѣйшіе изъ генераловъ окружили главнокомандующаго. Это была торжественная минута. Мы увидѣли здѣсь графа Раstopчина, который въ первый разъ прѣхалъ въ армію. Многие изъ офицеровъ отыскивали позиціи для сраженія, потому что были еще въ увѣреніяхъ въ скоромъ времени встрѣтиться съ неприятелемъ и на нѣкоторыхъ возвышеніяхъ вдоль Поклонной горы начали рыть укрѣпленія*).

Но по обзорѣннѣи мѣстнаго положенія оказалось, что оно пересѣкаемо глубокими и крутыми рвами, которые во время дѣла воспрепятствовали бы переводить войска съ одного мѣста на другое, подкрѣплять резервами ослабѣвшіе отряды и употреблять конницу. Позиція простиралась на четыре версты; пространство сіе было слишкомъ велико для арміи, обезсиленной Бородинскимъ днемъ, позади оной находилась столица и Москва рѣка, имѣющая крутые берега. Такимъ образомъ въ случаѣ неудачи армія была бы уничтожена и въ невыгодномъ мѣстѣ своего расположенія и во время переправы черезъ Москву рѣку и при отступленіи по пространнѣйшему городу въ Европѣ. Однако же мысль пережить отгачу Москвы еще болѣе была ужасна, хотя съ отступленіемъ отъ оной предвидѣлись великія выгоды, потому что приспѣвало время, въ которое ежедневно должны

*) Слѣды этихъ укрѣпленій сохранились до сихъ поръ.

были присоединиться къ намъ свѣжія войска. Отъ разныхъ соображеній, колебавшихъ генераловъ, начертывалась нерѣшимость на лицахъ ихъ; они постигали важность послѣдствій, которыя должны были произойти отъ всякаго предпріятія, на каковое бы они ни покусились.

Иногда столѣтія не перемѣняютъ порядка существующихъ вещей, а въ другое время часъ рѣшаетъ участь отечества.

Въ семъ положеніи Свѣтлѣйшій Князь пригласилъ первенствующихъ генераловъ, изъ коихъ нѣкоторые еще находились при войскахъ, ими предводимыхъ, на совѣщаніе въ главную его квартиру, въ деревню Фили, въ 4-мъ часу пополудни.

Кажется, что намѣреніе его отступить отъ Москвы было уже твердо принято: онъ не обязанъ былъ по власти своей спрашивать чѣго-либо совѣта, но грядущія времена налагали на него долгъ узнать мнѣнія генераловъ въ такомъ случаѣ, котораго послѣдствія должны были распространиться и на позднихъ потомковъ. Можетъ быть способствовала къ сему и мысль о превратности счастья и о возможности неудачнаго продолженія войны.

Въ совѣтѣ находились, кромѣ Главнокомандующаго, генералы: Бенигсенъ, Барклай-де-Толли, Платовъ, Дохтуровъ, Уваровъ, Раевскій, Остерманъ, Коновницынъ, Ермоловъ, полковникъ Толъ и генералъ-интендантъ Ланской. Милорадовичъ не присутствовалъ, потому что былъ въ арріергардѣ. Свѣтлѣйшій Князь, открывъ засѣданіе вопросомъ: «принятъ ли сраженіе передъ Москвою, или отступить за оную», изложилъ мнѣніе свое о неудобствахъ позиціи и о выгодахъ, кои могутъ произойти отъ отступленія, онъ присовокупилъ, что «доколѣ будетъ существовать армія и находится въ состояніи противиться непріятелю, до тѣхъ поръ сохранимъ надежду благополучно совершить войну; но когда уничтожится армія,—погибнетъ и Москва и Россія». Бенигсенъ сказалъ: «Мы спасемъ армію и Москву, когда сами пойдемъ атаковать непріятеля. Намъ сіе потому можно исполнить, что Наполеонъ отрядилъ корпусъ вице-короля италіянскаго обойти насъ справа и другой корпусъ, чтобы обойти насъ слѣва—отъ сего силы его гораздо уменьшились; сверхъ того многія тысячи мародеровъ расстраиваютъ его армію; а посему если пойдемъ прямо на него, онъ будетъ неминуемо

разбитъ, а оба корпуса, посланные, чтобы насъ обойти, будутъ сами отрѣзаны. Если вы сего мнѣнія не примете, то предлагаю стянуть всѣ наши силы къ лѣвому крылу, стать въ сторонѣ дорогъ Смоленской и Калужской, имѣя позади насъ Воробьевы горы и тутъ ожидать, что непріятель предприметъ». Барклай-де-Толли: «Если бы мы были намѣрены атаковать, то сіе надлежало бы прежде; не надобно подходить близко къ Москвѣ, потому что гибель наша неизбежна въ случаѣ несчастія, т.-е. отступленія черезъ оную». Принявъ потомъ въ уваженіе невыгоду позиціи, онъ предложилъ идти назадъ. Съ нимъ согласились всѣ, за исключеніемъ Бенигсена, Дохтурова, Уварова и Коновницѣна, которые говорили, чтобы передъ Москвою сражались. «Теперь надобно рѣшиться»,—сказалъ главнокомандующій,—«въ которую сторону намъ направиться». Барклай-де-Толли предложилъ идти къ Волгѣ, куда въ теченіе лѣта посланы были офицеры для осмотра мѣстъ. Сверхъ того, присовокупилъ онъ: «Волга, протекая по плодороднѣйшимъ губерніямъ, кормитъ Россію». «Но мы должны помѣшлять теперь»,—отвѣчалъ фельдмаршалъ,—«не о краяхъ, прогдольствующихъ Россію, о тѣхъ, которые снабжаютъ армію, а по сему намъ слѣдуетъ взять направленіе на полуденныя губерніи». Въ заключеніе положено идти по Рязанской дорогѣ. Совѣщаніе продолжалось съ небольшимъ часъ. Свѣтлѣйшій князь закрылъ оное словами: «чтобы не случилось, я принимаю на себя отвѣтственность передъ Государемъ, отечествомъ и арміею»^{*)}).

Результатомъ военнаго совѣта въ Филяхъ было полученіе гр. Ростопчинымъ отъ Кутузова слѣдующаго крайне лаконическаго, но весьма опредѣленнаго писма: «Непріятель, отгѣливъ колонны свои на Звенигородъ и Боровскъ, и невыгодное згѣшнее мѣстоположеніе, вынуждаютъ меня съ горестью Москву оставить. Армія идетъ на Рязанскую дорогу».

^{*)} Военскій, К. Отечественная война 1812 г. въ запискахъ современниковъ, стр. 81. «Записки неизвѣстнаго».

Еще передъ началомъ совѣта въ Филяхъ Кутузовъ сказалъ на ухо принцу Евгенію Виртембергскому: «Ici ma tête, fut-elle bonne ou mauvaise, ne doit s'aider que d'elle même»—конечно вопросъ объ оставленіи Москвы былъ въ тотъ моментъ уже рѣшенъ Кутузовымъ.

IV.

Судьба Москвы была рѣшена. Въ ночь на 2 сентября двинулись обозы, а рано утромъ черезъ Дорогомиловскую заставу потянулись войска и остановились въ 17 верстахъ отъ Москвы по Рязанской дорогѣ,—затѣмъ Кутузовъ, совершивъ свой знаменитый фланговый маршъ, вышелъ на старую Калужскую дорогу и 20 сентября занялъ позиціи у Тарутина. Мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ отступленія, а затѣмъ и гибели великой арміи Наполеона, это не входитъ въ наши задачи, укажемъ лишь на то, что въ наградныхъ спискахъ офицеровъ Московскаго ополченія мы встрѣчаемъ хорошо знакомыя намъ всѣмъ мѣста сраженій: Тарутино, Малый Ярославецъ, Красный, Вязьма, Дорогобужъ и т. д., все это сраженія, въ которыхъ принимали участіе отдѣльныя части и лица Московскаго ополченія. Имена отличившихся желающіе найдутъ въ печатаемыхъ нами въ «Матеріалахъ» наградныхъ спискахъ, къ сожалѣнію нѣтъ списковъ лицъ, положившихъ свой животъ за отечество.

Что происходило въ Москвѣ 2-го сентября довольно картинно рисуетъ въ своихъ запискахъ Ф. Ф. Вигель (Русскій Архивъ 1892 г. VI, 61): «Въ семь часовъ утра, 2-го сентября, поднялся братъ мой, а въ восемь былъ уже за Покровскою заставой. Ужасомъ наполнилось сердце его, когда проѣзжалъ онъ по опустѣвшимъ безконечнымъ улицамъ Москвы, мимо высокихъ зданій, коихъ жители, казалось всѣ вмерли: ни лица, ни голоса человеческого. На пути изъ края въ край обширнѣйшаго города, встрѣтилъ онъ всего человѣкъ семь или восемь оципаныхъ, оборванныхъ, съ подозрительными фигурами, которые какъ будто еще прятались, злобѣщія тѣни, которыя быстро исчезали. Но, приближаясь къ заставѣ, для всѣхъ уже открытой, толпы людей становились все гуще и гуще; проѣхавъ же ее, съ трудомъ могъ онъ подвигаться впередъ посреди плотной массы удаляющихся. Безпорядокъ, въ которомъ остатокъ народонаселенія Московскаго спѣшилъ изъ нея, являетъ картину единственную въ своемъ родѣ, ужасную и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько карикатурную. Тамъ виденъ былъ попъ, нагнѣвшій одну на другую всѣ ризы и державшій въ рукахъ узелъ съ церковною

резолуціи о згачѣ провіанта, но какѣ посланный унтерѣ-офицерѣ
Вашего Высокородія вѣ Москвѣ уже не засталѣ, то и рапортѣ
мой привезѣ обратно и обѣявилѣ мнѣ, что Вы вѣѣхали вѣ армію;
потомѣ посланный изѣ Москвы курьерѣ отѣ господина главно-
командующаго вѣ Москвѣ графа Ростопчина вѣ Воскресенскѣ
обѣявилѣ мнѣ повелѣніе, что велѣно всѣмѣ слѣдующимѣ по Во-
локоламскому тракту транспортамѣ и командамѣ поспѣшатѣ кѣ
Москвѣ, почему и я слѣдовалѣ туда и прибылѣ кѣ Москвѣ на-
канунѣ занятія оной непріятелемѣ, транспортѣ остановилѣ у
заставы, самѣ искалѣ вѣ Москвѣ Вашего Высокородія и, узнавѣ
о вѣѣздѣ Вашемѣ вѣ армію, явился кѣ господину коменданту
Гессе и по его приказанію являлся кѣ главнокомандующему графу
Ростопчину, а отѣ него приказано мнѣ явитѣся для згачи про-
віанта кѣ Г-ну Оберѣ-Полиціймейстеру Ивашкину, который мнѣ
обѣявилѣ, что я долженѣ слѣдовать вокругѣ Москвы черезѣ
Владимірскую на Рязанскую дорогу и присоединитѣся тамѣ кѣ
нашей арміи, а вѣ Москву мнѣ уже сѣ транспортомѣ вступиѣ
было опасно и какѣ оберѣ-полиціймейстерѣ со всею полиціею
и все начальство изѣ Москвы вѣѣзжали, почему и я слѣдовалѣ
вокругѣ Москвы чрезѣ Владимирскую на Рязанскую дорогу кѣ на-
шей арміи и благополучно сѣ транспортомѣ мнѣ вѣѣреннѣмѣ
прибылѣ вѣ армію; переправя оный за Москву рѣку на Боровскомѣ
перевозѣ, явился вѣ главномѣ дежурствѣ вѣ деревнѣ Кулаковкѣ
кѣ господину дежурному полковнику Кикину и получивѣ отѣ
него повелѣніе слѣдовать по оной дорогѣ впередѣ до повелѣнія
и во время сего слѣдованія сухари и крупы на походѣ вѣ арміи
сдалѣ всѣ, а мука осталасѣ, сѣ которою слѣдовалѣ я кѣ арміи
подѣ село Тарутино, гдѣ велѣно мнѣ отѣ главнаго дежурства
явитѣся кѣ главной арміи кѣ полевому генералѣ-провіантмейстеру
Гове и быѣ подѣ его распоряженіемѣ и по его повелѣнію я ста-
рался муку перепекатѣ вѣ хлѣбы и по его ассигновкамѣ доволь-
ствовалѣ разнѣя команды, а по згачѣ провіанта доставлялѣ
фуражѣ вѣ главную контору, откуда я слѣдовалѣ за арміею
до города Калиша имѣя препорученія доставляѣ изѣ подвижныхѣ
магазиновѣ провіантѣ, а изѣ города Ликѣ *) вино вѣ городѣ
Калишѣ, выполнивѣ послѣднее явился кѣ Генералѣ-Интенданту

*) Вѣ восточной Пруссіи.

Канкрину, получа отъ него увольненіе сего года марта 14 дня возвратился въ Московскую губернію.»

Это донесеніе живо рисуетъ намъ картину дѣятельности провіантмейстеровъ, которая видимо не ограничивалась однимъ сборомъ провіанта для ополченія, а распространялась далеко за предѣлы первоначальныхъ предположеній, они служили уже не одному ополченію, а всей арміи вообще и повидимому служили не за страхъ, а за совѣсть и вполне оправдали довѣріе къ нимъ дворянства, ихъ избравшаго.

Тяжелый 1812-й годъ заканчивался, Государь опять былъ въ Вильнѣ, а наши войска готовились къ переходу черезъ Нѣманъ и къ преслѣдованію Наполеона (наша армія перешла черезъ Нѣманъ 1 января 1813 г.). Въ первый день Рождества Императоромъ Александромъ былъ изданъ Манифестъ которымъ повелѣвалось создать въ Москвѣ въ память Отечественной войны церковь во имя Спасителя Христа. «Въ сохраненіе вѣчной памяти того безпримѣрнаго усердія, вѣрности и любви къ вѣрѣ и къ Отечеству, какими въ сіи трудныя времена превознесъ себя народъ Россійскій... Да благословитъ Всевышній, заканчиваетъ этотъ манифестъ Государь, начинаніе Наше! Да совершится оно! Да простоятъ сей храмъ многие вѣка, и да курится въ немъ предъ святымъ Престоломъ Божіимъ кадило благодарности позднѣйшихъ родовъ, вмѣстѣ съ любовію и подражаніемъ къ дѣламъ ихъ предковъ.»

Наступилъ 1813-й годъ, непріятель былъ далеко за предѣлами Россіи (въ началѣ февраля наша армія была уже на берегахъ Одера), надобность въ ополченіяхъ миновала и 30 марта послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ его роспускѣ: «Изъ народныхъ Государственныхъ силъ, столь единодушно и ревностно въ защиту Отечества вооружившихся, прежде всѣхъ составились Смоленское и Московское ополченіе. Они первыя встрѣтили непріятеля, и мужественнымъ сопротивленіемъ и многократными съ нимъ битвами оказали усердіе свое и заслуги. Нынѣ по истребленіи врага въ предѣлахъ НАШИХЪ, уже далеко за оными не дерзаетъ онъ предъ побѣдоноснымъ НАШИМЪ воинствомъ явиться; почему

въ силу обнародованнаго НАМИ обѣщанія освобождая Смоленское и Московское ополченіе отъ пребыванія на службѣ, повелѣваемъ МѢИ, изъясляя къ нимъ МОНАРШЕЕ НАШЕ благоволеніе и признательность, распуститъ онѣя по домамъ; да обратится каждый изъ храбраго воина паки въ трудолюбиваго земледѣльца и да наслаждается посрегъ рогинѣ и семейства своею пріобрѣтенною имъ честію, спокойствіемъ и славою».

Но отпускались по домамъ только войны ополченія, находившіеся въ предѣлахъ Россіи, «тѣхъ изъ войновъ Московскаго ополченія, кои находятся въ Заграничной Арміи благоугодно было Государю Императору Высочайше указать оставитъ ихъ въ оной впредъ до повелѣнія» *). Тогда же было приказано оружіе, аммуницію и вообще всѣ военныя вещи сгаватъ въ артиллерійскіе склады и въ комиссаріатскій департаментъ **).

Одновременно съ Высочайшимъ Указомъ о роспускѣ Московскаго ополченія оканчивалась и служба достойнаго избранника Московскаго Дворянства, главнаго начальника Московскаго ополченія графа Ираклія Ивановича Моркова.

Нѣсколько ранѣе (20 января 1813 г.) изданія этого Высочайшаго Указа графъ Морковъ писалъ къ князю И. М. Волконскому о печальномъ положеніи своемъ, какъ командующаго Московскимъ ополченіемъ, а т. к. въ этомъ писмѣ онъ говоритъ о судьбѣ ополченія, то мы приводимъ его здѣсь цѣликомъ ***), изъ него прекрасно видно то ненормальное положеніе въ какомъ очутился начальникъ ополченія, когда у него постепенно отобрали всѣ части, а самъ онъ долженъ былъ скитаться за арміею.

«Приказаніе Его Свѣтлости г-на Генералъ-фельдмаршала, Главнокомандующаго Арміями, отъ 17 января подъ № 35 имѣлъ я честь получить и въ отвѣтъ на оное долгомъ поставляю объяснитъ слѣдующее: первое, по прибытіи моемъ со ввѣренною мнѣ Московскою Военною силою въ городъ Можайскъ Августа 21 числа 1812 года получилъ я повелѣніе отъ Его Свѣтлости откомандировать къ Генералъ-Маіору Левиц-

*) Моск. Оту. Арх. Главн. Шт. Оп. II а, св. 281, г. № 13, ч. 9

**) Тамъ же. Оп. 130, св. 56 г. № 228.

***) Тамъ же. Оп. II а, св. 281, г. № 13, ч. 1.

чтеннѣйшаго вождя своего! Предводителѣствуя воинами сими въ всегда предшествовали имъ примѣромъ собственныхъ доблестей и доказали, что вѣра въ Бога, вѣрность къ Царю, любовь къ отечеству, и безъ сильнаго вооруженія, могутъ торжествовать надъ всѣми усилями гордыни, надъ всѣми ухищреніями адской злобы! Отечество никогда не забудетъ заслугъ вашихъ. Оно облобызаетъ язвы ваши лобзаніемъ нѣжной признательности. Оно увѣнчаетъ труды ваши вѣчною хвалою. Святая церковь не престанетъ молитъ Господа, да благословитъ васъ всѣми благами и небесными и земными!» *)

Въ 13-мъ году окончилась и дѣятельность дворянства. Пока русскія войска подвигались къ Парижу, гдѣ въ Тюльверійскомъ дворцѣ должно было окончиться начатое въ Слободскомъ, пока русскія войска сражались уже не за свое отечество, а за освобожденіе народовъ Европы—Русскій народъ во главѣ съ дворянствомъ подводилъ итоги прожитаго, залѣчивалъ свои ранѣ, изъ которыхъ въ достаточномъ обиліи сочилась еще кровь.

18-го мая 1814 г. въ Парижѣ былъ изданъ слѣдующій Манифестъ, въ которомъ Императоръ Александръ, казалось, также подводилъ итоги войны: «Буря брани, врагомъ общаго спокойствія, врагомъ непримиримымъ Россіи подвѣтая, недавно свирѣпствовавшая въ сердцѣ Отечества Нашего, нынѣ въ страну непріятелей перенесшаяся, на ней отяготилась.—Исполнилась мѣра терпѣнія Бога защитника правыхъ!—Всемогущій ополчилъ Россію, да ея возвратитъ свободу народамъ и царствамъ, да воздвигнетъ падшія!—Тысяча восьмьсотъ двѣнадцатый годъ, тяжкій ранами, пріятными въ груди Отечества Нашего для низложенія коварныхъ замысловъ властолюбиваго врага, вознесъ Россію на верхъ славы, явилъ передъ лицомъ вселенныя въ величїи ея, положилъ основаніе свободы народовъ.—Съ прискорбіемъ души и истощивъ всѣ средства къ отвращенію беззаконной войны, прибѣгли мы къ средствамъ силы. Горест-

*) Кромѣ хоругви Государемъ былъ переданъ Московскому ополченію образъ Преподобнаго Сергія, полученный Имъ отъ митрополита Платона. Какая судьба постигла эту святѣню—не извѣстно, наша попытка отыскать ее окончилась неудачею, мы не нашли никакихъ слѣдовъ ея (XVI).

Парижа!—Французской народѣ, никогда не возбуждавшій въ насѣ чувствѣ враждебныхъ, удержалѣ громѣ нашѣ, готовый низринуться. Франція открыла глаза на окружающую ее бездну, расторгла узѣ оболъщенія, устыдиласѣ бытѣ орудіемѣ властолюбца. Гласѣ Отечества пробудился въ душѣ народа. Возникѣ новыи вещей порядокѣ: призванѣ на престолѣ законный Государѣ.—Франція возжелала мира. Ей дарованѣ онѣ великодушной и прочной.—Мирѣ сей, залогѣ частной каждаго народа безопасности, всеобщаго и продолжительнаго спокойствія, ограждающій независимость, утверждающій свободу, обѣщаетѣ благоденствіе Европы, пріуготовляетѣ возмездіе достойныя понесенныхъ трудовъ, преодолѣнныхъ опасностей.—Всемогущій положилѣ предѣлѣ бѣдствіямъ. Прославилѣ любезное Намѣ Отечество въ роды родовъ. Воздалѣ Намѣ по сердцу желаніямъ.—Мы благоговѣя передѣ Господомъ, подателемъ всѣхъ благъ, возсылая благодарственное моленіе изѣ глубины души Нашей, повелѣваемъ: да во всемъ пространствѣ Имперіи Нашей принесетѣ торжественное молебствіе милосердному Богу. Увѣрены Мы, что Россія падетѣ на колѣна и проліетѣ слезы радости у престола Всещедраго.»

Россіи было отѣ чего пасть на колѣни, было за что благодаритѣ судьбу—окончился кошмарѣ, давившій всю Европу въ теченіе цѣлаго ряда лѣтѣ.

Тогда же былѣ поднятѣ вопросѣ о постановкѣ въ Петербургѣ памятника Императору Александру и выдѣити медали,—на соединенномъ засѣданіи Синода, Государственнаго Совѣта и Сената было по этому поводу вынесено слѣдующее постановление: «Радостное для всей Европы извѣстіе о торжественномъ вступленіи Его Императорскаго Величества съ побѣдоносными войсками въ Парижѣ, и приближеніе вождѣлѣннаго мира, исполнили сердца всѣхъ Россіянѣ живѣйшею признательностью къ виновнику сихъ великихъ событій. Верховныя Правительства, оживленныя всеобщими чувствованіями и предваряя единодушный гласѣ согражданѣ своихъ, возжелали предѣ лицемъ свѣта ознаменовать усердіе вѣрнопогоданнаго Россійскаго народа ко Вселюбезнѣйшему Монарху. Воспріявѣ сіе намѣреніе и принеся Господу Богу благодарственное молебствіе за дивныя успѣхи, коими увѣнчалѣ Онѣ славу оружія Россійскаго, Сословія Святѣйшаго Правитель-

ствующаго Синода, Государственнаго Совѣта и Правительствующаго Сената составили общее Чрезвычайное Собраніе. Въ ономъ совокупно разсуждали, какую данъ всеобщей признательности повергнуть къ стопамъ Государя Императора за прославленіе отечества: ибо мужествомъ Его непоколебимою твердостію отраженъ необычайныя усилія врага, дерзнувшаго вступить въ предѣлы Россіи; несмѣтныя полки различныхъ народовъ побѣждены, преслѣдованы, уничтожены. Европа, ожидавшая конечной гибели своей съ паденіемъ послѣдняго оплота ея независимости, съ изумленіемъ узрѣла побѣдоносныя знамена Императора Александра и Его Союзниковъ за брегами Нѣмана, Вислы, Одера, Эльбы и Рейна. Вскорѣ война пренесена въ самое сердце владычества Наполеона; вскорѣ послѣдніе замыслы его проникнуты, новыя удары нанесены ему въ знаменитыхъ сраженіяхъ. Парижъ сдался побѣдителямъ; и Франція, по долговременныхъ страданіяхъ возвратя себѣ законнаго Монарха, присоединила благодарный гласъ свой къ торжественнымъ кликамъ Европы.

Святѣйшій Правительствующій Синодъ, Государственный Совѣтъ и Правительствующій Сенатъ, восписуя безсмертную славу пріобрѣтенную народомъ Россійскимъ непоколебимой твердости и великодушію Его Императорскаго Величества, гласомъ и примѣромъ Своими оживившаго всѣ Сословія; и движимые не раболѣпнымъ рвеніемъ, но сердечными чувствами, воспаляющими всѣхъ истинныхъ сыновъ Отечества, единодушно постановили: 1-е) Принести Государю Императору отъ лица торжествующей Россіи всеподданнѣйшее поздравленіе и живѣйшую благодарность за всѣ великіе труды, подвѣты Имъ для усугубленія славы и благоденствія Державы Его. 2-е) Приложитъ къ Священному имени Его титулъ Богословеннаго, тѣмъ болѣе приличной скромности и благочестивому смиренію Государя Императора, что великіе подвиги Его, очевидно ознаменованы покровительствомъ Вышняго Промысла. 3-е) Для преданія позднѣйшему потомству настоящей славы Россіи и сердечной благодарности къ Виновнику оной, выбитъ медаль и воздвигнутъ въ Престольномъ градѣ памятникъ съ надписью: Александру Богословенному, Императору Всероссійскому, великодушному державъ возстановителю отъ признательныя Россіи. Дабы привести въ дѣйство такое предпосланіе, открытъ путь безъ извѣтій всѣмъ Сосло-

могущества убѣжденіемъ возмогъ враждебныя народы обратитъ въ Союзниковъ себѣ, назидая тѣмъ собственное ихъ благо! Дѣла Твои, Государь, совѣчны пребудутъ имени Твоему! имени Александра Великаго, Великодушнаго Защитителя Европы; Возстановителя законныхъ Правительствъ. Вселенная величїю Твоему чуждаяся, упреждая гласъ безпристрастнаго потомства, присвоетъ уже Тебѣ всѣ сіи титла. Ты же, достойный избранникъ Вышняго, восписуя всѣ великія дѣянїя Твои единому всеблагому Его промыслу, жертвѣ хваленїя не благоволишь и смиренномудрїемъ Твоимъ заграждаешь уста наши. Покорствуя Тебѣ, Государь, мы не оскорбимъ громкими хвалами кротости Твоея: но всеобщїя благословенїя и Твоихъ и чуждыхъ народовъ, и благодамъ Господня Тебѣ всегда соприсущая и во всѣхъ Твоихъ предначинанїяхъ знаменующаяся, да оправдаютъ дерзновенїе преданныхъ Тебѣ чадъ Твоихъ погнести Тебѣ титло единомудушно всѣми утвержденное; благости сердца Твоего, нашимъ къ Тебѣ чувствованїямъ соотвѣтствующее, и безъ стяжанїя коего нѣтъ истиннаго величїя—титло: Благословенный. Усердно Тебя молимъ! не отрини сего, Тебѣ отъ сыновъ Твоихъ приношенїя. Но дабы чувствованїя нашей признательности, симъ Тебѣ извѣщаемыя, не были безмолвны предъ потомствомъ, мы возжелали увѣковѣчить ихъ видимымъ знаменїемъ, хотя мало достойнымъ Тебя, Государь безсмертный! и потому держаемъ умолять Тебя, Благословенный! не возбрани намъ воздвигнуть въ Престольномъ градѣ Твоемъ для грядущихъ вѣковъ памятникъ, гласящїй о великихъ Твоихъ доблестяхъ: не да приложитъ онъ что либо ко славѣ незабвеннаго Твоего имени; но да оправдимся мы предъ потомками нашими. Да не укорятъ насъ нѣкогда нечувствительностію къ изліяннымъ Тобою на насъ благодѣянїямъ, и да сынамъ сыновъ нашихъ до позднѣйшихъ временъ памятникъ сей пребудетъ свидѣтельствомъ нашея къ Тебѣ любви и безпредѣльной преданности.» Но Императоръ Александръ отклонилъ всѣ предложенїя о чествованїи и отвѣтилъ слѣдующимъ указомъ: «Внимая посланному ко Мнѣ отъ Святѣйшаго Синода, Государственнаго Совѣта и Правительствующаго Сената прошенїю о воздвигнутїи Мнѣ въ Престольномъ градѣ памятника и принятїи проименованїя Благословенный, не могъ Я во глубинѣ души Моей не почувствовать величайшаго удовольствїя, видя съ одной сто-

лѣніе депутаціи Московскаго Дворянства удалось исполнить постановленіе Дворянскаго собранія и она была принята Государемъ 5-го августа.

Государь, выслушавъ депутацію, повелѣлъ ей передать Московскому дворянству Его благоволеніе и признательность «за усердія въ теченіи войны оказанныя и за сдѣланныя пожертвованія, прибавя къ тому, что Онъ сими средствами обязанъ, какъ и все Государство тѣмъ успѣхамъ, кои довели Россію до верхней степени славы».

30-го августа послѣдовалъ Высочайшій манифестъ, выдержку изъ котораго, касающуюся дворянства мы уже привели выше, который принесъ для многихъ прощеніе и избавилъ многихъ отъ денежныхъ взысканій.

Въ декабрѣ 1816 г. состоялось очередное собраніе Московскаго дворянства, въ числѣ постановленій котораго мы находимъ слѣдующее: «Всѣми тѣми претензіями, какія она имѣла на казнѣ, за всѣ забранныя въ 1812 г. для Россійскихъ войскъ продукты и вещи, пожертвоватъ въ пользу казны безденежно», вмѣстѣ съ тѣмъ дворянство принимало на себя обязательство удовлетворитъ «отъ своихъ достояній» тѣхъ изъ отсутствующихъ дворянъ, которые почему либо не присутствовали на этомъ собраніи. Эта крупная жертва Московскаго дворянства не осталась не отмѣченной Государемъ, которымъ 18-го января 1817 года дана была дворянству слѣдующая милостивая грамота: «Божіею милостію Мы, Александръ первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и и проч., и проч., и проч.

Нашему благородному Дворянству Московской губерніи.

Комитетъ Министровъ по донесенію Московскаго военнаго генералъ-губернатора Графа Торماسова, довелъ до свѣдѣнія Нашего, что Дворянство Московской губерніи бывши всегда примѣромъ отличныхъ подвиговъ, особенно во время послѣдней Отечественной войны явило нынѣ новый опытъ усердія на пользу Государства, пожертвоватъ всѣми претензіями за припасы и вещи взятыя для войскъ нашихъ въ 1812-мъ году и принявъ на себя удовле-

Божією Милостію

Мы

Александръ Первый

Императоръ и Самодержецъ
Всероссійскій

и проч. и проч. и проч.

Нашему благородному дворянству Московской
Губерніи.

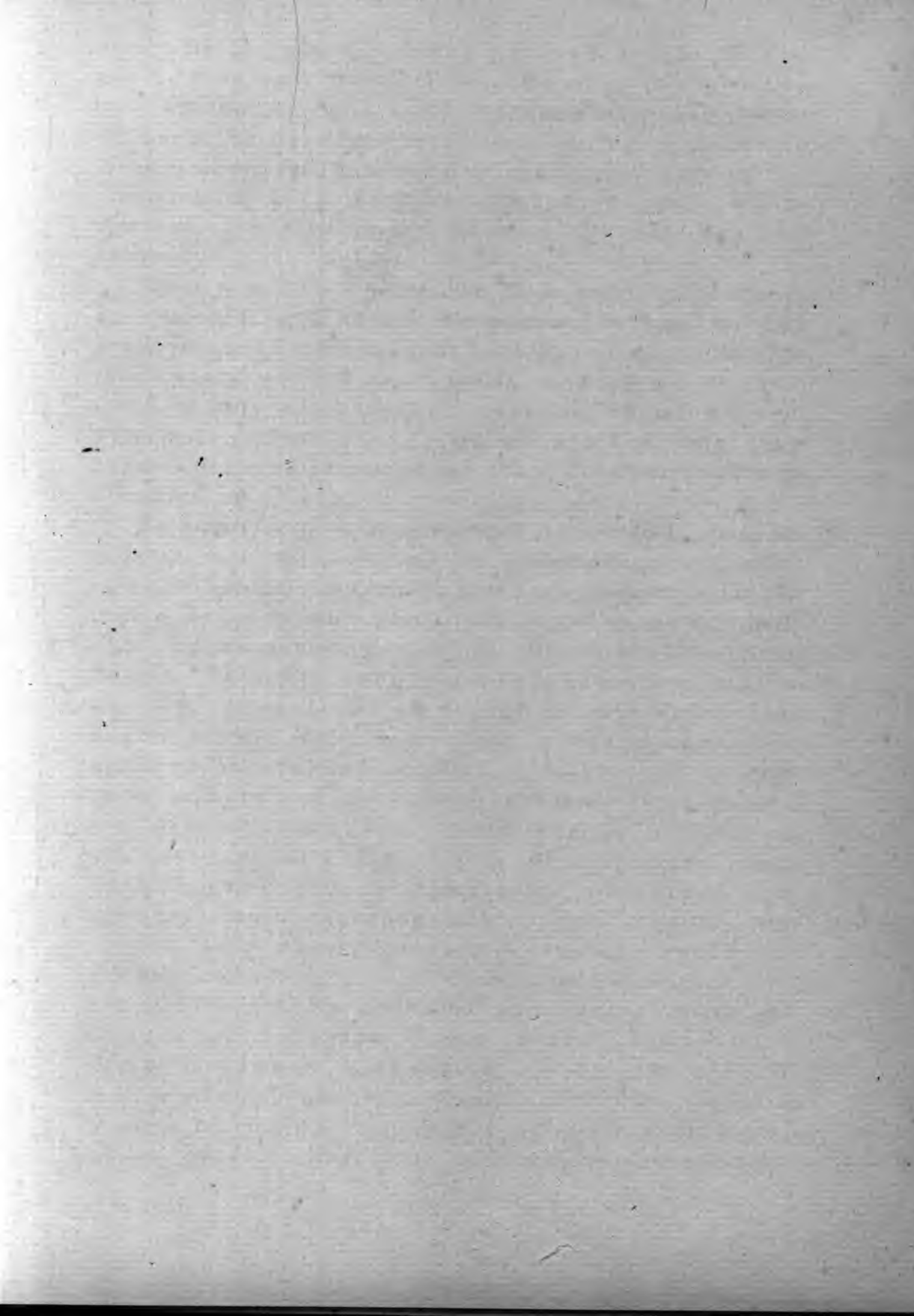
Комитетъ Министровъ по донесенію —
Московскаго Военнаго Генералъ Губернатора Графа
Торماسова доведъ до свѣденія Нашего, что дво-
рянство Московской Губерніи, бывшее всегда при-
мѣромъ отличныхъ подвиговъ, особенно во время
последней оптечественной войны, явилось нынѣ
новый опытъ усердія на пользу Государства,
пожертвовавъ всѣми претензіями за притиски
и вещи, взятыя для войскъ Нашихъ въ 1812^{мъ}.

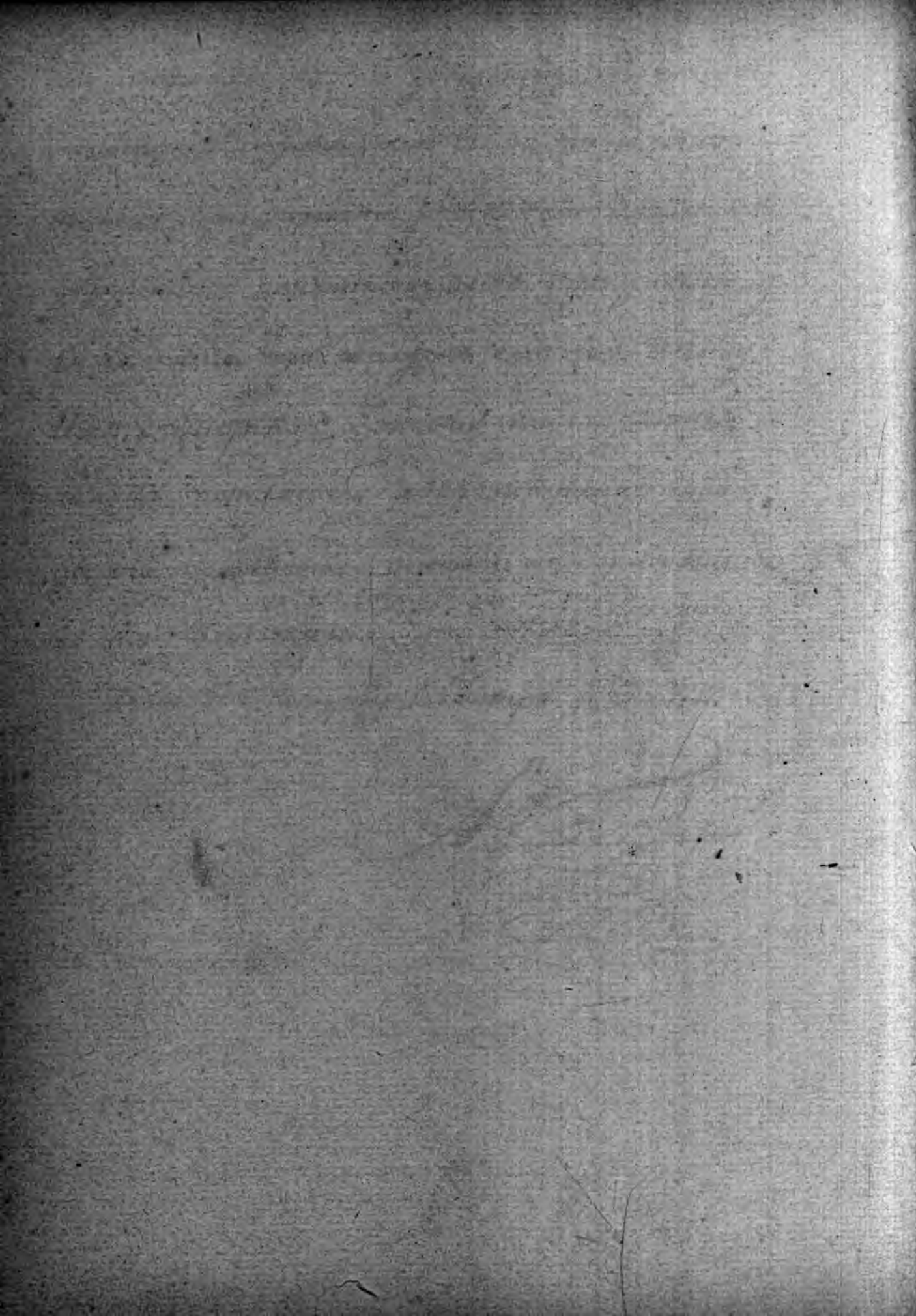
году и принявъ на себя удовлетворить отсут-
ствующихъ дворянъ, кои бы на то не согласились.
Таковое пожертвованіе Московскаго дворянства
усугубляетъ признательность Нашу къ нему.
Во изъявленіе того жалуемъ ему сію Нашу,
Императорскую Грамоту для сохраненія въ
память потомству какъ неограниченнаго
усердія дворянства, такъ и особеннаго Нашего
къ нему благоволенія.

Дана въ С. Петербургѣ. Января 18 дня 1817. года.

Александръ

творитъ отсутствующихъ Дворянъ, кои бы на это не согласилсь. Такое пожертвованіе Московскаго Дворянства усугубляетъ признательность Нашу къ нему. Во изъясненіе чего жалуемъ ему сію Нашу Императорскую Грамоту для сохраненія въ память потомства, какъ неограниченнаго усердія Дворянства такъ и особеннаго Нашего къ нему благоволенія».

Грамота эта была въслушана Московскимъ дворянствомъ 4-го февраля и тогда же было постановлено: «устроить для храненія на вѣчныя времена сего Всемилостивѣйшаго начертанія особый серебряный ковчегъ и положить оный на пріуготовленномъ нарочно мѣстѣ въ присутствіи Дворянскаго Депутатскаго Собранія, какъ залогъ несчетныхъ милостей вселюбивѣйшаго Отца Отечества».

Въ тотъ же день архіепископомъ Августинѣмъ были отслужены литургія и молебенъ въ Успенскомъ соборѣ, послѣ окончанія которыхъ владыка обратился къ дворянству съ словомъ и, между прочимъ сказалъ: «Восшумѣли бури, ужасныя тучи покрыли небо Россіи, загремѣли грома браней, нечестіе злодѣйство съ мечемъ и пламенникомъ вторглось въ предѣлы благословенной земли нашей, воспылали веси и грады, полилась кровь соплеменныхъ намъ... Московское дворянство! ты первое предстало взорамъ Царя своего; ты первое вняло гласу сего ангела Спасителя; ты для спасенія Отечества не пощадило никакихъ жертвъ; ты на Алтарь его, подобно Авелю, принесло отъ первородныхъ и отъ тукѣ ихъ.

Но Богу наказующему и милующему насъ еще угодно искуситъ васъ мужественные сыны Россіи. Безчисленныя полчища нагменнаго врага достигли и сего града Божія. Великолѣпныя дома Ваши разрушены и обращены въ пепелъ; сокровища ваши сдѣлались добычею его. Но что жъ? Черезъ лишеніе сокровищъ земныхъ и временныхъ вы сохранили сокровище небесное и вѣчное, вѣру

и добродѣтель. На развалинахъ жилищъ своихъ вы утвердили вѣрность вашу къ Царю, любовь къ Отечеству.

Благородное дворянство! ты и въ семъ искушеніи не ослабѣло; ты яко золото очищенное въ горнилѣ паче и паче возблистало; ты можешь сказать: Господи! Испушилъ мя еси и не обрѣтесе во мнѣ неправды.....

Вы съ геройскою твердостью рекли въ сердцахъ своемъ: «Пусть погибнетъ все богатство наше, но да спасется Отечество. Пусть будемъ бѣдны, но черезъ то обогатимъ себя честью и славою. Пусть дѣти наши останутся безъ наслѣдія, но мы оставимъ въ наслѣдіе имъ достопогражаемый примѣръ вѣрности къ Царю и любви къ Отечеству...

Вѣрностью и усердіемъ къ Отечеству вы стяжали безсмертную славу. Наслаждайтесь убо въ рогахъ роговъ симъ безцѣннымъ стяжаніемъ. Оно превосходитъ всѣ сокровища міра».

Кромѣ знаковъ своего благоволенія къ дворянству за жертвы принесенія имъ въ Отечественную войну Императоръ Александръ еще въ манифестѣ отъ 30-го августа 1814 года, обращаясь къ дворянству говоритъ: «Да украсится бронзою на Владимірской лентѣ медалью съ тѣмъ самымъ изображеніемъ, каковое находится на медали учрежденной на 1812 годъ. Сію бронзовую, крѣпости духа и сообразную медаль, да возложатъ на себѣ отцы или старѣйшины семействъ, въ которыхъ, по смерти носившихъ оную, остается она въ сохраненіи у потомковъ ихъ, яко знакъ оказанныхъ въ семъ году предками ихъ незабвенныхъ заслугъ Отечеству»*).

Медаль эта съ надписью: «Не намъ, не намъ, а имени Твоему» является еще лишнимъ доказательствомъ признанія

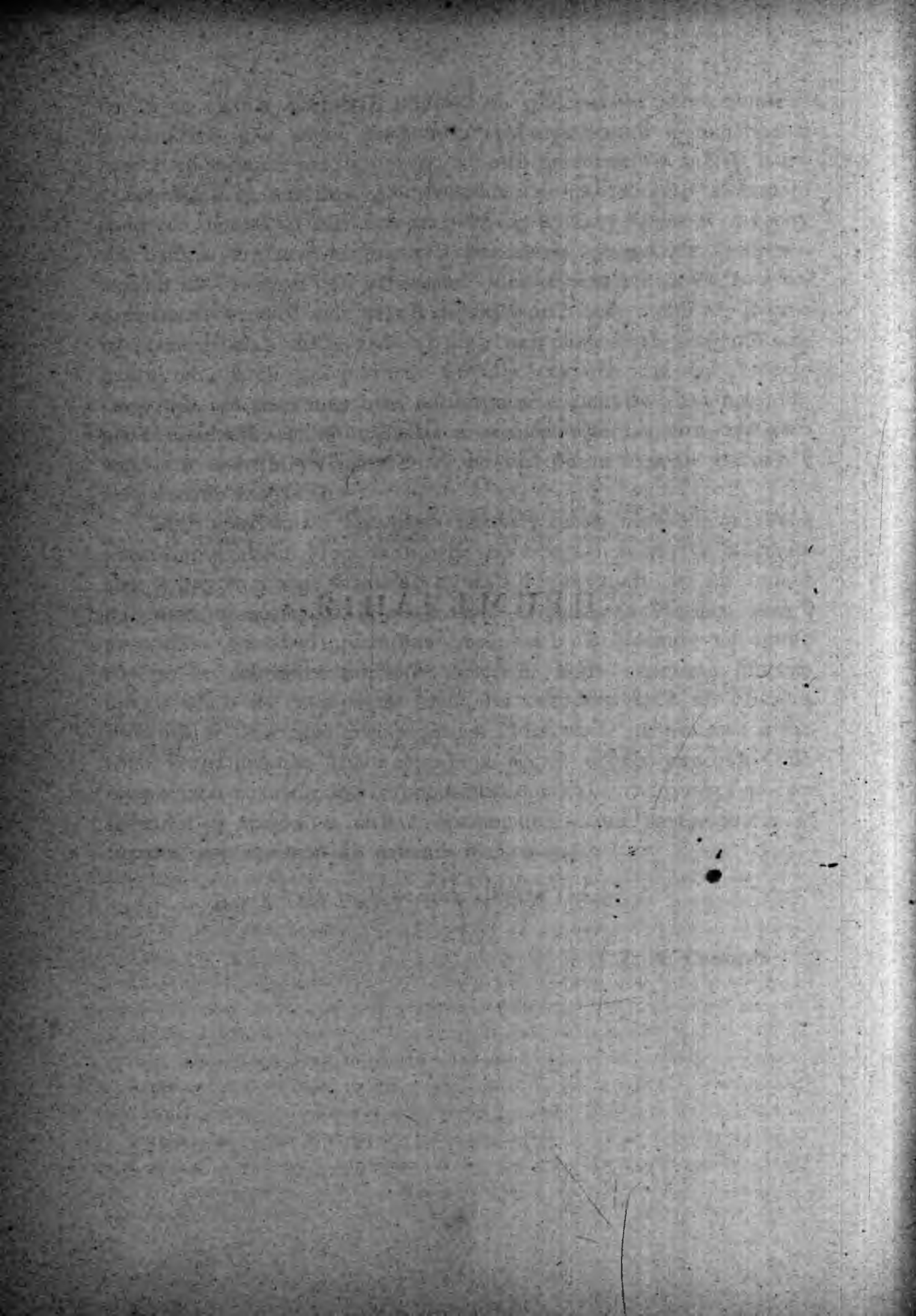
*) Согласно Высочайшаго повелѣнія было разрѣшено «старѣйшимъ въ дворянскомъ родѣ женскаго пола имѣющимъ и не имѣющимъ дѣтей, кто желаетъ носить обыкновеннымъ образомъ бронзовыя медали въ память 1812 года.»

съ высоты престола заслу́гъ дворянства передъ родиной. Тѣмъ же манифестомъ былъ учрежденъ особъй наперстнѣй крестъ для духовенства, «призѣвавшего предъ Олтаремъ Всевышняго теплыми молитвами своими благословеніе Божіе на Всероссійское оружіе и воинство и примѣрами благочестія ободрявшее народъ къ единодушію и твердости», та же медаль, только на Анненской лентѣ, была пожалована именитому купечеству, тѣмъ изъ нихъ которые «принесли отличія и важныя заслуги».

Въ августѣ Москва вновь торжественно принимала у себя Императора Александра; теперь, какъ и въ іюлѣ 1812-го года Императоръ былъ встрѣченъ въ Успенскомъ соборѣ тѣмъ же архіепископомъ Августиномъ, которъй обратился къ Государю со словами: «Тебѣ, побѣдителю нечестія и неправды, вопіемъ: осанна въ Вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне!»

16-го августа Государю представлялось Московское Дворянство, къ которому Государь обратился со слѣдующею рѣчью: «Радуясь, господа, что мы опять въ Москвѣ свидѣлись послѣ тяжкихъ временъ и великихъ трудовъ нашихъ. Мнѣ пріятно теперь изъяснить мое сердечное чувство какъ московскому, такъ и вообще Россійскому дворянству, которое оказало столь много храбрости и характера. Конечно, мы прославились предъ всѣми народами. Съ Россіею вмѣстѣ мы спасли и Европу. Впрочемъ, мы не должны это присвоивать себѣ. Все совершилось отъ Бога. Одинъ Богъ силенъ былъ сдѣлать, что мы превзошли всѣхъ славою. Нашему примѣру послѣдовала Европа, но не могла сравниться съ тѣмъ духомъ и съ тою твердостью, которую я видѣлъ въ васъ. Воздаю вамъ за все то моею признательностью. Однакожъ, должно замѣтить для васъ, что мы не можемъ утверждаться на семъ возвышеніи безъ исполненія закона Божія. Мы имѣемъ Его приказанія намъ въ Новомъ Завѣтѣ. Я много обзрѣлъ государствъ и разныхъ народовъ—и самъ очевидный вамъ свидѣтель, что такое народъ, исполненный вѣры и каковъ тотъ, которъй безъ закона. Вы знаете, какія . . . тамъ . . . слѣдствія отъ того про-

ПРИМЪЧАНІЯ.

клоннаго къ миру, не остается Намъ ничего иного, какъ призвавъ на помощь Свидѣтеля и Защитника правды, Всемогущаго Творца небесъ, поставитъ силы Наши противу непріятельскихъ. Не нужно Миѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ Нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровъ Славянъ. Войны! Вы защищаете Вѣру, Отечество, свободу. Я съ вами. На зачинающаго Богъ».

IV. Въ положеніи о Московской военной силѣ объ обмундированіи ополченія сказано: «Штабъ и Оберъ Офицеры имѣютъ мундиры общіе, армейскіе. Тѣ же, кои имѣютъ мундиры при отставкѣ, могутъ носить и онѣе. Конные и пѣшіе казаки и егери одѣваются въ Русскіе сѣрые кафтаны изъ крестьянскаго сукна. Изъ таковаго же сукна имѣютъ глинные ширавары. Рубашки Русскія съ косымъ воротомъ, платокъ на шеѣ. Фуражку на головѣ суконную и сапоги хорошіе Русскіе смазные отъ сырости, нагъвая сверхъ шираваровъ. Кафтаны должны бытъ такой ширины, дабы погъ оную могъ нагъвать каждыи человекъ овчинныйи полушубокъ. Сапоги должны бытъ такъ просторны, чтобы каждыи человекъ въ зимнее время могъ обертывать ноги въ суконныя онучи.

Длина кафтана по колѣно. Кушакъ имѣтъ, какой кто можетъ. Фуражка должна бытъ такъ, чтобы оную могъ каждыи во время холода подвязывать сверхъ ушей погъ бороною. Форма представляется по полкамъ на полковникъ Начальниковъ; но на каждой изъ онѣхъ имѣтъ выбитый изъ мѣдной латуни крестъ и внизу онаго вензелевое Его Императорскаго Величества Имя во знаменіе: за Вѣру и Царя.

Каждыи пѣшій человекъ долженъ имѣтъ ранецъ кожанныи или телячій. Конные же казаки имѣютъ, вмѣсто ранцовъ чемоганы и мѣшки для овса. Къ ранцамъ въ полкахъ Полковные Начальники пригъльзываютъ ремни для носки онѣхъ, какъ въ регулярныхъ войскахъ. Каждому человеку имѣтъ въ ранцѣ одну рубашку и двой холстинные порты, дабы онъ въ службѣ могъ ходить и безъ шираваровъ, рукавицы съ теплыми варижками, двой портянки, а третьи на ногахъ, суконныя онучи и запасные сапоги. Сверхъ онаго должно оставаться въ ранцѣ столько мѣста, дабы онъ могъ имѣтъ сухарей на трои сутки, подобно ему, у конныхъ казаковъ имѣтъ вещи въ чемоганахъ. Полушубки овчинные носить скатанные сверху ранца, на подобіе, какъ прежде носили шинели».

V. Одновременно со всѣми правительственными учрежденіями былъ увезенъ изъ Москвы и архивъ Дворянскаго Депутатскаго Собранія; съ начала его вывезли во Владимірѣ, а затѣмъ въ Нижній Новгородъ и Балахну, всего вывезено было 16 тюковъ, вернулось же обратно въ Москву только 12, что видно изъ рапорта тогдашняго архиваріуса Вепрева.

Вывезены были только важнѣйшія дѣла, а все остальное было оставлено и погибло во время пребыванія въ Москвѣ французовъ, т. е. Дворянскій домъ какъ извѣстно сгорѣлъ. Но и то, что уцѣлѣло даетъ матеріалъ о дѣятельности московскаго дворянства въ знаменательную эпоху Отечественной войны и нельзя не помянуть добрымъ словомъ архиваріуса Вепрева за спасеніе цѣнныхъ матеріаловъ.

ланѣ копи, которыя хранятся въ Гостунскомѣ храмѣ и употребляются при крестныхъ ходахъ, а подлинныя хоругви, снятыя съ древковъ, были переданы опять въ ризницу Успенскаго Собора, что къ сожалѣнію бывшимъ ризничнымъ въ описи отмѣчено не было и что крайне затруднило поиски.

Найти дорогія для Московскаго дворянства хоругви удалось лишь благодаря большому участию, проявленному протопресвитеромъ Н. А. Любимовымъ, новымъ ризничнымъ Успенскаго Собора отцемъ Сергіемъ Ермонскимъ и церковнымъ старостой полковникомъ Александромъ Викторовичемъ Пороховниковымъ, которымъ мы считаемъ своимъ долгомъ принести свою глубокую благодарность за оказанное имъ намъ содѣйствіе.

XVI. «Рескриптъ Московскому Митрополиту.

Преосвященнѣйшій Платонъ! Я получилъ отъ васъ письмо и при немъ образъ Преподобнаго Сергія. Первое принялъ Я съ угодольствіемъ, какъ отъ знаменитаго и Мною столь уважаемаго Пастыря церкви, второе съ благоговѣніемъ. Образъ Святого поборника Россійскихъ военныхъ силъ велѣлъ Я отдамъ составляющемуся для защиты Отечества Московскому ополченію: да сохранитъ онъ его своимъ предствательствомъ у Престола Божія, и да продлитъ молитвами своими украшенныя честію и славою дни ваши. Препоручая себя молитвамъ вашимъ, пребываю вамъ благосклонный АЛЕКСАНДРЪ».

1871. The first year of the year 1871 was a year of great
activity for the people of the United States. The
people were engaged in a great struggle for
freedom and independence. The people were
engaged in a great struggle for freedom and
independence. The people were engaged in a
great struggle for freedom and independence.

The people were engaged in a great struggle for
freedom and independence. The people were
engaged in a great struggle for freedom and
independence. The people were engaged in a
great struggle for freedom and independence.

The people were engaged in a great struggle for
freedom and independence. The people were
engaged in a great struggle for freedom and
independence. The people were engaged in a
great struggle for freedom and independence.

Emerald Bay

ОБЛА. КРА. ВЕДЕНИЯ

Гавриил Александрович

ОБЛА. КРАСНОДАРСКОЕ

Alonso de Sotomayor

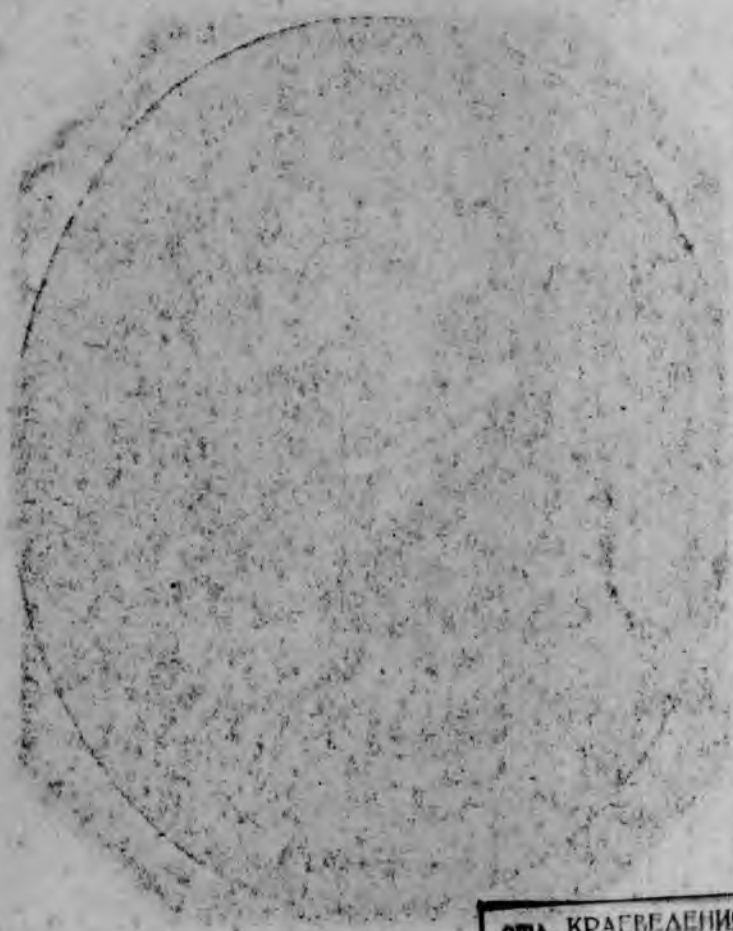

ОТД. КРАТКОСРОЧНО

H. Byerly

ОТД. КРАСВЕДЕНИЯ

Johann Friedrich

ОТД. КРАСВЕДЕНИЯ

[Faint handwritten signature or text]

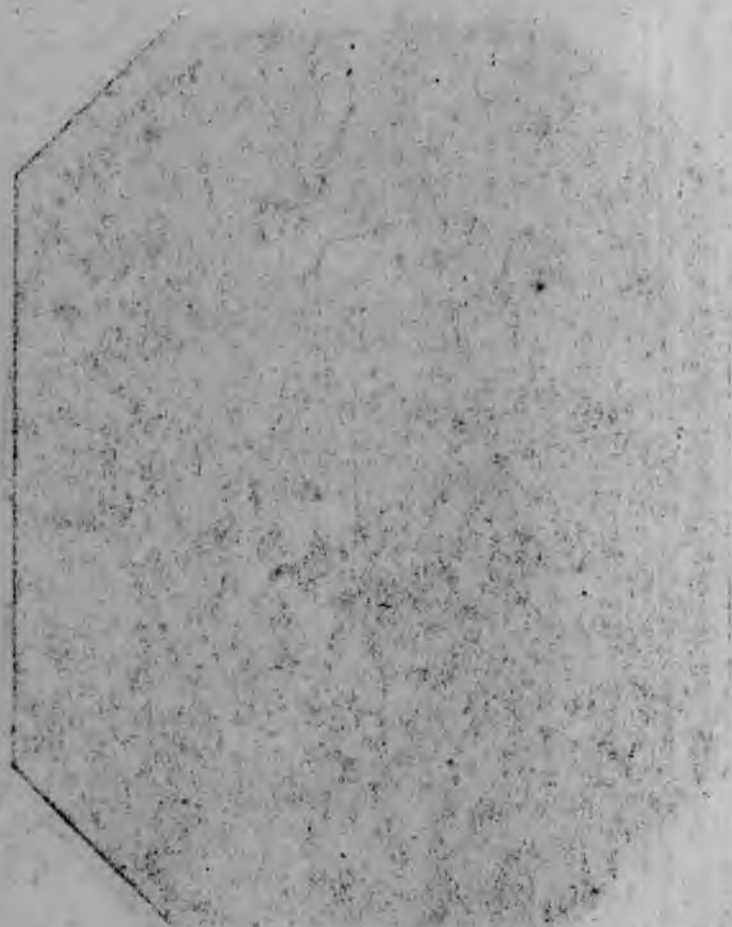
Генерал Мухомовъ

RESEARCH AND

Guillermo Leguía Domínguez

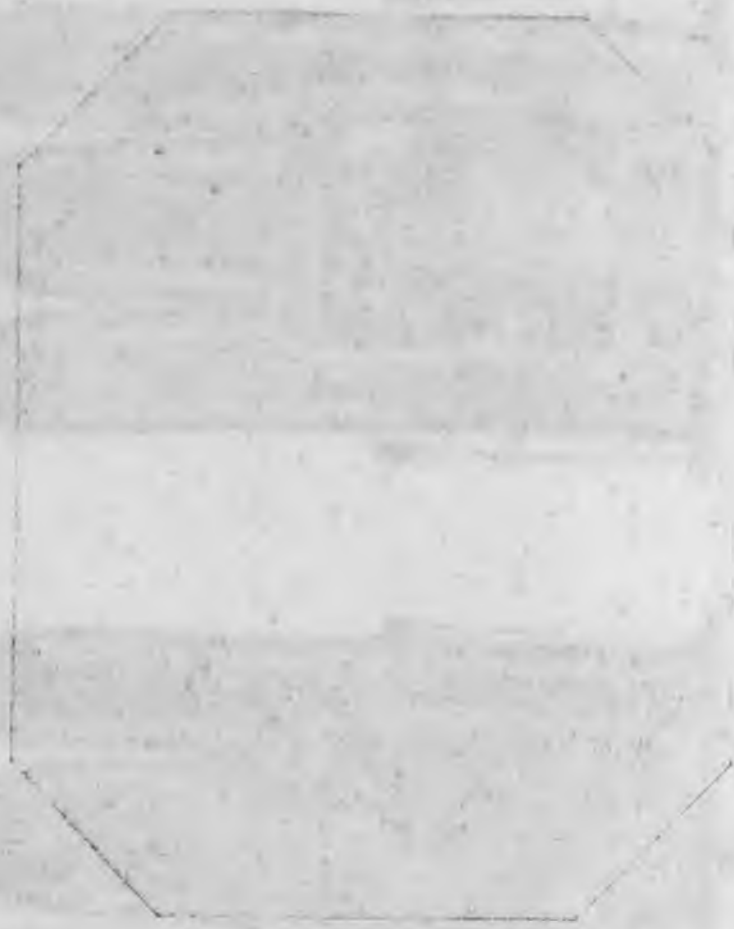

ОТД. КРАСЦВЕТЕНИЯ

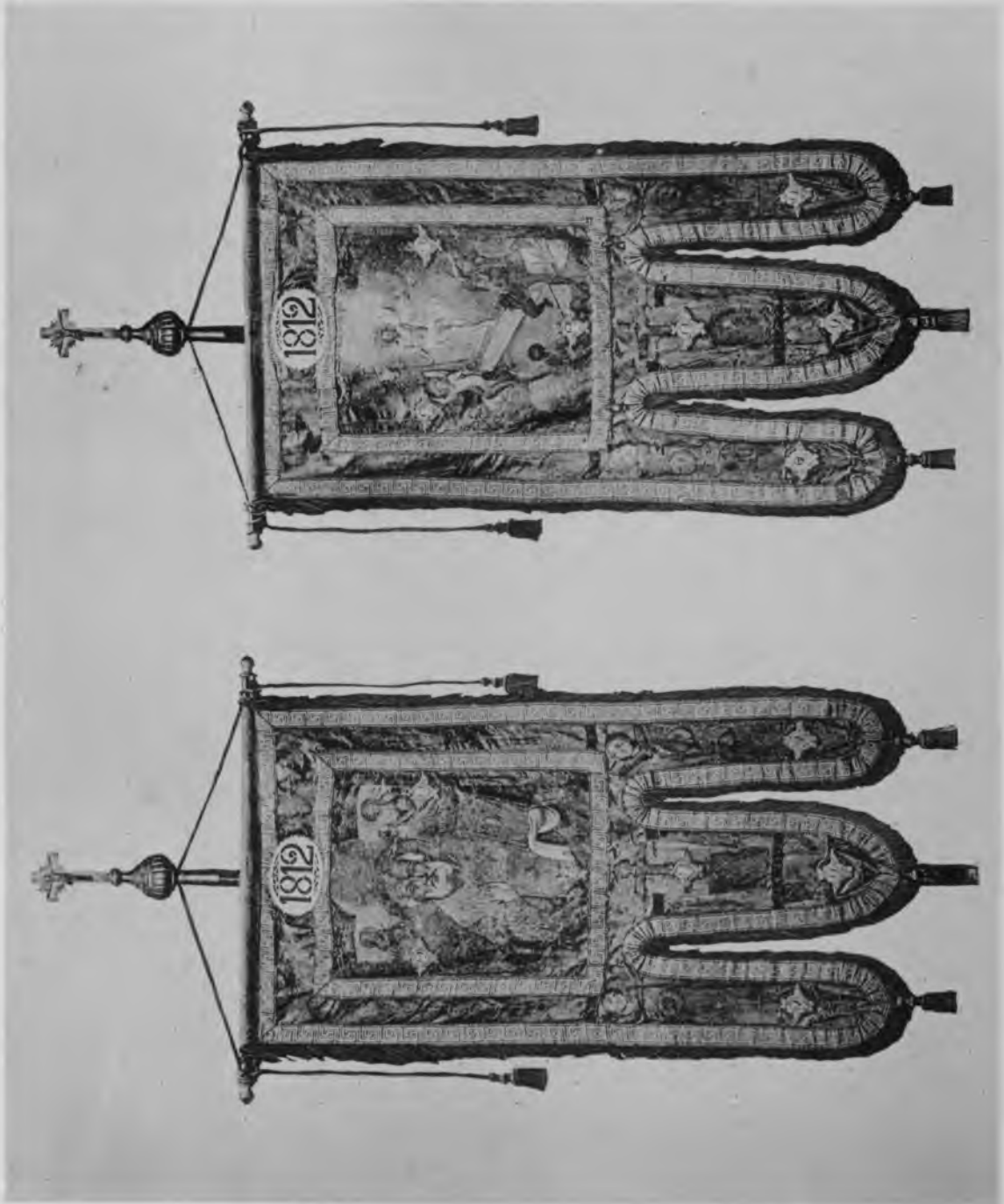

Andrew Spence

отд. КРАСВЕДЕНИЯ

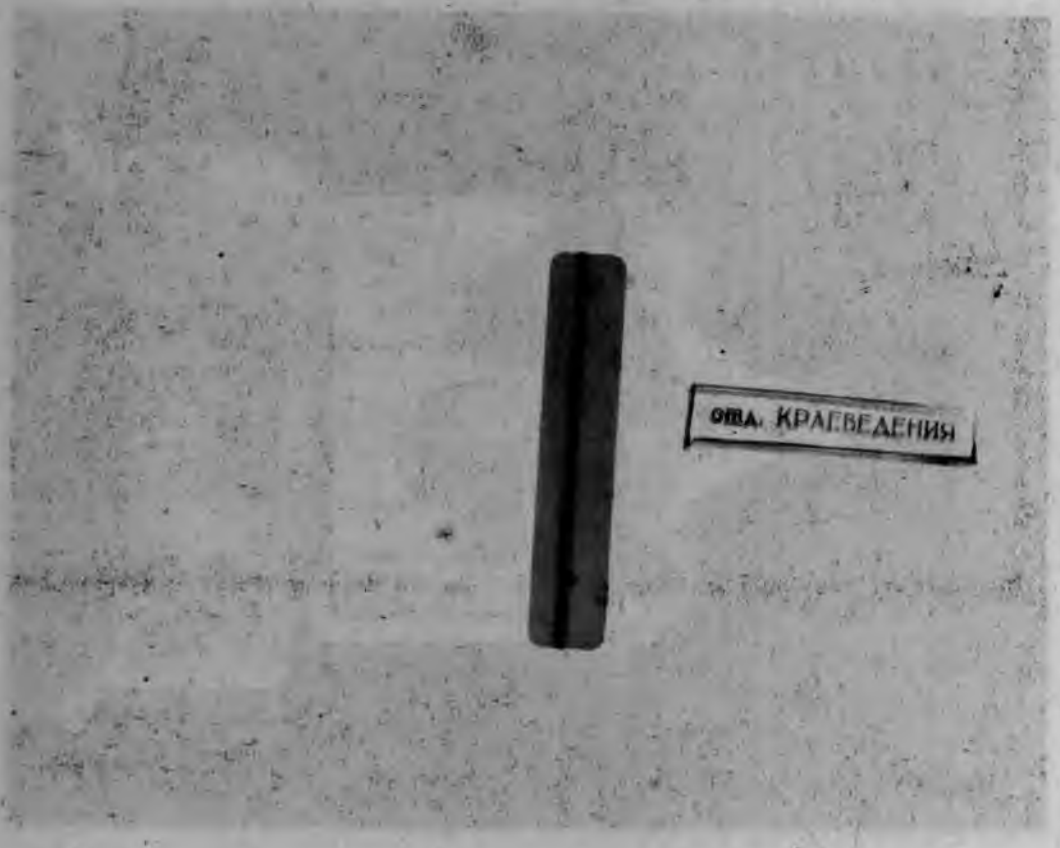
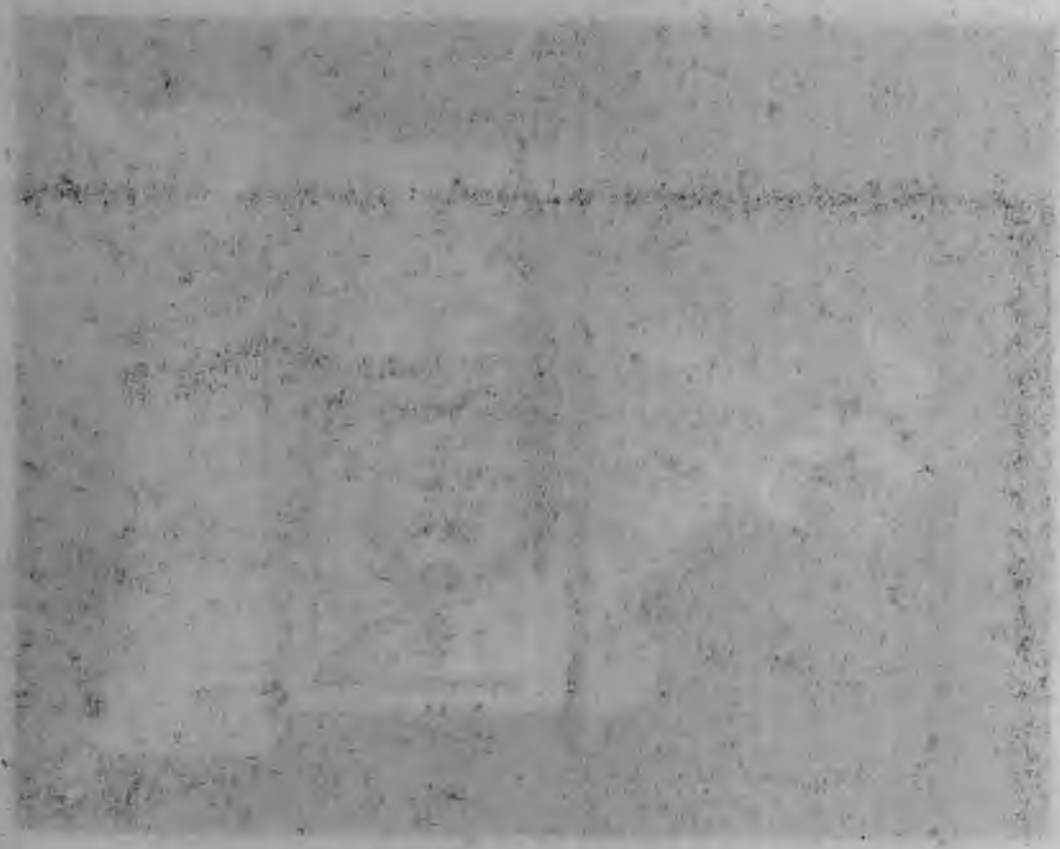

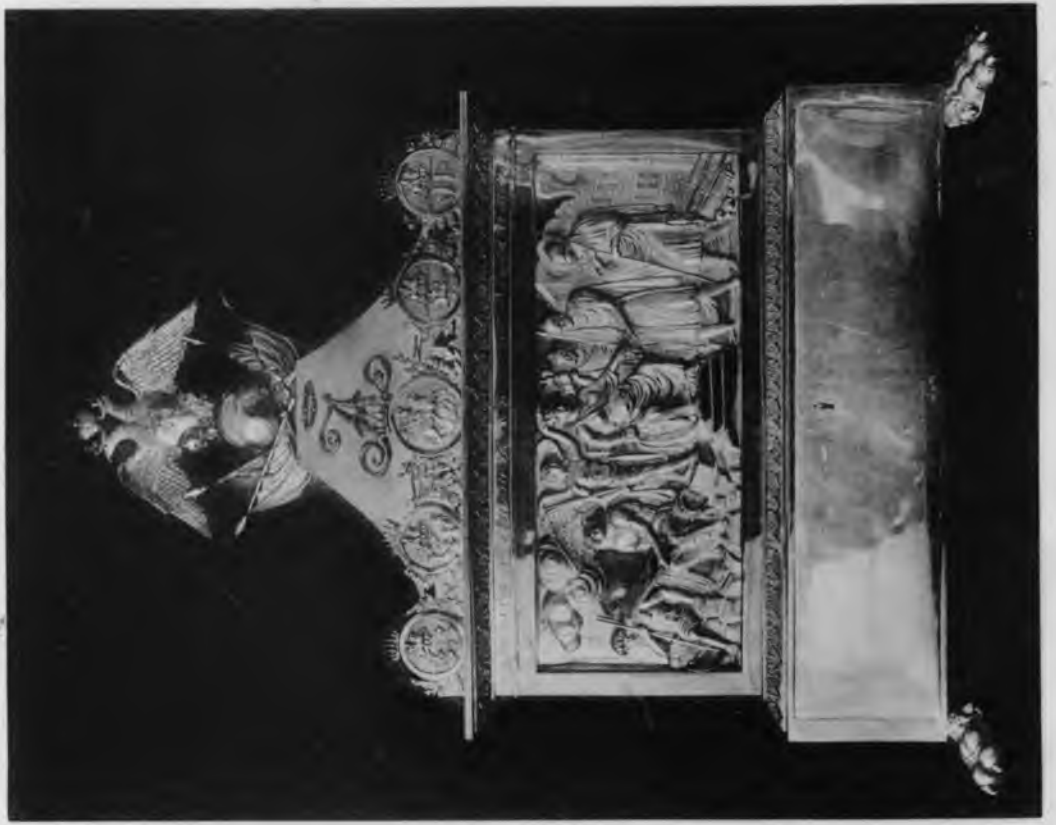

отд. КРАГВЕДЕНИЯ

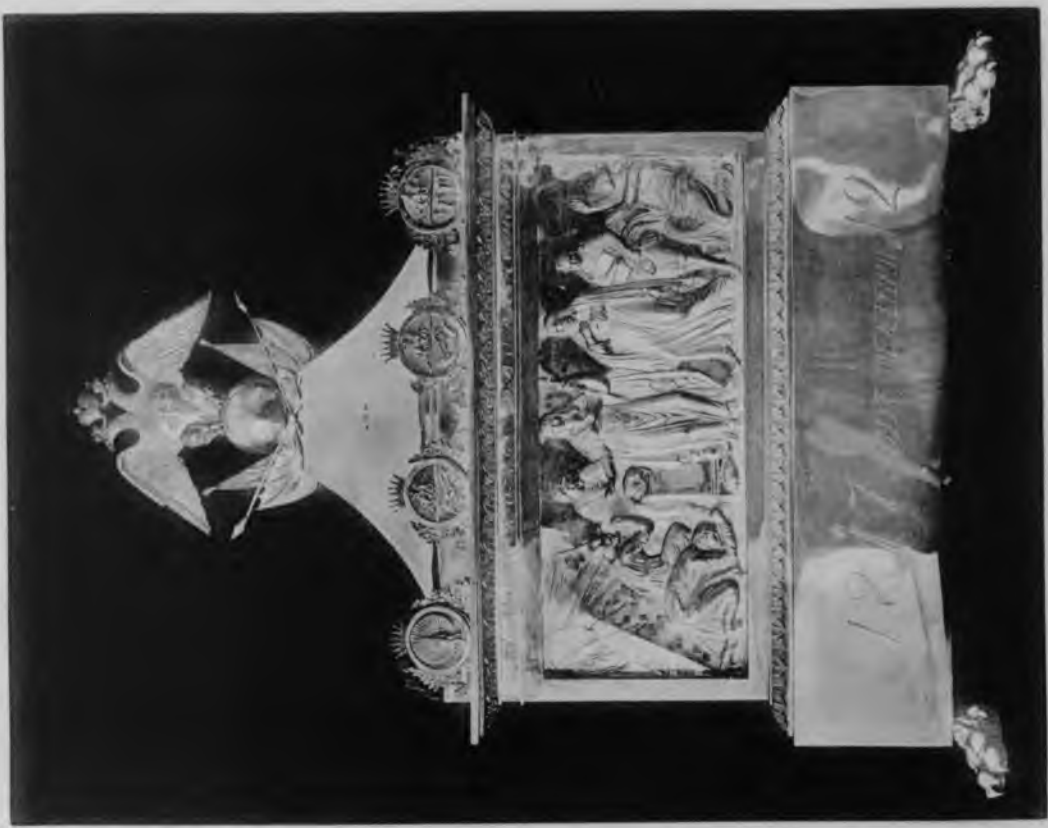

ОТД. КРАЕВЕДЕНИЯ

ОШ. КРАЗЕЛНИЦА

СДА КРАЕВЫМ

Ковчегъ для хранения Грамотъ (задняя и боковая стороны).

ОТД. КРАЕВЕДЕНИЯ

Конный воинъ Московскаго Ополченія.

отд. КРАДЕДЕНИЯ

Литература по краеведению

Воинѣ Московскаго Ополченія.

ОТД. КРАЕВЕДЕНИЯ

Воинѣ Московскаго Ополченія.

отд. КРАЕВЕДЕНИЯ

50 = 50
248674
R124

01-22
M

ЦГПБ

им. Н. А. Некрасова

2 000001 042021

I.

«Была пора: была свящяя брань;
«Отъ Запада узрѣли мы Батяя;
«Народовъ тѣмъ прорвали нашу грань;
«Пришлось поля отстаивать рогня».

Жуковскій.

Задолго еще до начала войны съ французами ясно чувствовалось, что разрывъ съ Наполеономъ неизбеженъ; уже въ началѣ 1811 года нашъ посланникъ при Наполеонѣ князь А. Б. Куракинъ сообщалъ Императору Александру, что слухи о близости войны распространены во Франціи и Германіи; «впрочемъ,—добавляетъ князь Куракинъ,—можно сказать, что они и не прекращались со времени женитбы Императора Наполеона». Весьма вѣроятно, что если бы дѣла французовъ въ Испаніи были бы не такъ плохи, то Наполеонъ началъ бы войну еще въ 1811 году, но во всякомъ случаѣ въ насыщенномъ воздухѣ появились всѣ признаки приближающейся грозы, которая казалась необходимою, чтобы разрядить тяжелый воздухъ и разогнать тучи, много уже лѣтъ покрывавшія политическое небо Европы, которой становилось тяжело дышать подъ деспотическимъ гнетомъ Императора Наполеона, накладывавшаго на все свою желѣзную руку и желавшаго вся и всѣхъ подчинить своей власти.

«Еще три года и я буду владѣикою вселенной», говорилъ Наполеонъ въ 1810 году и, повидимому, все шло къ осуществленію этой горделивой мечты, оставалась лишь одна преграда—Россія, для владѣчества надъ всей Европой Императору французовъ необходимо было перешагнуть и ее, но здѣсь въ борьбѣ съ твердою волею, проявленною въ эту эпоху Императоромъ Александромъ, патриотизмомъ русскаго народа и, отчасти наконецъ, съ

упорно скривалъ чувства его волновавшія и дѣлалъ «пассивный видъ», но все время и во всѣхъ случаяхъ старался показатъ себя сторонникомъ мира и особенно это его стараніе проглядываетъ во всѣхъ его сношеніяхъ съ Западной Европою, что, между прочимъ, можно заключитъ изъ одной его фразы, сказанной генералъ-адъютанту Балашову при отправленіи послѣдняго къ Наполеону въ Вильну: «Хотя впрочемъ, между нами сказать, я и не ожидаю отъ сей присылки прекращенія войны, но пусть же будетъ извѣстно Европѣ и послужитъ новымъ доказательствомъ, что начинаемъ ее не мы». Въ этой фразѣ сказался весь Александръ I, желая въ душѣ войны съ Наполеономъ и твердо надѣясь въ концѣ концовъ не только побѣдитъ его, но и окончательно уничтожитъ, опираясь на такихъ вѣрныхъ и вполне надежныхъ союзниковъ, какъ выражался самъ Александръ, на пространство и время, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалъ все, чтобы въ Европѣ вѣрили въ его нежеланіе войны—возможно, конечно, что это съ его стороны было извѣстною хитростію по отношенію къ Наполеону, котораго Александру необходимо было усыпитъ, а себѣ, тѣмъ временемъ, дать возможность подготовитъ къ борьбѣ не на жизнь, а на смерть. Во всякомъ случаѣ послѣдствія вполне оправдали подобный образъ дѣйствій Императора Александра, сумѣвшаго отстоятъ не только свое государство, но и освободитъ Западную Европу. Въ минуты, казалось, самага тѣснаго сближенія съ Наполеономъ Императора Александра, повидимому, не покидала мысль низвести Наполеона съ той страшной высоты, на которую поставила его судьба. «Наполеонъ или я, я или онъ, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать», говоритъ Александръ, и эта идея, видимо, всецѣло завладѣваетъ имъ, и онъ неуклонно проводитъ ее въ жизнь, настойчиво идя къ намѣченной имъ цѣли, и ведетъ героическую борьбу съ цѣлью низложить Наполеона,—борьбу, которую историкъ его царствованія Н. К. Шильберъ вполне справедливо называетъ безпримѣрною въ лѣтописяхъ міра. Эта борьба замѣчательна еще и тѣмъ, что въ ней Императоръ Александръ проявляетъ удивительную твердость и упорство, столь необычныя для него, онъ весь поглощенъ былъ идеею о невозможности царствовать одновременно съ Наполеономъ и эта идея заставила его совершитъ то, что онъ совершилъ, но для приве-

ное дѣханіе возстающей на него вражды понуждало его поднять мечъ свой на защиту Вѣры и Отечества тогда не было временъ, въ которыя бы рвеніе и усердіе вѣрныхъ сыновъ Россіи во всѣхъ чинахъ и званіяхъ не оказалось во всей своей силѣ и славѣ. Нынѣ настойтъ необходимая надобность увеличить число войскъ нашихъ новыми запасными войсками. Крѣпкія о Господѣ воинскія силы Наши уже ополчены и устроены къ оборонѣ Царства. Мужество и храбрость ихъ всему свѣту извѣстны. Надежда Престола и Державы твердо на нихъ лежитъ. Но жаркій духъ ихъ и любовь къ Намъ и къ Отечеству да не встрѣтятъ превосходнаго противъ себя числа силъ непріятельскихъ».

Этимъ манифестомъ повелѣвалось произвести рекрутскій наборъ во всѣхъ губерніяхъ для увеличенія запасныхъ войскъ, по два человѣка съ пяти сотъ душъ шестой ревизіи, а въ маѣ послѣдовало Высочайшее повелѣніе о приглашеніи на службу отставныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ и о сформированіи двѣнадцати новыхъ егерскихъ и пѣхотныхъ полковъ, въ то же время была сформирована третья армія, подъ названіемъ резервной обсерваціонной и расположенная на южной сторонѣ Полѣсся, съ главною квартирою въ Луцкѣ. Въ высочайшемъ повелѣніи о сформированіи этихъ двѣнадцати полковъ Государь говоритъ, что они должны бытъ во всякой исправности и готовности дѣйствовать, когда Отечество позоветъ ихъ ограждать свои предѣлы. Дальше то же повелѣніе возлагаетъ обмундированіе и снаряженіе полковъ на дворянство: «Усердіе вѣрнопогданнаго Намъ храбраго Россійскаго дворянства всегда въ таковыхъ случаяхъ какъ собственною службою, такъ и пособіями отъ своихъ имуществъ ревновало ознаменоваться. Почему, возлагая на нихъ обмундированіе аммуниціею сихъ полковъ, пребываемъ Мы совершенно удостовѣренны, что сіе нужное для блага Отечества пожертвованіе принесутъ они съ свойственною имъ ревностію», снаряженіе же обозовъ Государь тѣмъ же манифестомъ возлагалъ на купечество.

Положеніе Россіи осложнялось въ это время войною съ Тур-

Это одно успокаиваетъ мою совѣсть. Пожалѣйте обо мнѣ, Государь, но не обвиняйте меня».

Но всѣ эти обстоятельства нисколько не поколебали рѣшимости Александра вступить въ послѣднюю борьбу съ Наполеономъ.

Исторія сохранила намъ слова Императора Александра, сказанныя имъ во время торжественнаго обѣда, даннаго въ Петербургѣ за нѣсколько дней до отъѣзда Государя въ Вильну въ первую западную армію, эти слова ясно показывають на твердую рѣшимость Императора Александра отстаивать честь Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ его полную увѣренность, что въ этомъ онъ найдетъ поддержку у русскаго народа. Высказывая свои подозрѣнія относительно искренности Александра I въ нежеланіи войны съ Наполеономъ, мы вполне убѣждены, что онъ былъ вполне искрененъ въ тѣ моменты, когда говорилъ, что не положитъ оружія, пока хотя одинъ непріятель останется въ Россіи, говоря это онъ вѣрилъ въ окончательную побѣду надъ Наполеономъ и до конца былъ вѣренъ себѣ, онъ не только выгналъ непріятеля обратно за Нѣманъ, но пошелъ дальше, пока не добился осуществленія своей мечты и не низложилъ Наполеона. «Мы участвовали, говоритъ Императоръ Александръ, въ двухъ войнахъ противъ французовъ, какъ союзники, и, кажется, долгъ свой исполнили; теперь пришло время защищать свои собственныя права, а не постороннія, и потому, уповая на Бога, надѣюсь, что всякій изъ насъ исполнитъ свою обязанность, и что мы не посрамимъ военную славу, нами пріобрѣтенную» (1).

Какъ мы знаемъ, эти слова Императора Александра вполне оправдались, русскіе люди того времени не посрамили военную славу и показали, насколько были имъ дороги честь и слава Россіи, каждый изъ нихъ исполнилъ свои обязанности по отношенію къ родинѣ до конца. Но Императоръ Александръ, не отказываясь отъ защиты оружіемъ достоинства Россіи, что вполне ясно усматривается изъ всѣхъ его дѣйствій, въ то же самое время, какъ мы уже говорили выше, старается показать передъ всѣми, особенно передъ Европой, что онъ не желаетъ этой войны и не онъ ее начинаетъ, послѣднее впрочемъ было вѣрно, войну началъ Наполеонъ, переступивъ границу Россіи. Еще въ день своего отъѣзда въ первую западную армію, т. е. всего за два мѣсяца до пе-

Святая то была у насъ война!
 И ты,—и ты увидѣла смятеніе—
 О, русскій край. О, милая страна!
 И намъ, и намъ грозило покореніе!
 Враги, какъ буря, къ намъ войной,
 И слѣдъ ихъ былъ—пожаръ и степи;
 Для насъ звучали рабства цѣпи,
 И врагъ ругался надъ Москвой,—
 Но стали русскіе стѣной
 И отстояли тронъ и царство!

Глинка.

Наканунъ перехода черезъ Нѣманъ Наполеонъ издалъ свой знаменитый приказъ по арміи (II). «Россія увлечена рокомъ. Судьба ея должна исполниться», говоритъ Императоръ французовъ въ этомъ приказѣ, «Войны! вы защищаете Вѣру, Отечество, свободу. Я съ вами. На зачинающаго Богъ», заключилъ свой приказъ Императоръ Александръ (III).

13-го же іюня, одновременно съ отданнымъ по арміи приказомъ, Императоръ Александръ писалъ фельдмаршалу Н. И. Салтыкову; въ этомъ писмѣ Александръ, говоря о своемъ миролюбіи и нежеланіи войны, даетъ свое знаменитое обѣщаніе—не класть оружіе пока хотъ одинъ непріятель останется въ Россіи: «Французскія войска вошли въ предѣлы Нашей Имперіи,—говоритъ Императоръ Александръ въ этомъ писмѣ.—Самое вѣроломное нападеніе было возмездіемъ за строгое наблюденіе союза. Я для сохраненія мира истощилъ всѣ средства, совмѣстныя съ достоинствомъ Престола и пользою Моего народа. Всѣ старанія Мои были безуспѣшны. Императоръ Наполеонъ въ умѣ своемъ положилъ твердо разорить Россію. Предложенія самбы умѣренныя остались безъ отвѣта. Внезапное нападеніе открыло явнымъ образомъ лживость подтверждаемыхъ въ недавнемъ еще времени миролюбивыхъ обѣщаній. И потому не остается Мнѣ иного, какъ поднять оружіе и употребить всѣ врученныя Мнѣ Провидѣніемъ способности къ отраженію силы силою. Я надѣюсь на усердіе Моего народа и на храбрость войскъ Моихъ. Будучи въ нѣдрахъ домовъ своихъ угрожаемы, они будутъ защищать ихъ съ свойственной имъ твердостью и мужествомъ. Провидѣніе благословитъ праведное Наше

дѣло. Оборона отечества, сохраненіе независимости и чести народной принудило Насъ препоясаться на брань. Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго война не останется въ Царствѣ Моемъ». Это писъмо Императора Александра являлось подтвержденіемъ словъ, сказанныхъ имъ еще въ маѣ 1812 г. Коленкуру: «побѣда не доставитъ Наполеону мира. Имѣя позади себя достаточно свободнаго пространства, Мы не рискнемъ арміей и сохранимъ ее... Первымъ Я не обнажу меча, но вложу его послѣднимъ».

Четырнадцатаго іюня утромъ на зарѣ Императоръ Александръ покинулъ Вильну, къ которой приближалась французская армія, а уже 16-го Наполеонъ принималъ въ ней генералъ-адъютанта Балашова, привезшаго къ нему писъмо Александра I, дѣлавшаго въ глазахъ Европы яко бы послѣднюю попытку къ примиренію, но французскій Императоръ гордо отвѣтилъ: «что даже Богъ не можетъ сдѣлать, чтобы не было того, что произошло» (*Dieu même ne peut pas faire ce qui a été fait n'ait pas été*) и дѣйствительно, Императоръ Александръ требовалъ отъ Наполеона невозможнаго—обратнаго перехода за Нѣманъ, но онъ, конечно, долженъ былъ быть увѣреннымъ, что Наполеонъ этого ни въ коемъ случаѣ не сдѣлаетъ, все же русскому Императору надо было считаться и съ тѣмъ, что Императоръ французовъ явился въ Россію побѣдителемъ всей Европы, не знавшимъ до того пораженій и убѣжденнымъ, что Императоръ Александръ послѣ перваго же пораженія униженно будетъ просить мира, которій и будетъ заключенъ въ Москвѣ, и Наполеонъ, имѣя армію болѣе чѣмъ въ три раза превѣшавшую армію его противника, конечно, могъ быть увѣреннымъ въ побѣдѣ. Такимъ образомъ писъмо Императора Александра являлось, конечно, и въ его собственныхъ глазахъ только политическимъ шагомъ и никто, не исключая и самаго автора, ничего отъ него ожидать не могъ.

Изъ Вильны Императоръ Александръ направился въ Свенцяны, 26-го онъ былъ въ укрѣпленномъ лагерѣ въ Дриссѣ, гдѣ собралась первая армія, а затѣмъ мы его находимъ въ лагерѣ близъ Полоцка, гдѣ 6-го іюля были изданы два манифеста, въ коихъ Государь извѣщалъ о вступленіи непріятеля въ русскіе предѣлы: «Непріятель вступилъ въ предѣлы Наши и продолжаетъ нести оружіе свое внутрь Россіи, надѣясь силою

и соблазнами потрясть спокойствіе Великой сей Державы. Онѣ положилѣ въ умѣ своемѣ злобное намѣреніе разрушитѣ славу ея и благосостояніе. Сѣ лукавствомѣ въ сердцѣ и лестию въ устахѣ несетѣ онѣ вѣчныя для нея цѣпи и оковы», въ этомѣ же манифестѣ Государѣ не скрываетѣ всей трудности предстоящей борбѣ сѣ Наполеономѣ и прямо указываетѣ на то, что отважность врага «требуетѣ неусыпнаго противѣ нее бодрствованія» и выражаетѣ увѣренность, что врагѣ найдетѣ «на каждомѣ шагѣ вѣрныхѣ сыновѣ Россіи, поражающихѣ его всѣми средствами и силами, не внимая никакимѣ его лукавствамѣ и обманамѣ. Да встрѣтитѣ онѣ, говоритѣ манифестѣ, въ каждомѣ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомѣ духовномѣ Палицына, въ каждомѣ гражданинѣ Минина». Второй манифестѣ, изданный того же 6-го іюля, былѣ обращенѣ непосредственно къ первопрестольной Москвѣ, на которую Государѣ возлагалѣ особую надежду, видя въ ней главу русскихѣ городовѣ и сравнивая ее сѣ сердцемѣ, къ которому потекутѣ борцы за отечество: «Непріятель вошелѣ сѣ великими силами въ предѣлы Россіи. Онѣ идетѣ разорять любезное Наше отечество. Хотя пылающее мужествомѣ ополченное Россійское воинство готово встрѣтитѣ и низложитѣ дерзость его и зломыслие, однакожѣ по отеческому сѣрдоболію Нашему о всѣхѣ Нашихѣ подданныхѣ, не можемѣ мы оставитѣ безѣ предваренія ихѣ о сей угрожающей имѣ опасности: да не возникнетѣ изѣ неосторожности Нашей преимущество врагу. Того ради имѣя въ намѣреніи, для надежнѣйшей обороны, собрать новыя внутренія силы, и наипервѣе обращаемся Мы къ древней столицѣ предковѣ Нашихѣ, Москвѣ: она всегда была главою прочихѣ городовѣ Россійскихѣ; она изливала всегда изѣ нѣдрѣ своихѣ смертоносную на враговѣ силу; по примѣру ея изѣ всѣхѣ прочихѣ окрестностей текли къ ней наподобіе крови къ сердцу, сыны отечества для защиты онаго. Никогда не настояло въ томѣ вѣщшей надобности, какѣ нынѣ. Спасеніе вѣры, престола, царства того требуютѣ. И такѣ да распростра-

событіемъ въ жизни первопрестольной Москвы, что мы приведемъ здѣсь вѣдѣрки изъ воспоминаній двухъ современниковъ этихъ событій, одного бывшаго въ свитѣ Государя генералъ-адъютанта графа Е. Ф. Комаровскаго и другого—Московского дворянина, участника ополченія, Еврейнова.

«Въ слѣдующій день, по утру,—говоритъ въ своихъ запискахъ генералъ-адъютантъ гр. Е. Ф. Комаровскій,—Императоръ назначилъ изволилъ бытъ молебну въ Успенскомъ соборѣ. Стеченіе народа на всей Кремлевской площади было такъ велико, что находившіеся при государѣ генералъ-адъютанты принуждены были составить изъ себя родъ оплота, чтобъ довести Императора отъ Краснаго крыльца до собора. Всѣхъ насъ можно было уподобить судну безъ мачты и кормила, обуреваемому на морѣ волнами; мы очутились почти у гауптвахты и оттуда уже кое-какъ добрались до церкви. Между тѣмъ громогласное «ура» заглушило почти колокольный звонъ. Это шествіе продолжалось очень долго, и мы едва совершенно не выбились изъ силъ. Я никогда не видывалъ такого энтузіазма въ народѣ, какъ въ это время. На другой день приказано было сдѣлать мостки съ перилами отъ Краснаго крыльца до собора. Архіепископъ Августинъ встрѣтилъ Государя съ крестомъ и св. водою и произнесъ весьма трогательное и краснорѣчивое слово. Въ пространныхъ залахъ Слободскаго дворца *) назначены были собранія для дворянства и купечества. Императоръ самъ поѣхалъ въ Слободской дворецъ. Войдя въ залу, гдѣ собрано было все Московское дворянство, губернскимъ предводителемъ коего былъ В. Д. Арсеневъ, Государь сказалъ: «Вамъ извѣстна, знаменитое дворянство, причина моего прѣзда. Императоръ французовъ вѣроломнымъ образомъ, безъ объявленія войны, съ многочисленною арміею, составленною изъ поработенныхъ имъ народовъ, вторгся въ нашу границу; всѣ средства истощены были, сохраняя однако достоинство имперіи, къ отвращенію бѣдствія; но властолюбивый духъ Наполеона, не знающій предѣловъ, не внималъ никакимъ

*) Кажется на мѣстѣ С. г. нынѣ Императорское Техническое училище. Какъ ни странно, но вопросъ, гдѣ именно былъ Слободской дворецъ, до сихъ поръ является не вполне рѣшеннымъ и отчасти даже спорнымъ. Пыляевъ (Старая Москва, стр. 355) говоритъ, что С. г. сгорѣлъ въ 1812 г., что повидимому вѣрно.

предложеніямъ. Настало время для Россіи показатъ свѣту ея могущество и силу! Я въ полной увѣренности взываю къ вамъ: вы, подобно предкамъ вашимъ, не потерпите ига чуждаго, и непріятель да не восторжествуетъ въ своихъ дерзкихъ замыслахъ;—сего ожидаетъ отъ васъ Отечество ваше и Государь!»

Вся зала огласилась словами: «Готовы умереть скорѣе, Государь, нежели покориться врагу. Все, что мы имѣемъ, отдаемъ тебѣ; на первѣй случай, назначаемъ десятого человѣка со ста душъ крестьянъ нашихъ на службу». Всѣ, бывшіе въ залѣ, не могли воздержатся отъ слезъ. Государь самъ былъ чрезмѣрно тронутъ и прибавилъ: «Я многого ожидалъ отъ Московскаго дворянства, но оно превзошло мое ожиданіе».

(И весь этотъ разговоръ остался у меня въ совершенной памяти). Потомъ Императоръ изволилъ войти въ залу, гдѣ находилось Московское купечество. Государь встрѣченъ былъ радостнымъ восклицаніемъ. Купцы объявили Его Величеству, что на нѣскольکو милліоновъ рублей, которые они приносятъ въ даръ Отечеству, уже сдѣланы подписки. Императоръ, окруженный толпою народа, который отовсюду стремился навстрѣчу Его Величества, съ безпрестаннымъ крикомъ «ура», возвратился въ Кремлевскій дворецъ. Многіе изъ первѣйшихъ Московскихъ чиновниковъ и мы всѣ въ этотъ день приглашены были къ обѣденному столу Государя. Императоръ нѣскольکو разъ изволилъ повторять, что этого дня никогда не забудетъ. Послѣ обѣда посланъ былъ орденъ св. Анны 1-го класса Московскому губернскому предводителю В. Д. Арсеневу. Многіе изъ моихъ знакомыхъ, Московскихъ дворянъ, мнѣ говорили: одни, что отдадутъ всѣхъ своихъ музыкантовъ, другіе актеровъ, третьи дворовыхъ людей, псарей въ ратники, ибо ихъ скорѣе образовать можно для военнаго ремесла нежели крестьянъ» *).

Вполнѣ сходятся объ этихъ знаменитыхъ минутахъ и воспоминанія М. М. Еврейнова, который въ своей «Памяткѣ о 1812 г.» («Русскій Арх.» 1874. I, 98) говоритъ: «На другой день, то-есть 12 числа, назначенъ былъ выходъ Государя въ Успенскій соборъ. Съ раняго утра Кремль наполнился безчисленнымъ множествомъ

*) «Русскій Архивъ». 1867. 774. «Изъ записокъ генералъ-адъютанта гр. Е. Ф. Комаровскаго».

народа, такъ что крѣши были покрѣты людѣми, какъ говорится, что яблоку негрѣ было упасть. Я не побоялся тѣсноты и довольно искусно пробрался къ самымъ южнымъ дверямъ собора, въ которыя долженъ былъ вступить Государь, для слушанія благодарственнаго молебствія по случаю только что заключеннаго мира съ Турціею, столъ благопріятнаго для сего времени. Во время шествія Государя изъ дворца въ соборъ не умолкали крики, смѣшанные со звономъ всѣхъ колоколовъ. Мнѣ посчастливилось какъ-то помѣститься близко Государя у дверей. За семь мѣсяцевъ до сего я видѣлъ его совершеннымъ красавцемъ, теперь же видѣлъ его совершенно загорѣвшимъ, исхудавшимъ и съ фізіономіею печальною. Когда онъ приблизился къ дверямъ собора, преосвященный Августинъ съ крестомъ встрѣтилъ его краснорѣчивымъ привѣтствіемъ: Государь вошелъ въ соборъ съ наполненными слезъ глазами. Преосвященный тогда же украшенъ былъ Александровскою лентою.

По окончаніи молебствія, Государь изволилъ отправиться въ Слободской дворецъ, куда за нимъ послѣдовали представители всѣхъ сословій, гдѣ и начались пожертвованія: дворянство предложило десятаго человѣка со ста душъ, купцы крупными суммами, и потекли милліоны рублей. Демидовъ Николай Никитичъ и графъ Мамоновъ обязались на свой коштъ собрать и содержать два полка. Надъ Московскимъ ополченіемъ назначенъ былъ начальникомъ графъ Ираклій Ивановичъ Марковъ, и все быстро потекло и закипѣло. Тогда и я по поданному прошенію изъ прежней службы вмѣстѣ съ графомъ Николаемъ Алексѣевичемъ Шереметевымъ были уволены и поступили въ Демидовскій полкъ *), бѣвъ переименованными поручиками съ ношеніемъ общаго армейскаго мундира съ золотыми эполетами. Мнѣ велѣно было находиться при Демидовѣ, полковникомъ же при полку назначенъ былъ Александръ Василевичъ Аргамаковъ, а майорами Петръ Ивановичъ Нейгардъ и Петръ Львовичъ Демидовъ. Начался пріемъ ратниковъ, которыхъ скоро обмундировали въ казачьи изъ простаго сукна съ шапками, украшенными крестами

*) Первый Егерскій. Демидовъ подъ Оородинымъ командовалъ резервомъ Московской военной силы, полкъ его подъ командою Аргамакова, также принялъ участіе въ Оородинскомъ сраженіи, въ которомъ Аргамаковъ дѣйствовалъ «съ отличнымъ мужествомъ и съ успѣхомъ исполнялъ поручаемое ему».

мѣрными (IV) и помѣстили ихъ въ Спасскихъ казармахъ, обучали маршировать съ оборотами и разными порядкамъ».

Всѣ воспоминанія современниковъ рисуютъ намъ яркую картину того воодушевленія, которое охватило все населеніе въ Москвѣ, когда оно увидало среди себя Государя. Нашествіе Наполеона, казалось, сплотило всѣ классы населенія, въ каждомъ зажглось чувство патріотизма, которъй въ концѣ концовъ и спасъ Россію. 12-го іюля огромная толпа народа наполнила Кремль, ожидая выхода своего Государя. Александръ вышелъ на Красное крѣпцо и взволнованный поклонился народу, могучее «ура» заглушило колокольный звонъ, народъ бросился къ Императору, цѣловали руки, ноги, полы мундира. «Не унывай, Государь, видишь сколько насъ въ одной Москвѣ, а сколько же по всей Россіи! Всѣ умремъ за тебя» — эти слова были сказаны Государю однимъ изъ толпы, и эти слова, думаемъ, мы въ правѣ считать, — соотвѣтствовали общему настроенію не только Москвы, но и всей тогдашней Россіи.

Приподнятое настроеніе продолжалось и дальше. Згѣсь въ Москвѣ, по выраженію Н. К. Шильдера, Александръ изъ военначальника сталъ русскимъ царемъ и почувствовалъ силы народа; и Императоръ Александръ былъ несомнѣнно искрененъ, говоря о 15 іюля, что «этого дня я никогда не забуду», этотъ день долженъ быть памятенъ и для Московскаго дворянства, которое 15 іюля 1812 года точно опредѣлило свое отношеніе къ предстоящей борьбѣ за честь и славу родины и которое выполнило все то, что обѣщало въ благородномъ порывѣ патріотическаго воодушевленія.

«Прѣздъ мой въ Москву, — писалъ Императоръ Александръ графу Салтыкову, — имѣлъ настоящую пользу. Въ Смоленскѣ дворянство мнѣ предложило на вооруженіе 20000 человекъ, къ чему уже тотчасъ приступлено. Въ Москвѣ одна губернія даетъ мнѣ десятого съ каждаго имѣнія, что составитъ до 80000 *), кромѣ поступающихъ охотою изъ мѣщанъ и разночинцевъ **). Денегъ

*) Згѣсь Государь былъ очевидно введенъ въ заблужденіе, этого количества Московское дворянство выставить не могло, въ дѣйствительности было 30 съ чѣмъ-то тысячъ, что и соотвѣтствовало вполнѣ $\frac{1}{10}$ всего количества крѣпостного мужского населенія губерніи. Московское ополченіе по количеству войновъ было наибольшее.

**) Охотниковъ почти не было; по журналамъ і Комитета можно опредѣлить ихъ количество въ нѣсколько десятковъ человекъ и только.

одушевленія, какое возбудитъ его появленіе въ предѣлахъ Россіи; онъ былъ увѣренъ, что Москва его встрѣтитъ такъ же, какъ встрѣчали его другія столицы Европы, но

«Весь народъ поднялся въ гнѣвъ яромъ,
Весь народъ на подвигъ вышелъ ратный,
И Москва, зажженная пожаромъ,
Освѣтила страшивый путь обратный».

(Л. А. Кологривова.)

А между тѣмъ русское общество еще въ юнѣ не отдавало себѣ яснаго отчета во всѣхъ событіяхъ, и современники говорятъ, что до прѣзда въ Москву Государя, общество совершенно не представляло себѣ всего надвигавшагося ужаса, никому не приходила въ голову возможность отдачи Москвы; не допускалъ этой мысли и самъ Императоръ Александръ. Не думали этого и московскіе жители, оставившіе Москву чуть ли не за нѣскольکو часовъ до вступленія туда французскихъ войскъ*); даже правительственныя учрежденія были закрыты только 30-го августа (V), а архіепископъ Августинъ уѣхалъ еще позднѣе, такъ какъ только 1-го сентября получилъ отъ графа Ростопчина письмо, въ которомъ тотъ писалъ: «Нечаянное рѣшеніе князя Кутузова оставитъ Москву злодѣю должно рѣшить и ваше преосвященство отправится немедленно. — Но именемъ Государя сообщаю вамъ, чтобы Владимірскую**), Иверскую и Смоленскую Богоматерей взяли съ собою. — Народъ ночью сего не примѣтитъ, а предлогъ — что имъ хочетъ молиться войско. — Путь вашъ на Владиміръ».

Прекрасно рисуетъ настроеніе Московскаго общества лѣтомъ 1812 года въ своихъ воспоминаніяхъ князь П. А. Вяземскій (VI)***):

«Прѣздъ Императора Александра I въ Москву изъ арміи 12 іюля 1812 года былъ событіемъ незабвеннымъ и принадлежитъ исторіи. До сего война, хотя и ворвавшаяся въ нѣдра Россіи, ка-

*) Совершенно то же самое происходило и въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ прошла армія Наполеона, помѣщики до того были далеки отъ возможности появленія непріятели въ предѣлахъ Московской губерніи, что покидали свои усадьбы часто только въ виду приближающихся французовъ. Тѣмъ болѣе никому не могла прийти въ голову возможность отдачи Москвы и появленія непріятельскихъ отрядовъ къ востоку отъ Москвы.

**) Во Владимірѣ существуетъ преданіе, что подлинная икона Владимірской Божіей Матери осталась во Владимірѣ, а въ Москву возвратилась вмѣсто нея копія, писаная въ XVI ст.

***) Русскій Архивъ 1869, I, 181.

Съ прѣзда Государя въ Москву, война приняла характеръ войны народной. Всѣ колебанія, всѣ недоумѣнія исчезли; все, такъ сказать, отвердѣло, закалилось и одушевилось въ одномъ убѣжденіи, въ одномъ святомъ чувствѣ, что надобно защищать Россію и спасти ее отъ вторженія непріятеля. Уже до появленія Государя въ собраніе Дворянства и Купечества, созванное въ Слободскомъ дворцѣ все было рѣшено, все было готово, чтобы на дѣлѣ оправдать вѣру Царя въ великодушное и неограниченное самопожертвованіе народа въ день опасности. На вызовъ Его единоголоснымъ и единодушнымъ отвѣтомъ было принести на пользу Отечества поголовно имущество свое и себя.

Настала торжественная минута. Государь явился въ Слободской дворецъ предъ собраніемъ. Наружность Его была всегда обаятельна. Тутъ Онъ былъ величаво-спокоенъ, но видимо—озабоченъ. Въ выраженіи лица Его обыкновенно было замѣтно, и при улыбкѣ, что-то задумчивое на челѣ. Это отличительное выраженіе мѣтко схвачено Торвальдсеномъ въ извѣстномъ бюстѣ Государя. Но на сей разъ сочувственная и всегда привѣтливая улыбка не озаряла лица Его; только на челѣ Его темнѣлось привычное облачко. Въ краткихъ и ясныхъ словахъ Государь опредѣлилъ положеніе Россіи, опасность, ей угрожающую, и надежду на содѣйствіе и бодрое мужество своего народа. Послѣдствія и приведеніе въ дѣйствіе мѣръ, утвержденныхъ въ этотъ день, достаточно извѣстны, и мы на нихъ не остановимся. Главное вниманіе наше обращается на духовную и народную сторону этого событія, а не на вещественную. Оно было не мимолетной вспышкой возбужденнаго патріотизма, не всеподданнѣйшимъ угожденіемъ волѣ и требованіямъ Государя. Нѣтъ, это было проявленіе сознательнаго сочувствія между Государемъ и народомъ. Оно во всей своей силѣ и развитости продолжалось не только до изгнанія непріятеля изъ Россіи, но и до самаго окончанія войны, уже перенесенной далеко за родной рубежъ. Съ каждымъ шагомъ впередъ яснѣе обозначалась необходимость разсчестъся и покончить съ Наполеономъ не только въ Россіи, но и гдѣ бы онъ ни былъ. Первый шагъ на этомъ пути было вступленіе Александра въ Слободской дворецъ. Тутъ невидимо, невѣдомо для самихъ дѣйствующихъ, Провидѣніе начертало свой планъ: начало его было въ Слободскомъ дворцѣ, а окончаніе въ Тюльерійскомъ.»

Но раньше окончанія въ Тюльберійскомъ дворцѣ плана начертаннаго Провидѣніемъ, требовалось огромное напряженіе русскаго народа и во главѣ его дворянства, принесшихъ родинѣ и жизнь своихъ сыновъ и свое достояніе.

Знакомясь съ архивными матеріалами, касающимися участія Московскаго дворянства въ тяжелую годину, мы смѣло можемъ сказать, что оно оказалось вполне достойнымъ довѣрія своего Государя,—кромѣ тѣхъ десятковъ тысячъ воиновъ, которые оно поставило въ ряды арміи, кромѣ тѣхъ милліоновъ, которые оно внесло въ комитетъ, образованный для сбора пожертвованій, оно истратило милліоны для содержанія ополченія, наконецъ послѣ ухода французовъ оно вмѣсто своихъ усадебъ и деревень нашло пожарища, такъ въ одномъ Можайскомъ уѣздѣ, правда наиболѣе пострадавшемъ, сгорѣло болѣе 2000 дворовъ *), всего же въ Московской губерніи сгорѣло у помѣщиковъ, по имѣющимся у насъ неполнымъ свѣдѣніямъ, болѣе 7000 дворовъ (всего сгорѣло болѣе 400 деревень).

Кромѣ тѣхъ пожертвованій, о которыхъ было заявлено 15-го іюля въ Слободскомъ дворцѣ, Московскому дворянству пришлось уже нѣсколько ранѣе внести по рублю семидесяти копеекъ съ души на покупку для арміи воловъ. 3-го іюня на имя Московскаго военнаго губернатора послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ, въ коемъ Государь, упоминая объ исключительныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находится Россія, говоритъ, что «Благородное Россійское дворянство, отъ давнихъ временъ обыкшее не щадить никакихъ пожертвованій, когда нужда Государственная того требуетъ, равно и другія сословія, достохвальнымъ примѣромъ таковымъ огушевяемая, съ готовностію вняли сему призыванію НАШЕМУ, и иждивеніемъ ихъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ поставлено для артиллеріи значущее количество лошадей, въ другихъ содержатся многочисленныя НАШИ арміи, въ иныхъ же возложено на попеченіе ихъ снабдить формируемые вновь полки амунициею и обозомъ. Сверхъ сихъ на пользу общую предназначенныхъ приношеній, открылась нынѣ потреба-

*) Въ однихъ запасныхъ магазинахъ въ помѣщичьихъ селахъ Можайскаго уѣзда уничтожено во время прихода французовъ 16726 четвертей ржи и 2132 четверти яровыхъ хлѣбовъ.

ской 149, Гаврила Васильевича Рюмина 164, Шереметевых 177. Само правительство сознавало прекрасно, что оно не в силах вознаградить дворянство за все понесенное им, что ясно видно из Манифеста от 30 августа 1814 г., выдержку из которого мы приводим несколько ниже сего. Манифест этот призывал дворянство к воздержанию от роскоши и к хозяйственному домостроительству, что, по его словам, должно было сторицею вознаградить за претерпённые расстройства и убытки. Но большинству дворянства было не до роскоши, надо было изыскивать средства к существованию и восстановлению сожженных усадеб и крестьянских дворов, а как видно из документов депутатского собрания, у громаднаго большинства помещиков не было совершенно строевого леса, что, конечно, еще болѣе затрудняло возможность скоро восстановить сожженные деревни, которых была не одна сотня.

В 1813 г. была назначена трехлѣтняя ссуда для крестьян в размѣрѣ 2050000 р., но из этих денег болѣе $\frac{3}{4}$ пошло крестьянамъ дворцовымъ и казеннымъ, помещичьимъ же всего было выдано 460,456 р., т.-е. в среднемъ не болѣе 50 р. на дворъ, при чемъ помещичьимъ крестьянамъ были выдаваемы ссуды лишь в тѣхъ случаяхъ, когда сами помещики не в силахъ были оказать помощи; такъ в матеріалахъ, извлеченныхъ изъ дворянскаго архива, мы находимъ отношеніе Московскаго губернскаго предводителя дворянства Арсенѣва къ Московскому гражданскому губернатору Обрескову, в которомъ онъ говоритъ объ отказѣ в пособіи крестьянамъ князей Щербатовыхъ, такъ какъ, говоритъ губернской предводитель, ссуда раздается «тѣмъ только помещичьимъ крестьянамъ, которыхъ помещики вовсе никакихъ средствъ восстановитъ крестьянъ своихъ не могутъ», а за «вышеупомянутыми помещиками князьями Щербатовыми, добавляетъ губернской предводитель, сверхъ разоренныхъ в Верейскомъ уѣздѣ состоитъ в разныхъ губерніяхъ 1280 душъ».

Несмотря на значительное разореніе, Московское дворянство отказалось послѣ окончанія войны, также и отъ вознагражденія за провіантъ и фуражъ, взятыя в ихъ имѣніяхъ для войскъ, что составило в общемъ не малую сумму. В общемъ трудно даже подсчитать тѣ матеріальныя жертвы, которыя были принесены

за время Отечественной войны дворянствомъ вообще и Московскимъ въ особенности *). Все сдѣланное дворянствомъ отмѣчено въ Высочайшемъ Манифестѣ, данномъ 30-го августа 1814 года: «Благородное Дворянство Наше, вѣрная и крѣпкая ограда Престола, умъ и душа народа, издревле благочестивое, издревле доброе, издревле многократными опытами доказавшее ничѣмъ ненарушимую преданность и любовь къ Царю и Отечеству, наипаче же изъясвившее безпримѣрную ревность щедрымъ пожертвованіемъ не токмо имуществъ, но и самой крови и жизни своей.. Впрочемъ Мы несомнѣнно увѣрены, что хотя дворянство въ необычайную нынѣшнюю войну сильно пострадало и претерпѣло великіе убытки, но пріобрѣтенная имъ истинная и неувядаемая слава исцѣлитъ раны его, умѣшитъ въ скорби, умножитъ еще болѣе должную и справедливую гордость быть Россіяниномъ, и увеличитъ заботу и попеченіе его о благосостояніи ввѣреннаго ему Богомъ и законами достойныхъ любви его домохозяевъ; воздержанность же отъ роскоши, матери пороковъ, и хозяйственное домостроительство, источникъ изобилія, спокойствія и чистоты нравовъ, вознаградитъ сторицею всѣ претерпѣнныя разстройства и убытки» (X).

Эти милостивыя слова Высочайшаго Манифеста нисколько не превышаютъ всего, что было сдѣлано въ эпоху борьбы съ Наполеономъ русскимъ дворянствомъ, они только точно и опредѣленно говорятъ, что было въ дѣйствительности и эти слова Монарха, это признаніе заслугъ дворянства передъ всѣмъ народомъ русскимъ, являются лучшею наградою дворянству за его безкорыстную службу родинѣ.

Но вернемся ко времени пребыванія въ Москвѣ Государя въ іюль 1812 года, когда было приступлено къ организаціи Москов-

*) Въ общемъ сумма всѣхъ пожертвованій, сдѣланныхъ въ 1812 г. частными лицами, достигала 100 милліоновъ рублей, количество же выставленныхъ ополченій было болѣе 250 тысячъ человѣкъ, снаряженіе же каждаго ополченца обходилось около 150 рублей, т.е. снаряженіе всѣхъ ополченій обошлось дворянству около 35 милліоновъ, изъ нихъ на долю Московскаго падеши около 4500000 руб.

скаго ополченія или какъ оно официально называлось Московской Военной силы.

Еще въ Манифестѣ отъ 6-го іюля, данномъ въ лагерѣ близъ Полоцка, Императоръ Александръ говоритъ о необходимости «собрать внутри Государства новыя силы, которыя, нанося новыи ужасъ врагу, составляли бы вторую ограду въ подкрѣпленіе первой, и въ защиту домовъ, женъ и дѣтей каждаго и всѣхъ», въ томъ же Манифестѣ говорится, что «для первоначальнаго составленія предназначаемыхъ силъ предоставляется во всѣхъ губерніяхъ дворянству сводить поставляемыхъ ими для защиты людей, избирая изъ среды самихъ себя начальника надъ оными, и давая о числѣ ихъ знанъ въ Москву, гдѣ избранъ будетъ главный надъ всѣми предводитель» *). Во исполненіе этого Манифеста гражданскій губернаторъ Обресковъ 11-го іюля сообщилъ губернскому и уѣзднымъ предводителямъ дворянства о необходимости имъ прѣхать въ Москву «для совѣщаній и мѣроположеній» и о немедленномъ приглашеніи уѣзднаго дворянства «собраться какъ наискорѣе въ Москву».

Дворянское собраніе состоялось уже 16-го іюля и на немъ были произведены выборы главнокомандующаго Московскою Военною Силою, избранными оказались: генералъ-отъ-инфантеріи графъ Михаилъ Илларионовичъ Голенищевъ-Кутузовъ (243 голоса), генералъ-отъ-инфантеріи графъ Федоръ Васильевичъ Ростопчинъ (225 г.) и генералъ-фельдмаршалъ графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ (198 г.) **), кандидатами къ нимъ генералъ-лейтенантъ графъ Ираклій Ивановичъ Морковъ, генералъ-отъ-инфантеріи графъ Николай Алексѣевичъ Татищевъ ***) , генералъ-отъ-кавалеріи Степанъ Степановичъ Апрак-

*) По смыслу этого Манифеста можно предположить, что ополченія должны были имѣть одного общаго главнокомандующаго, который долженъ былъ быть избранъ въ Москвѣ, т. е. надо думать Московскимъ дворянствомъ, такъ какъ въ Манифестѣ ясно сказано—«давая о числѣ ихъ знанъ въ Москву, гдѣ избранъ будетъ главный надъ всѣми предводитель», не назначенъ, а избранъ. Въ дѣйствительности же всѣ губерніи имѣли своихъ особыхъ начальниковъ ополченій, а всѣ ополченія были подчинены Главнокомандующему арміямъ.

**) Кавалеръ св. Георгія 3 и 2 степеней, былъ Московскимъ главнокомандующимъ передъ графомъ Ростопчинымъ.

***) Бывшій инспекторъ инфантеріи Петербургской инспекціи. Одинъ изъ первыхъ по времени кавалеровъ св. Георгія (1770).

синъ *) и генералъ-адъютантъ графъ Петръ Александровичъ Толстой **).

Такимъ образомъ Московское дворянство избрало своимъ вождемъ Кутузова (XI), оно первое признало въ немъ единственнаго человѣка, который можетъ противустать генію Наполеона.

Почти одновременно съ Московскимъ и Петербургское дворянство 17-го іюля, т. е. на слѣдующій день, также избрало главнокомандующимъ своимъ ополченіемъ Кутузова, который и принялъ это избраніе, не зная еще объ избраніи его и въ первопрестольной Москвѣ, о чемъ онъ узналъ только случайно отъ графа Комаровскаго, встрѣтившаго его въ Таврическомъ дворцѣ, куда Кутузовъ прѣхалъ для представленія Государю по случаю его избранія Петербургскимъ дворянствомъ. «Когда онъ узналъ отъ меня, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ гр. Комаровскій, объ этомъ назначеніи, съ полными глазами слезъ сказалъ: «Вотъ лучшая награда для меня, въ моей жизни».

Къ этому времени выдвинулся также вопросъ о главнокомандующемъ арміями, общественное мнѣніе рѣзко настаивало на непригодности Барклая-де-Толли, упорное отступленіе котораго, въ связи съ его нѣмецкимъ происхожденіемъ, возбуждало къ нему недовѣріе русскаго общества, а постоянныя несогласія его съ княземъ Багратиономъ сильно осложняли и самое управленіе арміями, и Государь подъ вліяніемъ всего этого рѣшился смѣнить Барклая, поручивши рѣшеніе вопроса объ избраніи главнокомандующаго особому комитету, состоявшему изъ графа Салтыкова, Вязмитинова, графа Аракчеева, Балашова, князя Лопухина и графа Кочубея. 5-го августа комитетъ вынесъ единогласное рѣшеніе о необходимости назначенія Кутузова, возведеннаго въ это время въ княжеское достоинство за успѣшное окончаніе войны съ Турціей. Это избраніе вполне отвѣчало общественному мнѣнію, которое всѣ свои надежды возлагало на Кутузова. Императоръ Александръ, нелюбившій и недовѣрившій Кутузову, все же утвердилъ это избраніе и 8-го августа состоялось назначеніе его главнокомандующимъ всѣми арміями и ополченіями. Императоръ Александръ настолько недовѣрялъ Кутузову, что не могъ даже

*) Иногда ошибочно называється графомъ.

***) Кавалеръ св. Георгія 3 ст. Въ 1807—1808 гг. былъ посланъ при Наполеонѣ, въ 1813 и 1814 гг. командовалъ резервнымъ корпусомъ.

скую, Тверскую, Ярославскую, Владимирскую, Рязанскую, Тульскую, Калужскую и Смоленскую, 2-й Петербургскую и Новгородскую и 3-й Казанскую, Нижегородскую, Пензенскую, Костромскую, Симбирскую и Вятскую. Первый округ долженъ былъ принять «скорыя и дѣятельныя мѣры къ собранію, вооруженію и устройенію внутреннихъ силъ, долженствующихъ охранять первопрестольную столицу Москву и предѣлы сего округа», второй округъ долженъ былъ сдѣлать то же по отношенію къ Петербургу, а третій долженъ былъ быть готовъ во всякое время, но Манифестомъ предписывалось до особаго повелѣнія людей не собирать.

Манифестъ этотъ отмѣчалъ особое значеніе ополченія: «составляемая нынѣ внутренняя сила не есть милиція или рекрутскій наборъ, но временное вѣрныхъ сыновъ Россіи ополченіе, устрояемое изъ предосторожности, въ подкрѣпленіе войскамъ и для надежнѣйшаго охраненія Отечества», затѣмъ говорилось, что «по изгнаніи непріятеля изъ земли Нашей, всякъ возвратится съ честію и славою въ первобытное свое состояніе и къ прежнимъ своимъ обязанностямъ».

Кромѣ указаннаго Манифеста, даннаго въ Москвѣ 18-го іюля, Государемъ было отдано слѣдующее повелѣніе графу Ростопчину: «Предположивъ для охраненія Московской Столицы составить внутреннія силы изъ округи, заключающей въ себѣ Московскую, Тверскую, Ярославскую, Владимирскую, Рязанскую, Тульскую, Калужскую губерніи, препоручаю бдительному надзору Вашему какъ составленіе, такъ и сближеніе къ Москвѣ вышеозначенныхъ силъ, надѣясь, что вы не упустите ни малѣйшаго времени къ наблюденію за скорымъ ихъ образованіемъ, и что о мѣрѣ готовности каждой губерніи распорядите движеніе людей слѣдующимъ порядкомъ: изъ Тверской слѣдовать въ окрестности Клина; изъ Калужской въ окрестности Можайска и Вереи; изъ Тульской въ окрестности Серпухова; изъ Рязанской въ окрестности Каширы; изъ Владимирской въ окрестности Богородска; изъ Ярославской въ окрестности Дмитрова; Московскую же расположить въ Воскресенскѣ, Звенигородѣ и Подольскѣ. Я увѣренъ, что вы благовременно сдѣлаете распоряженіе о продовольствіи ихъ какъ въ пути, такъ и въ мѣстахъ, гдѣ онѣя расположены будутъ, та-

Изъ нихъ Архаровъ и Обольяниновъ были назначены по Высочайшему повелѣнiю. Въ концѣ августа членомъ Комитета былъ назначенъ еще Николай Петровичъ Архаровъ, не успѣвшій принять участiя въ его занятiяхъ. Правителемъ канцелярiи Комитета былъ назначенъ нагворный совѣтникъ Федоръ Кокошкинъ.

Засѣданiя Комитета начинались въ 10 часовъ утра и оканчивались въ 2 часа дня, и нужно отмѣтитъ, что за все время засѣданiй Комитета, т.-е. съ 20 iюля по 28 августа всѣ члены всегда бывали налицо, ни одинъ изъ нихъ не пропустилъ ни одного засѣданiя, что ясно показываетъ, насколько серьезно было ихъ отношенiе къ дѣлу. Въ виду того что въ «Материалахъ» мы печатаемъ подлинныя журналы Комитета, мы не будемъ здѣсь оособенно подробно останавливаться на его дѣятельности, а отмѣтимъ только наиболее интересныя факты изъ этой его дѣятельности.

Въ первые дни засѣданiй Комитету пришлось прежде всего намѣтитъ программу дальнѣйшихъ дѣйствiй и выбратъ должностныхъ лицъ по губернии. Въ губернскiе комиссары былъ избранъ генералъ-лейтенантъ Хомутовъ *), помощникомъ ему бригадиръ Дурасовъ, въ оберъ-провiантмейстеры бригадиръ Кашкинъ, тогда же были выработаны для нихъ особыя инструкци.

Кромѣ лицъ выбранныхъ Комитетомъ — дворянство каждаго уѣзда избирало особыхъ провiантмейстеровъ, которые были подчинены оберъ-провiантмейстеру Кашкину, дѣятельности котораго мы своевременно коснемся, т. к. въ архивѣ генуатскаго собранiя сохранилась переписка Кашкина, въ которой онъ проявляетъ огромную энергiю и желанiе исполнитъ добросовѣстно возложенныя на него нелегкiя обязанности по организаци провiантмейстерской части во всей губернии.

Тогда же были выработаны правила прiема людей въ ополченiе **), было рѣшено ихъ формировать въ полки и сводитъ въ

*) Георгiй Аполлоновичъ былъ одно время сенаторомъ (1804—1808) и съ 1823 по 1826 г. Московскимъ уѣзнымъ предводителемъ дворянства.

**) Для прiема былъ назначенъ возрастъ отъ 20 до 45 лѣтъ, при чемъ возможны были и ошступленiя при условii крѣпкаго тѣлосложенiя, ростъ особенно не принимался въ расчетъ — «лишь бы былъ не уродъ и не карла».

Москву, а затѣмъ направлятъ въ Верею. Цѣлый рядъ Московскихъ дворянъ предложилъ свои услуги Комитету (имена ихъ помѣщены въ журналахъ Комитета), между прочимъ былъ назначенъ помощникъ Кашкину полковникъ Дмитрій Ивановичъ Вельяшевъ-Волынцовъ, перешедшій, впрочемъ, вскорѣ въ ряды ополченія и замѣненный Сергѣемъ Петровичемъ Высоцкимъ*).

29-го іюля въ Москвѣ начался пріемъ войновъ и провіанта, войны помѣщались въ Головинскихъ, Хамовническихъ и Срѣтенскихъ казармахъ, оружіе въ Никольскихъ казармахъ близъ дома дворянства, провіантъ близъ Серпуховской заставы.

Комитетъ принялся за свою дѣятельность крайне энергично и, черезъ 3 дня послѣ начала пріема ополченцевъ и провіанта, имъ была уже усмотрѣна медленность въ исполненіи принятыхъ дворянствомъ на себя обязанностей (къ 1 августа было представлено всего 546 человекъ, а провіанта лишь на 117), почему онъ и обратился къ губернскому предводителю дворянства съ просьбою понужденія. Едва ли было справедливымъ упрекать дворянство въ замедленіи доставки людей и провіанта, нельзя не принять въ расчетъ, что время было самое горячее, т. к. совпало съ уборкою хлѣба, да и не такъ легко было собрать нужное количество людей (1 изъ 10), снабдить ихъ 3-мѣсячнымъ провіантомъ, форменной одеждой, оружіемъ и деньгами. Не говоря уже о томъ, что не хватало даже сѣраго сукна**), какъ полагалось для войновъ ополченія, но для многихъ и матеріально являлось это непосильнымъ бременемъ, т. к. требовало также и денежныхъ расходовъ, снаряженіе каждаго война стоило приблизительно 130—150 рублей, приблизительно около 10 р. на человека выдавались наличными деньгами, которые вносились при сдачѣ войновъ и, повидимому, пошли на устройство полковыхъ обозовъ***). Несмотря на то, что ежедневно въ Комитетъ доносили о новыхъ поступленіяхъ людьми и провіантомъ, все же мы то и дѣло встрѣчаемъ съ его стороны понужденіе, а 14-го августа состоялось крайне рѣшительное постановленіе Комитета: «объявить чрезъ посредство Московскихъ Вѣдомостей, есть ли кто изъ помѣщиковъ не представилъ еще на отданныхъ въ военную силу людей

*) Въ 1825—1828 г. былъ депутатомъ дворянства Клинскаго уѣзда.

**) Журналъ Комитета 12 августа.

***) Журналъ Комитета 7 августа.

указанія на 2709 ч. отъ Московскаго уѣзда и кромѣ того люди поступали и послѣ 20-го августа, такъ что можно съ увѣренностію сказать, что общее количество ополченцевъ должно было быть нѣсколько болѣе тридцати тысячъ *). Послѣдній журналъ мы имѣемъ отъ 29-го августа, въ этотъ день Комитетъ посвятилъ свои занятія разсмотрѣнію вопроса о полкѣ формируемомъ графомъ М. А. Дмитріевымъ-Мамоновымъ**), формированіе это шло крайне неуспѣшно—къ 19 августа полкъ имѣлъ всего 186 человекъ при 81 лошади, при чемъ ни обмундированія, ни конской сбруи, ни обоза не было. Командующій конными полками Московской Военной Силы генералъ-майоръ Шенелевъ, донося о результатахъ своего смотря Комитету, просилъ представить обо всемъ этомъ Государю, «дабы онъ за видимый неуспѣхъ въ сформированіи и образованіи полка сего не погналъ отвѣту безъ причинъ». Дѣйствительно Мамоновскій полкъ былъ сформированъ довольно поздно, еще весною 1813 г. онъ стоялъ въ Ярославской губерніи, послѣ чего вошелъ въ составъ резервной арміи, стоявшей около Слонима, куда онъ былъ двинутъ лѣтомъ 1813 г., къ дѣйствующей арміи Мамоновскій полкъ присоединился лишь въ 1814 г.

Офицерскій составъ Мамоновскаго полка (1-й Московскій казачій) пополнялся не исключительно изъ Московскаго дворянства, какъ остальные полки ополченія, и мы видимъ въ немъ офицеровъ самаго разнообразнаго происхожденія; просуществовалъ онъ до начала 1815 г.

Кромѣ графа Дмитріева-Мамонова по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ содержалъ на свой счетъ полкъ и Николай Никитичъ Демидовъ; полкъ этотъ погѣ названіемъ 1-го Егерскаго полка входилъ въ составъ Московскаго ополченія; никакихъ свѣдѣній о

*) Московское ополченіе, кромѣ полка графа Дмитріева-Мамонова, было пополняемо исключительно изъ помѣщичьихъ крестьянъ, охотниковъ изъ другихъ классовъ населенія почти не было. Крестьяне государственные, экономическіе и удѣльные были освобождены отъ поставки ратниковъ ополченія.

**) Графъ Матвѣй Александровичъ Д.-М. былъ оберъ-прокуроромъ 6-го департамента Сената (въ 1812 г. ему было всего 24 года отъ роду), въ 1813 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры и за участіе въ Отечественной войнѣ получалъ золотое оружіе. Скончался въ 1863 г., съ нимъ угасъ родъ графовъ Дмитріевыхъ-Мамоновыхъ. Нѣкоторыя подробности о сформированіи гр. Д.-М. полка сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ князь Вяземскій (см. прим. VI).

томъ, что онъ былъ содержимъ на средства Демидова, мы въ дѣлахъ дворянскаго архива, такъ же какъ и въ журналахъ Комитета не имѣемъ, въ наградномъ же списокѣ читаемъ: «1-го Егерскаго полка тайный совѣтникъ Демидовъ. Съ начала ополченія Московской Военной Силы употребляя всевозможные способы къ усовершенствованію ввѣреннаго ему полка привелъ полкъ въ двѣ недѣли къ окончанію и выступилъ къ соединенію съ арміями, а 26-го числа командовалъ резервомъ Московской Военной Силы», но подобныя же отмѣтки сдѣланы и у другихъ командировъ ополченскихъ полковъ.

II.

Въ неразрывной связи съ дѣятельностью 1-го Комитета находится дѣятельность оберпровіантмейстера бригадира Николая Евгеніевича Кашкина и его помощниковъ—уѣздныхъ провіантмейстеровъ и комиссіонеровъ, пополнявшихся исключительно изъ Московскихъ дворянъ. Сохранившаяся въ дѣлахъ депутатскаго собранія переписка Кашкина ярко рисуетъ намъ энергичную и разумную дѣятельность оберпровіантмейстера, организовавшаго провіантмейстерскую часть во всей губерніи и своевременно успѣвшаго закончить всѣ необходимыя приготовления: въ мѣсяцъ надо было собрать провіантъ на 30 тысячъ челоуѣкъ и доставить его въ мѣста стоянки ополченія.

Работая безъ - устали самъ, Кашкинъ умѣлъ заставить работать и своихъ помощниковъ на мѣстахъ въ уѣздахъ: «Я съ своей стороны остаюсь въ полной увѣренности, что Вы, принимая на себя сію должность, писалъ Николай Евгеніевичъ Богородскому провіантмейстеру Бехтину, въ дѣлѣ столь важномъ одушевлены готовностью и рвеніемъ къ службѣ Государю и отечеству, жертвуя своими трудами и способностію безъ сомнѣнія пожертвуете всѣмъ чѣмъ можете, и при сихъ способахъ не будетъ ни въ чемъ недостатка. Но если Вы по части Вамъ ввѣренной найдете въ необходимости имѣть скорое въ чемъ нибудь вспоможеніе, въ такомъ случаѣ рекомендую Вамъ безъ всякаго медленія увѣдомлять меня, а я, не упуская ничего, буду представлять о томъ высшему начальству и не оставляю Васъ безъ разрѣшенія».

Въ этомъ писмѣ вылилась вся дѣятельность Н. Е. Каш-

кина,—добросовѣстно относясь къ своей работѣ, онъ требовалъ точно такого же отношенія къ гѣлу и отъ своихъ подчиненныхъ и мы можемъ съ увѣренностію сказать, что всѣ уѣздные провіантмейстеры и комиссіонеры, за весьма малымъ исключеніемъ, исполнили свой долгъ болѣе, чѣмъ, добросовѣстно. Но Кашкинъ вмѣстѣ съ тѣмъ не любилъ, чтобы обращались къ нему за разъясненіями вопросовъ, которые могли разрѣшатся на мѣстахъ и, что, конечно, только затягивало гѣло. Между прочимъ Верейскій провіантмейстеръ Манашевъ встрѣтилъ затрудненіе въ выдачѣ провіанта и обратился къ Кашкину за разрѣшеніемъ вопроса, тотъ ему отвѣтилъ довольно насмѣшливо: «Всякій легко можетъ догадаться, что въ ордерѣ моемъ 1/30 гарнца написана ошибкою писца вмѣсто 1¹/₂/30; если бы это могло затруднить Васъ, то предписаніе мое руководствоваться въ пріемѣ и отпускѣ провіанта провіантскими правилами было бы достаточно къ разрѣшенію Вашего недоумѣнія, ибо послѣдній солдатъ твердо знаетъ, что ему въ мѣсяцъ положено полтора гарнца крупы, а въ день 1¹/₂/30. Впредь рекомендую Вамъ бытъ осмотрительнѣе въ пріемѣ и выдачѣ провіанта; гораздо простительнѣе передатъ солдату лишнее, чѣмъ не додатъ ему должнаго».

Кашкину пришлось не только собирать провіантъ, но и заботиться о томъ, чтобы онъ своевременно былъ доставляемъ ополченію, почему ему приходилось слѣдить за всѣми передвиженіями Московской Военной Силы и направлять ей въ слѣдъ обозы съ провіантомъ и одновременно съ этимъ превращать муку въ хлѣбъ и сухари. Не всегда провіантъ достигалъ своего назначенія, попадая иногда въ руки непріятеля,—болшія потери провіанта были понесены въ Можайскѣ, гдѣ сгорѣло ополченскихъ 2259 пудовъ муки, 174 п. сухарей и 51 четверть крупы, все это пришлось сжечь при отступленіи нашей арміи послѣ Бородинскаго сраженія, погибъ провіантъ также и въ Бронницахъ, о чемъ доносилъ провіантмейстеръ Вальцовъ: «оставшійся же провіантъ по нашествіи непріятеля въ городъ Бронницы *) весь расхищенъ безъ остатка, что мною усмотрѣно по выходѣ не-

*) Въ Бронницы, кажется, одинъ разъ заходилъ ненадолго непріятельскій развѣздъ и больше ни въ Бронницахъ, ни въ Бронницкомъ уѣздѣ непріятель не появлялся.

пріятеля изъ города и изъ уѣзда», то же случилось и въ Дмитровѣ, гдѣ провіантмейстеръ Янковъ, въ виду приближенія французовъ, передалъ магазинъ городничему и уѣхалъ, а когда возвратился обратно, то нашелъ магазинъ пустымъ.

Послѣ Бородинскаго сраженія, т.-е. въ послѣднихъ числахъ августа Московское ополченіе почти въ полномъ своемъ составѣ вошло въ ряды дѣйствующей арміи на укомплектованіе огромной убыли въ полкахъ, вслѣдствіе этого и весь провіантъ перешелъ въ распоряженіе главнаго интенданта арміи. Съ этого времени начинается какъ бы ликвидаціонная дѣятельность Н. Е. Кашкина и вообще всей провіантмейстерской части Московскаго ополченія, хотя работы хватило еще надолго, какъ мы это видимъ изъ рапорта Волоколамскаго провіантмейстера Онучина, который мы приводимъ ниже.

Параллельно съ Первымъ Комитетомъ открылъ свою дѣятельность и Второй, состоявшій изъ графа Ростопчина, князя Николая Борисовича Юсупова*), князя Бориса Григорьевича Шаховскаго, князя Алексѣя Николаевича Долгорукаго, князя Сергія Михайловича Голицына**), Московскаго вице-губернатора Алексѣя Ивановича Арсеньева и депутата отъ купечества Дмитрія Александровича Лухманова. Цѣль этого комитета была сборъ пожертвованій на нужды арміи и вообще войны, дѣятельность свою онъ началъ 20 іюля и закончилъ 30-го августа, т.-е. тогда, когда закончилась дѣятельность всѣхъ правительственныхъ учрежденій въ Москвѣ.

Мы уже указали выше на нѣкоторыя болѣе крупныя пожертвованія Комитету***), а теперь перейдемъ къ дѣйствіямъ Московской Военной Силы, насколько это возможно сдѣлать по документамъ Московскаго депутатскаго собранія и отчасти Московскаго отдѣленія архива Главнаго штаба и принимая во вниманіе, что самостоятельно Московское ополченіе существовало всего нѣсколько болѣе двухъ недѣль, а затѣмъ вошло въ составъ арміи.

*) Былъ назначенъ членомъ Комитета Высочайшимъ указомъ отъ 25 іюля.

**) Дѣйствительный камергеръ, почетный опекунъ Московскаго присутствія.

***) Въ «Матеріалахъ» мы печатаемъ списки жертвователей, что является исполненіемъ постановленія Комитета, который говоритъ о необходимости составленія этихъ списковъ, которые останутся «на всегда въ потомство съ означеніемъ къ имъ и сколько на пользу отечества сдѣлано пожертвованій».

вѣстной степени довольно образовано, какъ выразился о немъ гр. Ростопчинъ, т. к. повидимому раньше чѣмъ двинуть его изъ Москвы съ нимъ занимались, это можно заключить изъ отношенія генералъ-маіора Шепелева на имя 1-го Комитета, въ которомъ онъ сообщалъ о результатахъ осмотра полка графа Дмитріева-Мамонова; въ своемъ отношеніи онъ, между прочимъ, говоритъ, что полкъ не готовъ, почему «ни правилъ конной ѣзды, ни конныхъ, ни пѣшихъ оборотовъ, ни стрѣльбы на лошадяхъ повѣритъ онъ не могъ» изъ этихъ словъ можно видѣть, что все это полагалось и слѣдовательно полки Московской Военной Силы обучались строю и стрѣльбѣ раньше чѣмъ были двинуты на соединеніе съ главною арміею *). Надо полагать, что Московское ополченіе было достаточно и дисциплинировано, что мы заключаемъ изъ настоящаго писъма Кутузова къ графу Моркову: «Милостивый государь мой, графъ Ираклій Ивановичъ. Арміи нашелъ я между Гжатска и Царево-Займища. Мародерство, вкравшееся въ арміи, усилилось такъ, что, думая о сохраненіи сколько можно спокойствія въ столицѣ и въ окрестностяхъ, я нахожу нужнымъ обратиться къ вашему сіятельству съ тѣмъ, чтобы вы находящимся нынѣ въ Можайскѣ, Вереѣ и другихъ мѣстахъ войскамъ ополченія вашего дали повелѣнія ваши, что если бы мародеры отъ арміи показались гдѣ-либо въ окрестностяхъ Москвы, то перелавливая ихъ, собирайте при полкахъ вашихъ и по собраніи нѣкотораго ихъ числа мнѣ доносите. По мѣрѣ изготовленія войскъ ополченія Московскаго, направляйте ихъ впередъ, ваше сіятельство, всѣхъ къ Можайску и черезъ каждыя два дня о числѣ собранныхъ и готовыхъ уже войскъ доставляйте мнѣ свѣдѣніе. Пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ вашего сіятельства всепокорный слуга, князь Михаилъ Г. Кутузовъ» **).

Это писъмо Кутузова весьма характерно на нашъ взглядъ, т. к. показываеъ его довѣріе къ ополченію, иначе нельзя объяснить это порученіе командиру ополченія со стороны главнокомандующаго арміями.

*) Что ополченіе обучалось «маршировать съ оборотами и разнымъ порядкомъ», говоритъ также въ своихъ воспоминаніяхъ М. М. Евреиновъ.

***) «Русск. Стар.» 1896. IV. 648.

КЪ 19-му августу ополченіе стояло вѣ слѣдующихъ пунктахъ; 1-я дивизія вѣ составѣ полковъ 1-го Егерскаго, 2, 4 и 6 пѣшихъ вѣ г. Рузѣ, 2-я дивизія вѣ составѣ 5, 7 и 8 пѣшихъ полковъ вѣ г. Вереѣ, 3-я дивизія вѣ составѣ 2 и 3 Егерскихъ и 1 и 3 пѣшихъ вѣ г. Можайскѣ, Конный полкъ вѣ Москвѣ. Численный составъ ополченія къ этому дню былъ слѣдующій:

НАЗВАНІЕ ПОЛКОВЪ МОСКОВСКОЙ ВОЕННОЙ СИЛЫ.	Полковыхъ ко- мандировъ.	Штабъ-офице- ровъ.	Оберъ-офице- ровъ.	Урядниковъ изъ нижнихъ чиновъ.	Урядниковъ изъ воиновъ.	Воиновъ.
1-й конно-казачій	1	6	40	47	—	126
1-й егерскій.	1	6	38	76	—	2400
2-й егерскій.	1	5	20	—	120	2049
3-й егерскій.	1	5	48	17	5	2557
1-й пѣшій казачій	1	5	36	67	—	2400
2-й » »	1	4	24	60	—	2007
3-й » »	1	4	19	—	15	2100
4-й » »	1	4	32	1	9	2400
5-й » »	1	5	20	—	12	2602
6-й » »	1	4	38	—	9	1850
7-й » »	1	4	27	15	—	2400
8-й » »	1	5	35	26	74	1944
	12	57	377	309	244	24835

Повидимому все Московское ополченіе, за исключеніемъ лишъ одного полка графа Дмитрѣева-Мамонова, собралось полностью вѣ Можайскѣ къ моменту Бородинскаго сраженія. 21-го августа вѣ Можайскѣ прибылъ со всѣми полками ополченія графъ И. И. Морковъ, нѣсколько запоздалъ лишъ Демидовъ съ 1-мъ Егерскимъ полкомъ, но запозданіе это произошло отъ того, что первоначально онъ съ 7-ю сформированными имъ ротами двинулся къ Рузѣ, гдѣ соединился съ остальными 9-ю и изъ Рузы уже вѣ полномъ составѣ полка направился къ Можайску, куда и прибылъ

остались Московскаго ополченія: 2 и 3 баталіоны 1 егерскаго полка, 2 егерскаго полка, 1 и 4 баталіоны 3 егерскаго полка, 1 пѣшій казачій полкъ, 2 и 4 баталіоны 3 пѣшаго казачьяго полка, 2 и 3 баталіоны 4 пѣшаго казачьяго полка и 7 пѣшій казачій полкъ. 6 пѣшій казачій полкъ генералъ-адъютанта Лопухина прибѣлѣ на бородинскую позицію только 26 августа уже во время сраженія, а 2, 5 и 8 пѣшіе казачьи и конно-казачій полки Московскаго ополченія не присоединялись къ арміи князя Кутузова въ теченіе августа». Изъ приведенной выдержки видно, что съ полковникомъ Поликарповымъ мы совершенно сходимся въ подсчетѣ количества полковъ Московскаго ополченія бѣвшаго подъ Бородинымъ (у г. Поликарпова нѣтъ подсчета общаго количества людей), у него только больше подробностей въ самомъ распредѣленіи, что, конечно, зависитъ отъ количества того матеріала, которымъ онъ пользовался и котораго мы не имѣли въ своемъ распоряженіи.

Къ сожалѣнію тотъ матеріалъ, который мы имѣли въ нашихъ рукахъ, какъ рукописный, такъ и печатный, не даетъ намъ возможности представитъ мало-мальски подробнаго описанія дѣйствій Московскаго ополченія, объ этомъ приходится собирать по крупицамъ и все изъ тѣхъ же представленій къ наградамъ высшихъ чиновъ ополченія.

Два баталіона 1-го Егерскаго полка подъ командою майора Мицкаго «удерживали подъ сильными пушечными выстрѣлами стремленіе непріятельской кавалеріи» эти два баталіона, состоявшіе изъ 500 человекъ совмѣстно съ Рязанскимъ пѣхотнымъ полкомъ ходили въ штыки (на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, близъ дер. Утицы); 2-й Егерскій полкъ подъ Бородинымъ находился въ продолженіи шести часовъ подъ ядрами и не отступилъ ни на одинъ шагъ отъ мѣста своего назначенія, четыре полка, подъ общемою командою генералъ-майора Талызина I (шефъ 3-го Егерскаго п.) составляли подъ Бородинымъ вторую линію корпуса Тучкова и «среди самой кровавой битвы подвергались опасности и несмотря на сильную атаку непріятеля находились безпрестанно въ огнѣ и противостояли стремленію непріятеля, подавая неустранимостью своею примѣръ подчиненнымъ»; 3-й пѣхотный полкъ подъ Бородинымъ былъ въ резервѣ, 6-й полкъ подкрѣплялъ корпусъ Тучкова и подъ сильнымъ картечнымъ огнемъ

Званіе полковѣ.	Число урядн., писарей, войновѣ.	Куда командированы.	Число урядн., писарей, войновѣ.
1 Егерскій	2602	Во 2 Армїю	1748
		Кѣ генералу Левицкому	540
2 Егерскій	2590	Вѣ 3 корпусѣ	1167
		Князю Багратиону	1200
3 Егерскій	2602	Вѣ 3 корпусѣ	270
		Барклаю де Толли	1214
		Генералѣ Провіант. Говѣ	460
		Вѣ вѣдѣніе Инспектора Почтѣ	30
1 Пѣхотный	2602	Вѣ 3 корпусѣ	1471
		Кѣ генералу М. Левицкому	1000
		Комисару Иловайскому	127
2 Пѣхотный	2590	Вѣ 4 корпусѣ	2590
3 Пѣхотный	2590	Барклаю де Толли	1200
		Кѣ генералу М. Левицкому	640
		Капитану Ревунову	120
4 Пѣхотный	2582	Барклая де Толли	1266
		Кѣ генералѣ-маіору Левицкому	540
5 Пѣхотный	2590	Отданы во 2 Армїю	2590
6 Пѣхотный	2590	Отданы вѣ Бѣлозерскій полкѣ маіору Керну	2590
7 Пѣхотный	2590	Вѣ 6 корпусѣ	2282
8 Пѣхотный	1744	Вѣ 7 корпусѣ	22
		Князю Багратиону	1200
Всего	27672	Вѣ расходѣ	24267

Вѣ числѣ 27672 войновѣ за расходомѣ 24267 должно оставаться 3405 человекѣ, изѣ коихѣ вѣ раскомандировкахѣ для препровожденія раненыхѣ, для отводу плѣнныхѣ и оставшихся больными вѣ остаткѣ 1005 человекѣ (Моск. Арх. Гл. Штаб. Оп. 11а, св. 281, д. № 13, ч. 1).

Такъ растворилось Московское Ополченіе въ рядахъ всей арміи, но хотя оно и перестало почти дѣйствовать самостоятельно, потерявъ свой характеръ народнаго ополченія, оно продолжало нести тяжелую службу въ великой борьбѣ съ Наполеономъ и мы все еще продолжаемъ иногда встрѣчать упоминаніе о дѣйствіяхъ Московскаго Ополченія, такъ напримѣръ въ представленіи къ награждѣ полковника Свѣчина говорится, что (3—6 ноября) «при нападеніи непріятеля на стрѣлковъ праваго фланга былъ посланъ на подкрѣпленте, при чемъ показалъ себя искуснымъ офицеромъ, построивъ изъ Московскаго Ополченія пять колоннъ, пользуясь мѣстоположеніемъ скрываетъ отъ непріятеля ихъ слабостъ, чѣмъ и остановилъ стремленіе онаго», штабсъ капитанъ Московскаго Ополченія Мионовъ и Грамоцкой «съ батальонами имъ ввѣренными составляли третью линію побѣдоносной 1-й Гренадерской дивизіи и слѣдовали подъ выстрѣлами, поощряя людей къ ревностному исполненію должностей своихъ»,—все это вмѣстѣ взятое даетъ намъ право признать, что Московское Ополченіе выполнило возложенную на него задачу и офицерскій составъ его оправдалъ довѣріе избравшаго его дворянства. Заслуги Ополченія неоднократно отмѣчались главнокомандующимъ арміями, а также обратили на себя вниманіе и Государя, который, между прочимъ, въ награду за службу въ рядахъ ополченія разрѣшилъ гражданскимъ чиновникамъ вступать въ армейскіе полки съ тѣми офицерскими чинами, съ которыми они служили въ ополченіи, что являлось несомнѣннымъ признаніемъ ихъ полезной дѣятельности въ качествѣ ополченскихъ офицеровъ. Въ Высочайшемъ Указѣ по этому поводу даннымъ 26 декабря 1812 года говорится:

«Составъ временнаго ополченія на защиту отечества явилъ въ полной мѣрѣ усердіе чиновниковъ, изъ гражданской службы поступившихъ въ оныя. Дабы удовлетворить столь похвальному желанію сихъ чиновниковъ отличатся на полѣ брани, повелѣваю Правительствующему Сенату обвѣститъ во всѣхъ губерніяхъ, что отнынѣ и въ полки армейскіе принимаемы они будутъ тѣми самыми чинами, какіе назначены для ополченія».

Кромѣ того 16-го октября 1813 г. Государь повелѣлъ, чтобы чиновники, поступившіе въ ополченіе, не исключались изъ тѣхъ

мѣстѣ гдѣ служили до вступленія въ ополченіе, о чемѣ Сенатѣ далѣ знать тогда же во всѣ присутственныя мѣста.

Всего Московскимъ дворянствомъ было сформировано 3 егерскихъ, 8 пѣхотныхъ (составляли 3 ополченскихъ дивизіи) и одинъ конный полкъ*). Всѣ они, за исключеніемъ коннаго полка, дѣйствовали самостоятельно лишь около двухъ недѣль и послѣ Бородинскаго сраженія вошли на пополненіе частей дѣйствующей арміи и такимъ образомъ потеряли свою ополченскую самостоятельность, конный же полкъ просуществовалъ весь 1812 г. Сформированъ онъ былъ въ августѣ 1812 г. и состоялъ изъ 10 сотенъ при 47 офицерахъ; активная его дѣятельность началась 1 сентября, когда четырьмя эскадронами поручено было генераломъ Милорадовичемъ «учрежденіе порядка при входѣ въ городъ и устройство при переходѣ черезъ оный и при слѣдованіи обозовъ и артиллеріи черезъ Москву», что и было ими выполнено.

Полкъ (конно-казачій Московскаго ополченія, иногда 1-й конно-казачій**) участвовалъ затѣмъ въ слѣдующихъ сраженіяхъ 1812 г.: 6 октябрю при с. Тарутинѣ, 12 и 13 октябрю при городѣ Маломъ Ярославцѣ, 22 октябрю при городѣ Вязьмѣ и 4, 5 и 6 ноября при г. Красномъ. Онъ былъ единственнымъ полкомъ Московскаго ополченія сохранившимъ свое самостоятельное существованіе въ теченіе всего 1812 г.***). Иногда онъ именовался Савеловскимъ полкомъ по фамиліи своего командира Василія Петровича Савелова, котораго, какъ мы читаемъ въ его наградномъ спискѣ, «во всѣхъ сраженіяхъ особенною храбростію отличился».

Упоминается также и объ артиллеріи Московскаго Ополченія,—въ журналѣ 1-го Комитета отъ 19 августа мы читаемъ: «Рапорты коими доносятся: 1) Начальствующій по Провіантской части бригадиръ Кашкинъ, что полковникъ артиллеріи Вельяшевъ-Волынцевъ, опредѣленный его помощникомъ, нѣнѣ по при-

*) Мы не считаемъ «Мамоновскаго» полка, котораго сформировался не въ предѣлахъ Московской губерніи, пополнялся людьми и офицерами безъ участія Московскаго дворянства и наконецъ былъ окончательно сформированъ уже послѣ роспуска Московскаго ополченія, т. е. послѣ 30 марта 1813 г.

**) Его часто путали, даже въ официальныхъ сношеніяхъ, съ Мамоновскимъ, котораго именовался Московскимъ казачимъ полкомъ.

***) «Тысяча восемьсотъ двѣнадцатый годъ» № 8, стр. 286; Моск. Арх. Гл. Штаба. Оп. 208 а, св. О, у. № 1, л. 97, 98, 234, 235; Оп. 208 а, св. 138, г. № 21, л. 121—128.

III.

Постоянное отступленіе нашей арміи даже послѣ назначенія главнокомандующимъ Кутузова, на котораго общество возлагало большія надежды, конечно, не могло не волноватъ всѣхъ, распространялись всевозможныя слухи, что вынудило наконецъ Кутузова обратиться къ гр. Рапончину со слѣдующимъ писмомъ: «Съ сокрушеннымъ, скорбнымъ сердцемъ извѣщаюся, что увеличенныя на щетъ дѣйствій Арміи нашихъ слухи разсѣваемые неблагоприятными людьми нарушаютъ спокойствіе жителей Москвы и доводятъ ихъ до отчаянія я прошу покорнѣйше Ваше Сіятельство успокоитъ и увѣритъ ихъ, что войска наши не достигли еще того разслабленія и истощенія въ какомъ можетъ быть стараются ихъ представить, на противъ того всѣ войны не имѣя еще до нынѣ генеральнаго сраженія не могли дойти до такой степени оскуденія въ пособіяхъ и въ силахъ, а оживляя и свойственнымъ имъ духомъ храбрости ожидаютъ съ послѣднимъ нетерпѣніемъ минуты запечатлѣтъ кровію преданность свою къ Августѣйшему Престолу и отечеству. Всѣ движенія доселѣ были направляемы къ сей единой цѣли и къ спасенію Первопрестольнаго Града Москвы. Да благословитъ Всевѣшній сіи предпріятія наши должно быть моленіемъ всѣхъ сыновъ Россіи (sic). Прошу Ваше Сіятельство увѣритъ всѣхъ Московскихъ жителей моими сѣдинами, что еще не было ни одного сраженія съ переговыми войсками, гдѣ бы наши не одерживали похвальности».

Вскорѣ послѣ этого писма состоялось Бородинское сраженіе, послѣ котораго наша армія стала довольно быстро отходить по направленію къ Москвѣ, куда и подошла 1 сентября.

«Мы шли пять дней сряду, говоритъ современникъ, по большой Московской дорогѣ; насъ оставалось немного болѣе пятидесяти тысячъ: на сей-то горсти людей опочила безопасность Имперіи. Сверхъ того потеря въ начальникахъ была примѣтна. Болѣе тысячи офицеровъ пали съ оружіемъ въ рукахъ; иными полками командовали поручики; полковники — бригадами и дивизіями. Непритель сильно наступалъ; близость Москвы удваивала ихъ стремленіе, для насъ пагубное, потому что не позволяло намъ устроиться. Опытный начальникъ арріергарда могъ одинъ, удерживая непрителя далеко отъ арміи, податъ намъ къ сему

утварью, сосудами и прочимъ; тамъ четверомѣстную, тяжелую карету тащили двѣ лошади, тогда какъ въ инья дрожки впряжено было пять или шесть; тамъ въ телѣжкѣ, которая и понынѣ еще въ большомъ употребленіи между среднимъ сословіемъ, сидѣла достаточная мѣщанка или купчиха, въ парчевомъ нарядѣ и жемчугахъ, во всемъ, чего не успѣла уложитъ; конные, пѣшие валили кругомъ; гнали коровъ, овецъ; собаки въ великомъ множествѣ слѣдовали за всеобщимъ побѣгомъ, и печальный ихъ вой, чуя горе, сливался съ мычаніемъ, съ блеяніемъ, со ржаніемъ другихъ животныхъ. Шагъ за шагомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ проѣхавъ такимъ образомъ верстъ пятнадцать, братъ мой рѣшился остановиться, опасаясь, что далѣе не найдетъ убѣжища по безчисленности сопутниковъ. Не многіе послѣдовали его примѣру; болѣе боязливые весь день и часть ночи продолжали печальное свое шествіе. Ночью сдѣлалось почти свѣтло: огненный столбъ поднялся надъ Москвою, когда загорѣлись въ ней винныя или водочныя магазинныя. Какъ ни привыкъ мой братъ къ зрѣлищамъ разрушенія, ни которое такъ сильно его не поразило». Быстрое отступленіе нашей арміи отъ Москвы внесло несомнѣнно безпорядокъ и въ провіантмейстерскую часть Московской военной силы. Въ архивѣ генератскаго собранія имѣется рапортъ помощника обер-провіантмейстера В. И. Соцкаго, который описываетъ въ немъ, что происходило перваго сентября въ Москвѣ: «здача производилась 1-го числа сентября продолжаясь до самой полуночи и у самой же заставы Московской въ то время, когда главная наша квартира находилась въ Филяхъ, и какъ я непрерывно при оной здачѣ находился самъ, то и былъ свидѣтелемъ дѣятельности и неутомимости съ каковыми Г-да Михневъ и Долговъ оную производили и безъ какихъ не могло быть въ здачѣ такового успѣха, ибо обозы разсѣяны были по полямъ за неимѣніемъ мѣста отъ артиллерійскихъ и запасныхъ парковъ и отъ обозовъ армейскихъ. Они должны были поспѣшать здачею и сверхъ того имѣли безпрестанный надзоръ за подводчиками, которые роптали, негодовали и каждый изъ нихъ только о томъ и думалъ, какъ бы уѣхать или вмѣстѣ съ возомъ, или возъ, свой оставя, ускакать верхомъ, что многіе и сдѣлали и большая часть подводчиковъ сдѣлали бы то же, если бы Г-да Михневъ и Долговъ не оказали столько дѣятельности, усер-

гїя и расторопности, какъ при семъ случаѣ, такъ и въ томъ, когда они отъ самаго почти села Оudinцова до Москвы на походу по мѣрѣ возможности старались провіантъ здавать въ армію; а какъ съ 1-го на 2-ое число въ ту самую ночь армія наша и главная квартира пошла черезъ Москву, но по какой дорогѣ изъ Москвы и гдѣ была назначена главная квартира, мы не знали, а многіе обозы отъ тѣсноты не успѣли не только выѣхать, но и въѣхать въ самую Москву, отчего захвачены были непріателемъ, что неминуемо послѣдовало бы и съ нашими транспортами, если бы до 2-го числа мы здали ихъ не успѣли болѣею частію прямо въ полки и команды, которые въ провіантъ имѣли болѣе надобности». Но не всѣ транспорты съ провіантомъ Московскаго Ополченія попадали по своему назначенію—29 августа изъ Москвы былъ посланъ обозъ изъ 174 подвогъ подъ начальствомъ рядового Савелія Миронова, но на пути онъ былъ возвращенъ опять въ Москву и, прибывъ 2-го къ магазинамъ, приступилъ къ обратной зачѣ, но все это было захвачено французами вмѣстѣ съ самимъ Мироновымъ, успѣвшимъ зарыть въ землю полученія имъ отъ пріемщиковъ росписки, которыя онъ представилъ только послѣ ухода непріателя изъ Москвы. Большое путешествіе совершилъ со своимъ транспортомъ Волоколамскій провіантмейстеръ Онучинъ: «По выступленіи моемъ съ транспортомъ изъ Волоколамска, доноситъ Онучинъ, въ городъ Рузу, прибывъ къ рѣкѣ Зернѣ за четыре версты отъ Рузы остановился, а комиссіонеръ князь Сокольницкій уѣхалъ въ Рузу, откуда прислалъ мнѣ записку слѣдовать въ Рузу прямо къ магазинамъ, почему я переправя болѣшую часть транспорта на ту сторону рѣки увидѣлъ бѣгущихъ города Рузы жителей и увѣдомлясь отъ нихъ о вступленіи непріателя въ Рузу, почему остановясь отправилъ находящагося при мнѣ гарнизоннаго поручика Кулмана для обстоятельнаго развѣдыванія о непріателѣ, который возвратясь увѣдомилъ меня, что партія непріательская заняла Рузу, почему бывъ отрѣзанъ отъ нашей арміи, построясь въ Вагенбургѣ, слѣдовалъ я на Воскресенскъ проселочными дорогами, спасая транспортъ отъ нападенія непріательскаго, куда прибывъ послалъ съ рапортомъ бывшаго въ конвойной командѣ гарнизоннаго унтеръ-офицера Виденѣва въ Москву къ Вашему Высочородію (донесеніе на имя оберъ-провіантмейстера Кашкина) съ прошеніемъ

кому правившему должностъ Коменданта въ Можайскѣ 1000 человекѣ; 22 Августа отдано къ нему такое же количество; 23 числа отдано 1500 человекѣ полковнику Шульгину для устройства порядка въ Вагенбургѣ и окрестностяхъ города Можайска, 24 по приказанію же Его Свѣтлости 9 комплектныхъ баталіоновъ поступили въ 1 и 2 Арміи, 26 числа, по окончаніи сраженія съ непріятелемъ отдано въ Артиллерію 800 человекѣ. Ретируясь къ Москвѣ по волѣ Его Свѣтлости остальное количество Московской Военной силы отдано въ Армію цѣлыми полками съ принадлежащими къ онымъ Штабъ и оберъ офицерами, второе, съ тѣхъ поръ не имѣлъ я ни малѣйшаго свѣдѣнія о ввѣренной мнѣ Московской Военной силѣ и не могъ онаго имѣть по причинѣ той, что полковые, баталіонные и соенные Начальники при своихъ командахъ не находились, а были раскомандированы къ разнымъ должностямъ, войны же раздроблены были по полкамъ. Корпусные Командиры, въ вѣдомство коихъ они поступили, не доставляютъ мнѣ никакихъ свѣдѣній, почему полагаю я Главное Дежурство должно бытъ извѣстнѣе меня о состояніи Московской Военной силы розданной по Корпусамъ, третіе, команда г-на Генералъ-Маіора Левицкаго какъ извѣстно по его рапортамъ большею частію употреблена на провозаніе плѣнныхъ въ разныя губерніи, отъ полковника Шульгина не имѣю я никакихъ донесеній, а уповаю что таковыя имѣются въ Главномъ Дежурствѣ. Наконецъ по всѣмъ вышеобъясненнымъ причинамъ, не менѣе и потому что слѣдуя за Арміею едва для себя могу имѣть квартиру, а Канцелярію свою принужденъ былъ оставить въ городѣ Гродно, не имѣю я способовъ доставить въ Дежурство какія либо свѣдѣнія, а долженъ только къ сему прибавить, что объѣзжая вездѣ обозы, какъ казенные, такъ и партикулярные вижу воиновъ, сидящихъ на повозкахъ и правящихъ лошадями». Прощаясь окончательно со своими сослуживцами по Московскому ополченію и отъѣзжая изъ Калиша въ Россію, графъ Морковъ 31 марта представилъ въ Комитетъ «учрежденный по всѣмъ ополченіямъ и находившійся при Особѣ Государя Императора» слѣдующій рапортъ: «По Высочайшей Волѣ чрезъ генералъ-адъютанта князя Волконскаго мнѣ объявленной ввѣренная мнѣ Мо-

сковская Военная сила имѣетъ уже другое назначеніе, составляя третью шеренгу въ тѣхъ корпусахъ, къ которымъ нынѣ прикомандирована, и потому отбѣзжая въ Россію почитаю себя обязаннымъ обратиться Всемилоствѣйшее ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА вниманіе на службу чиновниковъ Военной силы въ сію компанію себя отличившихъ.

Генералы, штабъ и оберъ-офицеры съ самаго начала особеннымъ усердіемъ и дѣятельностью въ образованіи ополченія заслужили мою благодарность, въ прошедшую же компанію не одинъ разъ кровію запечатлѣвали любовь ихъ къ Монарху и Отечеству, не одинъ разъ получали похвалу отъ Главнокомандующаго всѣми арміями, и не одинъ разъ въ приказахъ отдаваемыхъ Его Свѣтлостію Генералъ-фельдмаршаломъ объявлено было, что сіе отечественное ополченіе приноситъ равную войскамъ пользу.

Столь явное отличіе знаменитыхъ дворянъ Московскихъ, передъ цѣлымъ войскомъ, свидѣтельствуемое самимъ Главнокомандующимъ Арміями, беру я смѣлость повергнуть въ Высочайшее Его Императорскаго Величества благоволеніе. Въ прилагаемомъ при семъ спискѣ Верховный Комитетъ изволитъ усмотрѣть имена храбрыхъ, отличившихъ себя на полѣ чести, служившихъ съ мужествомъ во всю компанію при разныхъ командахъ и собственно при мнѣ и бывшихъ въ сраженіяхъ, 17 сентября при Чириковѣ, 6 октября близъ Тарутина, 12 передъ Малымъ Ярославцемъ, 22 передъ Вязмою и 5 и 6 ноября подъ Краснымъ.»

Этимъ представленемъ достойнѣйшихъ изъ Московскихъ дворянъ простился графъ Ираклій Ивановичъ со своими соратниками; послѣ этого онъ прожилъ еще 15 лѣтъ и скончался 26 марта 1828 г. и погребенъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ, за годъ до него, 18 мая 1827 г., скончался его энергичный помощникъ Николай Евгенъевичъ Кашкинъ, бывший съ 1820 по 1826 годъ совѣстнымъ судьей, а послѣдній годъ жизни сенаторомъ и погребенный въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Впрочемъ графу Ираклію Ивановичу Моркову пришлось еще разъ выступитъ въ качествѣ начальника или скорѣй даже пред-

ставителя Московскаго ополченія, случилось это 15 августа 1813 г., когда онъ въ Кремль возвращалъ преосвященному Августину хоругвь (XV), бывшую съ Московскимъ ополченіемъ и полученную за годъ до того изъ рукъ того же пр. Августина.

Принимая обратно эту священную реликвию, свидѣтельницу боевыхъ подвиговъ Московскаго ополченія, преосвященнѣйшій обратился къ графу Ираклію Ивановичу и присутствовавшимъ при этомъ его сотрудникамъ со слѣдующимъ словомъ:

«Совершилось лѣто, какъ святая церковь въ семъ первопрестольномъ градѣ благословеніемъ и моленіями напутствовала васъ, православные воины, при шествіи вашемъ на брань... Военная наука была вамъ неизвѣстна; но ревность по вѣрѣ и вѣрность, къ Царю научила руке ваши на брань; а пламенная любовь къ отечеству согрѣла яко лукъ мѣдянъ мѣшцы ваши. Въ предшествіи сея святѣя хоругви вы устремлялись на всѣ опасности, уничтожали всѣ усилія врага и, низлагая его, истребили до конца.—Поля ваши, опустошенныя хищною его рукою, сгѣлались могилою для его самого.—Сынъ и внукъ твой, влача плугъ по наслѣдственной нивѣ, откроетъ кости злогѣевъ; онъ скажетъ: «Отецъ мой поразилъ ихъ, спасъ для меня достояніе свое. Дѣдъ мой сокрушилъ нечестіе тиранство и сохранилъ для меня вѣру отецъ моихъ и свободу. Да будетъ во вѣки благословенна память ихъ!» «Православные воины! Вы возвращаете дому Пресвятѣя Богородицы сію святую хоругвь, которую пріяли отъ Нея, шествуя на брань. Мы видимъ, что удары безбожныхъ касались и ея; но Богъ для того попустилъ сему быти, дабы показать, что вы всегда были противъ вражескихъ ополченій, и тѣмъ засвидѣтельствовать вашу неустрашимость и мужество.»

«И такъ пріемлемъ отъ васъ хоругвь сію, яко священнѣйшій памятникъ достохвальныхъ подвиговъ вашихъ. Возруженная передъ очами соплеменныхъ, она будетъ возвѣщать о васъ изъ рода въ родъ.—Идите отсель съ миромъ въ праотеческіе дома. Мечи и копья ваши раскуйте на орала и серпы, и подъ благосвѣдѣтельнымъ покровительствомъ Господій вашихъ, среди любезныхъ семействъ, наслаждайтесь покоемъ и тишиною!»

«Сіятельнѣйшій графъ и вы, благородные сподвижники по-

ная необходимость извлекла мечъ нашъ. Достоинство народа, промысломъ Всевышняго попеченію Нашему ввѣреннаго, воспретило отпустить его во влагалище, доколѣ непріятель на землѣ нашей.—Торжественно дали Мы се обѣщаніе, дали его не оболъщенные блескомъ славы, не упоенные властолюбіемъ, не времени счастья.—Съ сердцемъ чистымъ изліявъ у олтаря Предвѣчнаго моленія Наши, въ твердомъ упованіи на правосудіе Его, исполнены чувствъ правоты Нашей, призвали Его на помощь! Мы предприняли дѣло великое. Во благости Божіей снискали конецъ его. Единодушіе любезныхъ Намъ вѣрнопогоданныхъ, извѣстная любовь ихъ къ Отечеству, утвердила надежды Наши. Россійское дворянство, сильная подпора престола, на коей всегда возлежало величіе его; служители олтарей всеильнаго Бога, ихъ же благочестіемъ утверждаемся на пути вѣры; знаменитое заслугами купечество и граждане не щадили никакихъ пожертвованій. Кроткій поселянинъ, не знакомый дотолѣ со звукомъ оружія, оружіемъ защищалъ вѣру, Отечество и Государя. Жизнь казалась ему малою жертвою.—Чувство рабства незнаемо сердцу Россіянина. Никогда не преклонялъ онъ главы передъ властію чужою.—Дерзалъ ли кто налагать иго? Не късило наказаніе!—Вносилъ ли кто оружіе въ Отечество его? Указуетъ онъ гробы ихъ!—Тако возноситъ Богъ уповающаго на Него! Враги побѣгли отъ лица нашего. Немногіе, да возвѣстятъ о гибели.—Тако гордаго наказуетъ Богъ!—Новія между нѣмъ приготовлялись враговъ ополченія.—Еще противоборствовавшіе Россіи народы поставляли безопасность свою въ соединеніи силъ.—Дабы оградить Отечество отъ вторженія непріятелей, надлежало вынести войну внѣ предѣловъ его и побѣдоносныя воинства Наши явились на Вислѣ.—Насталъ тысяча восемьсотъ тринадцатый годъ! Народы склонили слухъ свой ко внушенію истины. Утомленная бѣдствіями бодрость воспрянула. Души ихъ слились во единую. Ополченія составляли единое ополченіе. Противящіяся покорены оружіемъ. Быстрое переходженіе отъ торжества къ торжеству, привело на берега Рейна. Непріятель пребылъ непреклоннымъ къ миру. Но едва протекъ годъ, узрѣлъ онъ насъ при вратахъ

віямъ и состояніямъ въ Государствѣ къ добровольнымъ изъ имущества своего пожертвованіямъ, по мѣрѣ усердія и возможности каждаго.»

Какъ результатъ этого соединеннаго засѣданія Государю отъ имени трехъ высшихъ государственныхъ учрежденій былъ поднесенъ слѣдующій адресъ: «Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій, Великій Государь; Императоръ Самодержецъ Всероссійскій! Воздавъ хвалу, честь, славу и благодареніе Всевышнему Богу, удивившему насъ Тобою милости Свои, Россія, о Тебѣ рагующая, славою твоею насъ всѣми державами превознесенная, Тобою благоденствующая, обращается днесъ къ Тебѣ, помазанникъ Божій! и въ лицѣ Святѣйшаго Синода, Государственнаго Совѣта и Сената Твоего, совокупно предъ Тобою колѣно преклоняющихъ, приносятъ общую вѣрнопогданнѣхъ Твоихъ жертву: жертву сердецъ, восхищеннѣхъ великими Твоими подвигами, въ лѣтописяхъ міра примѣра не имущими. Услыши, Всемилостивѣйшій Государь! воззваніе усерднѣхъ чадъ Твоихъ, и милостивно пріими возсылаемое изъ глубины душъ ихъ благодареніе. Но какъ достойно возблагодаримъ Тебѣ за ту непоколебимую твердость, съ какою положасъ на любовь и преданность Твоихъ погданнѣхъ, и тѣмъ ихъ возвелича; не усомнился Ты отвергнутьъ мира съ коварнымъ врагомъ, вторженіемъ въ предѣлы наши возгордившимся? Что воздадимъ Тебѣ, оградившему безопасность Отечества нашего, возстановленіемъ независимости Державъ ему сопредѣлнѣхъ? Какія хвалы могутъ довлѣть Тебѣ, отмстившему за насъ дерзкому врагу, не токмо Твоимъ, въ Столицу его побѣдоноснымъ всшествіемъ; но и совершеннымъ низложеніемъ сего страшнаго угнетателя Европы, Престолы поколебавшаго и желѣзному Скипетру своему всѣ племена и Царства подвергнутьъ возмнившаго? Превознося Тебя яко Побѣдителя, благословляемъ мы и милосердіе Твое, ознаменованное предъ лицемъ свѣта великодушнымъ прощеніемъ побѣжденнѣхъ и избавленіемъ ихъ отъ тиранскаго ига. Кто изъ Владыкъ земнѣхъ уподобился Тебѣ, Великій. Кто изъ нихъ, подъявъ оружіе въ оборону Отечества, пронесъ его изъ края въ край Европы, не ради пріобрѣтенія личнѣхъ славы, но для спасенія чуждѣхъ народовъ, ярмомъ ненасытнаго властолюбія беззащитно подавляемѣхъ и для возвращенія законнѣхъ имъ Владѣтелей! Кто мудростію своею и кроткимъ среди самого

ронѣ дѣйствительно совершившееся надъ Нами благословеніе Божеское, съ другой чувствованія Россійскихъ Государственныхъ Сословій, поносящихъ Мнѣ имя самое для Меня лестнѣйшее: ибо всѣ старанія и помышленія души Моей стремятся къ тому, чтобъ теплыми молитвами призываютъ на Себя и на вѣранный Мнѣ народъ Божеское благословеніе, и чтобъ бѣть благословляему отъ любезныхъ Мнѣ вѣрнопогоданныхъ Моихъ и вообще отъ всего рода человѣческаго. Сіе самое естъ верхъ Моихъ желаній и Моего благополучія! Но при всемъ тщаніи Моемъ достигнутъ до сего, не позволяю Себѣ, яко человѣкъ, дерзновеніе мѣслить, что Я уже достигъ до того, и могу смѣло званіе сіе принять и носить. Тѣмъ паче почитаю Я оное съ правилами и образомъ мыслей Моихъ несогласнымъ, что всегда и вездѣ преклоняя вѣрнопогоданныхъ Моихъ къ чувствамъ скромности и смиренія духа, Самъ первѣй показу не соотвѣтствующій тому примѣрѣ. Сего ради изъясняя совершенную Мою признательность, убѣждаю Государственныхъ Сословій оставить оное безъ всякаго исполненія. Да соорудится Мнѣ памятникъ въ чувствахъ вашихъ, какъ онѣй сооруженъ въ чувствахъ Моихъ къ вамъ! Да благословляетъ Меня въ сердцахъ своихъ народъ Мой, какъ Я въ сердцѣ Моемъ благословляю онѣй! Да благоденствуетъ Россія, и да будетъ наго Мною и надъ Нею благословеніе Божіе!»

Вопросъ о памятникѣ былъ также возбужденъ на очередномъ собраніи Московскаго дворянства въ іюнѣ 1814 г., которое постановило: «на выбитіе медали и сооруженіе памятника по мѣрѣ возможности и усердія каждаго дворянина собрать сумму въ теченіи четырехъ лѣтъ по равной части отъ собственности каждаго дворянина, не касаясь до налоговъ на крестьянъ своихъ, начиная съ 1815 года съ уѣздовъ: Московскаго 26995 рублей, Богородскаго 25180 рублей, Бронницкаго 31020 рублей, Звенигородскаго 18111 рублей, Подольскаго 27059 рублей, Коломенскаго 32403 рубля, Дмитровскаго 15300 рублей и Волоколамскаго 20485 рублей съ предоставленіемъ сверхъ оной и свыше кто пожелаетъ внести, а Рузское, Можайское, Клинское, Серпуховское и Верейское дворянство открыло для сего предмета добровольную подписку.»

Въ виду отказа Государя отъ памятника и медали это постановленіе Московскаго дворянства не было приведено въ исполненіе.

Двѣнадцатаго Іюля 1814-го года возвратился послѣ долгаго отсутствія изъ Россіи Императоръ Александръ. Еще задолго до этого былъ поднятъ вопросъ о торжественной встрѣчѣ Государя, возвращавшагося послѣ побѣды надъ Наполеономъ; 20-го мая управляющій министерствомъ полиціи писалъ къ главнокомандующему въ Москвѣ: «что касается до изъявленнаго Московскимъ дворянствомъ и купечествомъ желанія участвовать въ принесеніи Государю Императору благодарности своей, то что хотя они и по положенію здѣшняго общаго собранія (Сената) въ томъ участвуютъ, но сверхъ того могутъ къ возвращенію Государя Императора, такъ какъ здѣсь готовится торжественная встрѣча, прислать сюда для поздравленія Его Величества своихъ депутатовъ, испросивъ на то предварительное дозволеніе» 25-го мая состоялось дворянское собраніе, которое избрало депутацію въ составѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и дѣйствительнаго камергера князя Николая Борисовича Юсупова, генерала-отъ-кавалеріи Степана Степановича Апраксина, генерала-отъ-инфантеріи Петра Хрисанфовича Обольянинова и оберъ-шталмейстера графа Ивана Павловича Кутайсова. Всѣ эти планы встрѣтили сопротивленіе со стороны самого Императора Александра, который далъ слѣдующій рескриптъ на имя предсѣдателя Комитета Министровъ С. К. Вязмитинова, полученный въ Петербургѣ 7-го Іюля: «Дошло до Моего свѣдѣнія, что дѣлаются разныя пріуготовленія къ Моей встрѣчѣ. Ненавидя оныя всегда, почитаю ихъ еще менѣе приличными нынѣ. Единъ Всевѣшній причиною знаменитыхъ произшествій, довершившихъ кровопролитную брань въ Европѣ. Предъ нимъ всѣ должны мы смиришься. Объявите повсюду Мою непремѣнную волю, дабы никакихъ встрѣчъ и пріемовъ для Меня не дѣлали. Пошлите повелѣнія Губернаторамъ, дабы ни одинъ не отлучался отъ своего мѣста для сего предмета. На вашу отвѣтственность возлагаю точное исполненіе сего повелѣнія». Но несмотря на это Высочайшее пове-

изошли. Я увѣренъ, что и вы также объ этомъ думаете. Пріятно мнѣ еще повторить дворянству моему признательность . . . Господь да продолжитъ на многія лѣта благоденствіе ввѣреннаго мнѣ російскаго народа.»

Тогда же, 30-го августа, во время своего пребыванія въ Москвѣ, Императоръ Александръ далъ городу Москвѣ жалованную грамоту: «Въ достопамятнѣй навсѣгда 1812 годѣ, когда настояла надобность спасти Отечество отъ сильнаго и многочисленнаго врага, Мы, во извѣявленіе уваженія Нашего къ сей Первопрестольной, древней Россійской Столицѣ, обратились воззваніемъ Нашимъ наипервѣе къ ней, и не умедлили Сами предстать посреди оной. Усердіе и ревность ея соотвѣтствовали Нашему ожиданію. Мы видѣли нещадящую никакихъ жертвованій, горячую любовь ея къ Намъ и Отечеству. Претерпѣнное потомъ ею отъ руки злодѣйства крайнее бѣдствіе и разореніе уязвило сердце Наше глубокою печалію. Но управляющій судьбами народовъ, Всемогущій Богъ, избралъ ее: да страданіемъ своимъ избавитъ она не токмо Россію, но и всю Европу. Пожаръ ея былъ заревомъ свободы всѣхъ Царствъ земныхъ. Изъ поруганія Святыхъ храмовъ ея возникло торжество Вѣры. Подорваннѣй злобою Кремль, обрушась, раздавилъ главу злобы. Тако Москва и подвигами и вѣрностію и терпѣніемъ своимъ показала примѣръ мужества и величія. Имѣя все сіе запечатлѣннымъ въ умѣ и сердцѣ Нашемъ, Мы съ отеческою къ ней любовію, даже и во время самой войны, не преставали пешихся о всевозможномъ вспоможеніи разореннымъ ея жителямъ, и во всѣхъ повелѣніяхъ нашихъ Главнокомандующему надъ Москвою о томъ подтверждали. Нынѣ же, по окончаніи толь многотрудной войны, по приведеніи въ порядокъ разстроенныхъ дѣлъ Европейскихъ, и по нѣкоторомъ необходимо нужномъ пребываніи Нашемъ въ С.-Петербургѣ, восхотѣли Мы, какъ скоро могли посѣтитъ сію достопочтенную дѣлами и древностію Столицу Нашу, дабы лично обозрѣть ея состояніе и нужды, а притомъ ознаменоватъ предъ цѣлымъ свѣтомъ незабвенныя заслуги ея, Божескимъ благословеніемъ осѣняемья, чужеземными Державами

уважаемія и столько достойныя любви и благодарности отъ Насъ и всего Отечества.»

Такъ милостиво отмѣнилъ Государь все то, что претерпѣла Москва за время Отечественной войны, но еще ранѣе того, въ рескриптахъ данныхъ въ 1812 г. на имя графа Ростопчина, Государь отмѣтилъ заслуги Москвы. Въ рескриптѣ отъ 11-го ноября Государь говоритъ: «Обращая печальный взоръ Нашъ на пострадавшую отъ руки злобнаго непріятеля Москву съ крайнимъ сожалѣніемъ помышляемъ Мы объ участи многихъ потерпѣвшихъ и разоренныхъ жителей ея. Богу такъ угодно было! Не исповѣдимы судьбы Его. Часто въ буряхъ посылаетъ онъ намъ спасеніе, и во гнѣвѣ являетъ милость свою. Сколько ни болѣзненно Русскому сердцу видѣтъ древнюю Столицу Нашу болѣею частію превращенную въ пепелъ, сколь ни тяжело взиратъ на опаленные и поруганные храмы Божіе; но не возгордится врагъ нашъ сими своими злодѣйствіями: пожаръ Москвы потушенъ кровію его. Подъ пепломъ ея лежатъ погребныя гордость его и сила. Изъ оскорбленныхъ нечестивою рукою его храмовъ Божіихъ изникла грозная и праведная мечь. Уже руки, наносившія зло Россіи, связаны; уже обращенный въ бѣгство непріятель, предавъ на посѣщеніе тѣлѣ свой, лветъ кровавые токи по слѣдамъ своимъ. Глазъ и смерть текутъ за нимъ.

Быстрота стопъ не помогаетъ ему. Долгота пути приводитъ его въ отчаяніе.

Россія видитъ сіе, и вскорѣ съ радостію увидитъ вся Европа. И такъ хотя великолѣпную Столицу Нашу пожралъ не сѣмъй огонь, но огонь сей будетъ въ роды родовъ освѣщать лютость враговъ и нашу славу. Въ немъ сгорѣло чудовищное намѣреніе всесвѣтнаго облаганія, приключившее столько бѣдствій всему роду человѣческому, и приготовлявшее столько же золъ предбудущимъ родамъ. Россія вредомъ своимъ купила свое спокойствіе и славу бытъ спасительницею Европы. Толь знаменитый храбраго народа подвигъ исцѣлитъ и не дастъ ей ранъ своихъ чувствовать.» Въ другомъ рескриптѣ отъ 14-го ноября между прочимъ говорится: «Хотя изгнанный изъ Москвы непріятель краткое время былъ въ ней, и хотя не преодоленъ противупоставленной ему оборонѣ вошелъ въ

нее, и не силою осадныхъ орудій, но дѣйствіями неприличныхъ и срамныхъ для война зажиганій, грабительствъ и погрѣваній нанесъ ей тяжкій вредъ; однако же онъ престанетъ тѣмъ тщеславиться и величаться. Для униженія и помраченія сего самохвальства его, повелѣли Мы Генералъ-Фельдмаршалу Князю Кутузову всю отбитую у него въ разныхъ сраженіяхъ Артиллерію препроводитъ въ Москву, гдѣ на память многократныхъ побѣдъ и совершеннаго истребленія всѣхъ дерзнувшихъ вступить въ Россію непріятельскихъ силъ, имѣетъ изъ сихъ отнятыхъ у орудій воздвигнуть бытъ увѣнчанный лаврами столпъ. Да свидѣтельствуемъ сей памятникъ не постыдныя и хищныя дѣла презрѣнныхъ зажигателей, но славныя и знаменитыя подвиги храбраго народа и войскъ, умѣющихъ на поляхъ брани карать враговъ и наказывать злодѣевъ.»

Такъ отмѣтилъ Государь жертвы своей первопрестольной многострадальной Москвы, правда пострадали и другія мѣстности и другіе города были въ рукахъ французовъ, но ни одинъ изъ нихъ не пострадалъ такъ какъ пострадала Москва, нигдѣ не погибло столько драгоценностей, какъ въ Москвѣ, ни одинъ городъ не подвергся такимъ ужасамъ, какіе пережила Москва, нигдѣ такъ не оскверняли народныя святѣни какъ въ Москвѣ. вмѣстѣ съ Москвою пострадало и Московское дворянство и теперь, когда прошло цѣлое столѣтіе послѣ всѣхъ ужасовъ Отечественной войны, оно съ гордостью можетъ оглянуться на свое прошлое и громко и смѣло повторитъ слова начертанныя на медали, учрежденной въ память 1812-го года:

«Не намъ, не намъ, а Имени Твоему».

Л. М. Савеловъ.

п р и м ъ ч а н і я :

I. Прекрасно видно настроеніе Государя изъ писѣма Императрицы Елизаветы Алексѣевны къ ея матери отъ 26 августа. „Plus Napoléon s'avancera, moins il doit croire une paix possible. C'est le sentiment unanime de l'Empereur et de toute la Nation dans toutes ses classes, et, grâces au Ciel, il existe la plus parfaite harmonie à cet egart. C'est sur quoi Napoléon ne comptait pas; il s'est trompé en ceci comme en bien des choses. Chaque pas qu'il fait dans cette immense Russie l'approche davantage de l'abîme“ (В. К. Николай Михайловичъ. Императрица Елизавета Алексѣевна. Т. II. 448), несомнѣнно это писѣмо было отзвукомъ тѣхъ настроеній, которыя господствовали въ средѣ, окружавшей Императора Александра, вдохновителемъ которой онъ и былъ, конечно.

II. «Солдаты! Вторая польская война началась. Первая кончилась подъ Фригландомъ и Тильзитомъ. Въ Тильзитѣ Россія поклялась на вѣчный миръ съ Франціею и войну съ Англіею. Нынѣ она нарушаетъ клятвы свои и не хочетъ дать никакого объясненія о странномъ поведеніи своемъ, пока орлы французскіе не возвратятся на Рейнъ, предавъ во власть ея союзниковъ нашихъ.

Россія увлечена рокомъ! Судьба ея должна исполниться. Не считаетъ ли она насъ измѣнившимися? Развѣ мы уже не воины Аустерлицкіе? Россія ставитъ насъ между безчестіемъ и войною. Выборъ не будетъ сомнителенъ. Пойдемъ же впередъ! Перейдемъ Нѣманъ, внесемъ войну въ русскіе предѣлы. Вторая польская война, подобно первой, прославитъ оружіе французское; но миръ, который мы заключимъ, будетъ проченъ и положитъ конецъ пятидесятилѣтнему кичливому вліянію Россіи на г'бла Европы».

III. «Изъ давняго времени примѣчали Мы непріязненныя противъ Россіи поступки Французскаго Императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надѣялись отклонить оныя. Наконецъ видя безпрестанное возобновеніе явныхъ оскорбленій, при всемъ Нашемъ желаніи сохранить тишину, принуждены Мы были ополчиться и собрать войски Наши; но и тогда ласкаясь еще примиреніемъ, оставались въ предѣлахъ Нашей Имперіи, не нарушая мира, а бывъ токмо готовыми къ оборонѣ. Всѣ сіи мѣры кротости и миролюбія не могли удержать желаемого нами спокойствія. Французскій Императоръ нападениемъ на войски Наши при Ковиѣ открылъ первый войну. Итакъ, видя его никакими средствами непре-

Пользуемся случаемъ, чтобы принести нашу искреннюю благодарностъ архиваріусу Леониду Гавриловичу Кронекъ, значительно облегчившему нашу задачу по составленію настоящаго очерка. Г. Кронекъ произвелъ всю подготовительную работу по разборкѣ Дворянскаго архива и выборкѣ изъ него дѣлъ, касающихся Отечественной войны, которыя были разбросаны по разнымъ отдѣламъ и что очень затруднило бы пользованіе этимъ матеріаломъ, онъ же классифицировалъ документъ по внутреннему ихъ содержанію, что опять таки не мало облегчило возможность пользоваться ими.

VI. Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій описалъ свое участіе въ ополченіи и въ Бородинскомъ сраженіи, какъ въ своихъ воспоминаніяхъ, такъ и въ стихотвореніи «Поминки по Бородинской битвѣ», то и другое близко касается Московскаго ополченія, въ нихъ упоминается цѣлый рядъ Московскихъ дворянъ, почему мы сочли не лишнимъ провести згѣсь и то и другое (Русск. Арх. 1869. I): «Теперь спускаясь съ общихъ соображеній о событіяхъ, смиренно обращаюсь къ самому себѣ. Постараюсь припомнить частныя случаи и личныя впечатлѣнія, собственно до меня касающіяся. Гр. Канкринъ говорилъ мнѣ однажды, что въ обществѣ гражданскомъ и въ совокупности государственнаго устройства всѣ люди песчинки, изъ коихъ образуется и возвышается гора: разница только въ томъ, что одна песчинка выше, другая ниже. Вотъ и я, незамѣтная и очень нижняя песчинка, заявляю существованіе свое въ эпохѣ 1812-го года. Въ самый день состоявшагося собранія, и когда положено было образоватъ народное ополченіе, Гр. Мамоновъ погалъ чрезъ Гр. РаSTOPчина Государю письмо, въ которомъ онъ всепогоданѣйше предлагалъ вносить, во все продолженіе войны, на военныя издержки весь свой доходъ, оставляя себѣ 10,000 руб. ежегодно на прожитіе. Мамоновъ былъ богатый помѣщикъ нѣсколькихъ тысячъ крестьянъ. Государь, приказавъ поблагодарить Графа за усердіе его и значительное пожертвованіе, призналъ полезнѣе предложить ему составитъ конный полкъ. Такъ и было сдѣлано. Дѣло закипѣло. Вызвалъ онъ изъ деревень своихъ нѣскольکو сотъ крестьянъ, началъ вербовать за денги охотниковъ, всѣхъ ихъ обмундировалъ, посадилъ на коней, вооружилъ: исправно и скоро полкъ началъ приходитъ въ надлежащее устройство. Были и другія отъ частныхъ лицъ предложенія и попытки ставить полки на собственныя издержки; но, кажется, одинъ полкъ Мамонова окончательно достигъ предназначенной цѣли. Мамоновъ, хотя и въ молодыхъ лѣтахъ, былъ тогда Оберъ-Прокуроромъ въ одномъ изъ Московскихъ Департаментовъ Сената. Военное дѣло было ему совершенно неизвѣстно. Онъ надѣлъ генеральскій мундиръ, но чувствуя, что одного мундира недовольно для устройства дѣла, предложилъ мѣсто Полковаго Командира Князю Четвертинскому—тогда въ отставкѣ, но извѣстному блестящему кавалерійскому офицеру въ прежнихъ войнахъ. За нимъ послѣдовали многіе молодые люди, въ томъ числѣ и я. Я уже однажды говорилъ, что никогда не готовился къ военной службѣ. Ни здоровье мое, ни воспитаніе, ни наклонности мои не располагали меня къ этому званію. Я былъ посредственнымъ ѣздокомъ на лошади, никогда не бралъ въ руки огнестрѣльнаго оружія. Въ пансіонѣ учился я фехтованію, но послѣ того разнако-

нился и съ рапирюю. Однимъ словомъ, ничего не было во мнѣ воинственнаго. Смологу былъ я довольно старообразенъ, и казакіи мундиръ и военная выправка были, вѣроятно, очень мнѣ не къ лицу. Когда Гр. Левъ Кириловичъ Разумовскій, пріятель моего отца, и послѣ всегда оказывавшій мнѣ дружеское расположеніе, въ первый разъ встрѣтилъ меня въ моемъ новомъ нарядѣ, онъ говорилъ, что я напоминаю ему старѣхъ казаковъ, которѣхъ онъ у Гетмана, отца своего, видѣлъ въ Батуригѣ. Къ тому-же, я только-что предъ тѣмъ женился и только-что начиналъ оправляться отъ болѣзни въ легкихъ, которая угрожала мнѣ чахоткою. Но все это было отложено въ сторону предъ общимъ движеніемъ и важностью обстоятельствъ. Полкъ нашъ, или зародыши нашего полка стояли тогда около Петровскаго Дворца. Тогда былъ наряжаемъ и я на дежурства, дѣлалъ смотрѣ, переключки и самъ себѣ не вѣрилъ, глядя на себя.

Между тѣмъ Милораговичъ былъ прѣздомъ въ Москвѣ и обѣдалъ у пріятеля своего и моего свояка Князя Четвертинскаго. Я тоже былъ на этомъ обѣдѣ. Милораговичъ предложилъ мнѣ принять меня къ себѣ въ должности адъютанта. Разумѣется, съ охотою и признательностію принялъ я это предложеніе. Онъ тогда долженъ еще былъ ѣхать въ Калугу для устройства войскъ, но вскорѣ затѣмъ, прѣхавъ въ дѣйствующую армію, вызвалъ меня изъ Москвы. Первые мои военныя впечатлѣнія встрѣтили меня въ Можайскѣ. Тамъ былъ я свидѣтелемъ зрѣлища печальнаго и совершенно для меня новаго. Я засталъ тутъ многихъ изъ своихъ знакомыхъ по Московскимъ баламъ и собраніямъ, и всѣ они, болѣе или менѣе, были изувѣченны послѣ битвы, предшествовавшей Бородинской,—24 августа. Между прочимъ былъ Гр. Андрей Ивановичъ Гудовичъ, коего полкъ въ этотъ день мужественно и блистательно дрался и крѣпко пострадалъ.

По прѣздѣ своемъ на мѣсто, гдѣ расположена была армія, долго искалъ я Милораговича. Въ этомъ исканіи, проходилъ я мимо избы, которая, кажется, была занята Кутузовымъ. Много военныхъ и много движенія было около нея. Я слышалъ, что нѣкоторые изъ офицеровъ давали кому-то разныя порученія, вѣроятно, для закупки у маркитанта. Когда я поровнялся съ ними, одинъ изъ нихъ громко сказалъ: «да не забудь принести вяземскихъ пряниковъ!» На мое-ли имя отпущено было это порученіе, можетъ-быть, шуткою къ-мнѣ-нибудь изъ знавшихъ меня, или было оно сказано случайно—не знаю. Но помню еще и теперь, что это меня—новичка въ военномъ званіи—нѣсколько смутило и озадачило. Благодарное однако взяло верхъ, и, не донскиваясь прямого объясненія этихъ словъ, пошелъ я далѣе. Наконецъ нашелъ я Милораговича и засталъ его на бивуакѣ, предъ разведеннымъ огнемъ. Принялъ онъ меня очень благосклонно и ласково: много спрашивалъ о Москвѣ, о нравственномъ и духовномъ расположеніи ея жителей и о Гр. Ростопчинѣ, которій, хотя и заочно, распоряженіями своими и воинственнымъ перомъ, воюющимъ противъ Наполеона, такъ сказать, принадлежалъ дѣйствующей арміи. Поздравивъ меня съ прѣздомъ совершенно кстати, потому что битва на другой день была почти несомнѣнна, онъ отпустилъ меня и предложилъ мнѣ для отдыха переночевать въ его избѣ, ему

ненужной, потому что онъ всю ночь намѣревался оставаться въ своей палаткѣ. На другое утро, съ разсвѣтомъ, разбудила меня вѣстовая пушка, или говоря правдивѣе, разбудила она не меня, заснувшего богатѣрскимъ сномъ, а вѣрнаго камердинера моего, болѣе меня чуткаго. На-скоро одѣлся я и пошелъ къ Милораговичу. Всѣ были уже на коняхъ. Но, на бѣгу мою, верховая лошадь моя, которую отправилъ я изъ Москвы, не дошла еще до меня. Всѣ отправились къ назначеннымъ мѣстамъ. Я остался одинъ. Минута была ужасная. Меня обдало холодомъ и униженіемъ. Мнѣ живо представились вся несообразность, вся комическо-трагическая неловкость моего положенія. Прѣхавъ въ армію, какъ—нарочно, ко дню сраженія, и въ немъ не участвовать! Мысль объ ожидавшихъ меня насмѣшкахъ, подозрѣніяхъ, толкахъ меня преслѣдовала и угручала. Невольно говорилъ я себѣ: «къ-чему было вѣскочкой изъ ополченія кидаться въ воинственные, дѣйствующіе ряды»? Мнѣ тогда казалось, что если до конца сраженія не добуду себѣ лошади, то непременно застрѣлюсь. Не знаю, исполнилъ-ли-бы я свое намѣреніе, но, по крайней мѣрѣ, на ту пору крѣпко засѣло оно у меня въ головѣ. По счастью, незнакомый мнѣ адъютантъ Милораговича, Юнкеръ, случайно подѣхалъ и, видя мое отчаяніе, предложилъ мнѣ свою запасную лошадь. Обрадовавшись и какъ-будто спасенный отъ смерти, выѣхалъ я въ поле и присоединился къ свитѣ Милораговича. Я такъ былъ неопытенъ въ дѣлѣ военномъ и такой миривій московскій баричъ, что свистъ первой пули, пролетѣвшей надо мной, принялъ я за свистъ хлѣстика. Обернулся назадъ и, видя, что никто за мной не ѣдетъ, догадался я объ истинномъ значеніи этого свиста.

Вскорѣ потомъ ядро упало къ ногамъ лошади Милораговича. Онъ сказалъ: «Богъ мой! видите, непріятель отдастъ намъ честь». Но, для сохраненія исторической истины, долженъ я признаться, что это было сказано на французскомъ языкѣ, на которомъ говорилъ онъ охотно, хотя часто весьма забавно — неправильно.

На полѣ сраженія встрѣчался я также со многими городскими знакомыми и, между прочими, съ генераломъ Капцевичемъ, который такъ-же, какъ Милораговичъ, враждебно, но охотно, обращался съ французскимъ языкомъ. Помню, что онъ привѣтствовалъ меня смѣшною французскою фразою, отъ которой я невольно и внутренно улыбнулся.

Хотя здѣсь и не у мѣста, но не могу не замѣтить нашимъ непреклоннымъ языколюбцамъ, что привычка говорить пофранцузски не мѣшала генераламъ нашимъ драться совершенно порусски. Не думаю, чтобы они были храбрѣе, болѣе любили Россію, вѣрнѣе и пламеннѣе ей служили, если бы не причастны были этой маленькой слабости.

Странны были мнѣ эти встрѣчи на полѣ сраженія. Впрочемъ, всѣ эти господа были, болѣе или менѣе, какъ у себя, или въ знакомомъ домѣ. Я одинъ былъ тутъ новичкомъ и пеловкимъ провинціаломъ въ блестящемъ и многолюдномъ столичномъ обществѣ. Къ сожалѣнію, не встрѣтился я на полѣ сраженія съ Жуковскимъ, который такъ-же, какъ и я, былъ на скорую руку посвященъ въ войны. Онъ съ Московскою дружиною стоялъ въ резервѣ, нѣсколько поодаль.

Но былъ и онъ погубъ ядрами, потому-что Бородинскія ядра всюду долетали. Кажется, вскорѣ послѣ сгачи Москвы онъ причисленъ былъ къ Штабу Кутузова, по приглашенію пріятеля своего, дежурнаго генерала Кайсарова. Едва даже не написано было имъ нѣсколько приказовъ и реляцій. Въ Вильнѣ схватилъ онъ тифозную горячку и долго пролежалъ въ больницѣ. Но лучшимъ и незабвеннымъ участіемъ его къ Отечественной войнѣ остался «Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ».

Мой казацкій мундиръ Мамоновскаго полка, впрочемъ, не совсѣмъ казацкій, былъ неизвѣстенъ въ арміи. Онъ состоялъ изъ синяго чекменя съ голубыми обшлагами. На головѣ былъ большой киверъ съ высокимъ султаномъ, обтянутый медвѣжимъ мѣхомъ. Не умѣю сказать, на какой, но были мы съ Милорадовичемъ на батарее, дѣйствовавшей въ полномъ разгарѣ. Тутъ погубѣхалъ ко мнѣ незнакомый офицеръ и сказалъ, что киверъ мой можетъ сдѣлать надо мной плохую штуку. «Сейчасъ», продолжалъ онъ: «остановилъ я летѣвшаго на Васѣ казака, который говорилъ мнѣ: «посмотрите, Ваше Благогородіе, куда врѣзался проклятый французъ! Поблагодарилъ я незнакомаго за доброе предостереженіе, но сказалъ, что нелзя-же мнѣ бросить киверъ и развѣзжать съ обнаженной головой. Тутъ вмѣшался въ нашъ разговоръ молодой Петръ Петровичъ Валуевъ, блестящій кавалергаскій офицеръ, и, узнавъ, въ чемъ дѣло, любезно предложилъ мнѣ фуражку, которая была у него въ запасѣ. Киверъ мой былъ сброшенъ и остался на полѣ сраженія. Можетъ-быть, послѣ попалъ онъ въ число принадлежностей убитыхъ и въ общій ихъ итогъ внесъ свою единицу. Но бѣдливый Валуевъ вскорѣ потомъ былъ въ самомъ дѣлѣ убитъ. Видно, въ Бородинскомъ дѣлѣ суждено мнѣ быть принятымъ за француза. Во время сраженія, разнесся слухъ у насъ что взятъ былъ въ плѣнъ Мюратъ; но послѣ оказалось, что принятъ былъ за него генералъ Бонами. Не помню, съ кѣмъ ѣхалъ я рядомъ: мой спутникъ спросилъ ѣхавшаго къ намъ навстрѣчу офицера, знаетъ-ли онъ, что Мюратъ взятъ въ плѣнъ?—Знаю»,—отвѣчалъ тотъ.

«А это кого тѣ вездѣ?» спросилъ онъ про меня.

Данная мнѣ агъютантомъ Юнкеромъ лошадь была пулею прострѣлена въ ногу и такъ захромала, что не могла уже мнѣ служить. И вотъ я опять сталъ въ тупикъ, по образу пѣвшаго хожденія. А за Милорадовичемъ, на полѣ сраженія, пѣшкомъ угнаться было невозможно: онъ такъ и леталъ во всѣ стороны. Когда ранили лошадь пого мною, неизбяснимое чувство то радости, то самогдовольствія пробудилось во мнѣ и меня воодушевило. Мнѣ въ эту минуту сдалось, что я недаромъ облачился въ казацкій чекмень. Я понялъ значеніе французскаго выраженія: «Le bapteme de feu». Хотя собственно былъ раненъ не я, а только неповинная моя лошадь; но все-же былъ я въ опасности и также могъ быть раненъ. Я даже жалѣлъ, что эта пуля не попала мнѣ въ руку, или ногу, хотя каюсъ и не желалъ бы глубокой раны, а только, чтобъ закалилась на мнѣ память о Бородинской битвѣ. Когда былъ я въ недоумѣніи, что дѣлать, опять явился ко мнѣ добрый человекъ и выручилъ меня изъ бѣды. Агъютантъ Милорадовича, Д. Г. Обииковъ, сжался надо мной и далъ мнѣ свою запасную лошадь. Но и

ему за оказанное одолженіе не посчастливилось: вскорѣ затѣмъ ядромъ оторвало у него руку. Спустя немного времени послѣ сдѣланной ему операціи видѣлъ я его: онъ былъ спокоенъ духомъ и даже шутилъ.

Милорадовичъ велъ въ дѣло девизію Алексѣя Николаевича Бахметева, находившуюся подъ его командою. Подъ Бахметевымъ была убита лошадь. Онъ сѣлъ на другую. Спустя нѣскольکو времени, ядро раздробило ногу ему. Мы остановились. Ядро, упавъ на землю, зашипѣло, завертѣлось и разорвало мою лошадь. Я остался при Бахметевѣ. Съ трудомъ уложили мы его на мой плащъ и съ нѣсколькими рядовыми понесли его погалѣе отъ огня. Но и тутъ, путемъ, сопровождали насъ ядра, которыя падали направо и налево, предъ нами и позади насъ. Жестоко страдая отъ ранъ, генералъ изъявлялъ желаніе, чтобы мѣткое ядро окончательно добило его. Но мы благополучно донесли его до мѣста перевязки. Это тотъ самый Бахметевъ, при которомъ позднеѣ Батюшковъ находился адъютантомъ. Но, кажется, Бахметевъ, лишившись ноги, уже не возвращался въ армію: онъ изъ Нижняго-Новгорода, гдѣ лежалъ больной, и гдѣ также находился Батюшковъ, отправилъ его къ генералу Раевскому, при которомъ Батюшковъ былъ въ походѣ до самаго Парижа.

Не помню, по какому случаю, уже позднеѣ вечеромъ, попалъ я въ избу, гдѣ лежалъ тяжело-раненый Князь Баграціонъ. Шуринъ мой, кн. Ѳ. Гагаринъ, былъ при немъ адъютантомъ. Онъ меня, голоднаго и усталаго, накормилъ, напоилъ и уложилъ спать. Не только мое частное, неопытное впечатлѣніе, но и общее между военными, тутъ находившимися мнѣніе было, что Бородинское дѣло нами не проиграно. Всѣ еще были въ такомъ восторженномъ настроеніи духа, всѣ были такими живыми свидѣтелями отчаянной храбрости нашихъ войскъ, что мысль о неудачѣ, или даже полуудачѣ не могла никому придти въ голову. Къ утру эта пріятная самоувѣренность нѣскольکو ослабѣла и остѣхла. Мы узнали, что дано было приказаніе къ отступленію. Помню, какая была тутъ давка; кажется, даже и не обошлось безъ нѣкотораго безпорядка. Артиллерія, пѣхота, кавалерія, обозы—все это смѣсилось на узкой дорогѣ. Начальники кричали и распоряжались; кажется, дѣйствовали нагайки. Между рядовыми и офицерами отступленіе никому не было по вкусу.

Когда мы пришли въ Можайскъ, городъ казался уже опустѣвшимъ. Нѣкоторыя дома были разорены, выбиты и вынесены были окна и двери».

ПОМИНКИ ПО БОРОДИНСКОЙ БИТВѢ.

I.

Милорадовича помню
Въ битвѣ при Бородинѣ:
Былъ онъ въ шляпѣ безъ султана
На гнѣдомъ своемъ конѣ.
Богро онъ и хладнокровно

Велъ полки въ кровавый бой:
Строй за строемъ густо, ровно
Выступалъ живой стѣной.
Только подошли мы ближе
Къ средоточію огня,
Взвизгнуло ядро и пало
Цергъ нимъ, къ ногамъ коня,

И сердито землю роя
Агскимъ огненнымъ волчкомъ,
Не затронуло героя,
Но обсыпало пескомъ.
«Богъ мой!» Онъ сказалъ съ улыбкой,
Указавъ на вражью рать:
«Насъ завидѣлъ неприятель
И спѣшитъ намъ честь отнять».

ii.

И Кутузовъ прего мной,
Вспомню ль о Бородинѣ:
Онъ и въ бѣлой былъ фуражкѣ,
И на бѣломъ былъ конѣ.
Черезъ плечо повязанъ шарфомъ,
Онъ стоитъ на высотѣ,
И надъ старцемъ блещетъ ярко
День въ осенней красотѣ.
Старца бодрый видъ воинственъ.
Онъ средъ полчищъ одинокъ,
Онъ безстрашенъ, онъ танственъ.
Онъ властителенъ, какъ рокъ.
На челѣ его маслитомъ,
Пролетѣвшею насквозъ
Смертью разъ уже пробитомъ,
Пламя юное зажглось—
Пламя думъ, грозой созрѣвшихъ,
Въ битвѣ закаленныхъ думъ.
Онъ ихъ молча вопрошаетъ
Сквозъ пальбу, огонь и шумъ.
Мыслью онъ паритъ надъ битвой,
И его орлиный взглядъ
Движетъ волею и силой
Человѣческихъ громагъ.
И его молниеносцы
Ждутъ внимательно кругомъ,
Чтобъ, по слову полководца,
Зарядитъ крылатый громъ.
Отъ вождя къ вождю обратно
Мчатся быстрые гонцы,
Но иного безвозвратно
Смерть хватаетъ на лету!
Противъ насъ дружины—ужасъ
Завоеванныхъ земель,
Записавшія побѣду
Съ давнихъ лѣтъ въ свою артель;
Славой блещущія лица,
И—въ главѣ ихъ—вождь побѣдъ,

Гордымъ солнцемъ Аустерлица
Загорѣвшее лицо.
Но блѣднѣетъ это солнце
И течетъ на западъ свой:
А взойдетъ другое солнце
Надъ пылающей Москвой.
И впервые въ груди счастлива
Неговѣривъ хладъ проникъ:
Такъ съ учителемъ заспорилъ
Съдовласый ученикъ.
Къ острову святой Елены
Здѣсь проложенъ первый шагъ,
И Кремля святвѣя стѣны
Въ казнѣ себѣ усвоитъ врагъ.
День насталъ! Мы ждали битвы,
Всѣ возрадовались ей:
Шли давно о ней молитвы
Пртунѣвшихъ усачей.
И, на пирѣ веселый словно,
Каждый радостно летитъ:
Будь у каждаго три жизни,
Онъ всѣхъ трехъ не пощадитъ.
Никогда еще въ подлунной
Не кипѣлъ столъ страшный бой:
Изъ орудіи адъ чугунный
Разразившись поднялъ вой;
Цѣлый день не умолкаетъ,
Извергая смерть кругомъ:
Строй за строемъ исчезаетъ
Подъ убійственнымъ огнемъ.
Но пылаютъ мщенья гнѣвомъ,
Снова свѣжіе ряды.
Свѣжей кровью и посѣвомъ
Смерть плодитъ свои бразды.
Словно два бойца во злобѣ,
Набѣжала рать на рать;
Грудью въ грудь вломились обѣ,
Чтобъ противника попрасть.
Но побѣда обоюдно
То дается намъ, то имъ:
Въ этотъ день рѣшитъ бы трудно,
Кто изъ двухъ непобѣдимъ.
Крѣпнетъ боевая вьюга,
Все сильнѣй растетъ она:
И вцѣпившихся другъ въ друга
Рязнмаетъ ночь огня.
Грозный день сей Бородинской
Имъ и намъ въ почетъ равно:
Славѣся битвой исполинской,
Славѣся ввѣкъ, Бородино!

iii.

Головешкой въ этомъ агѣ
 Кто бы могъ признатъ меня?
 Я-ль въ воинственномъ нарядѣ,
 Всадникъ борзого коня?
 Полно, я ли? Вотъ задача!
 На себя гляжу ль во снѣ?
 Мой двойникъ, меня дурача,
 Не мерещится ли мнѣ?
 Нѣтъ, нагрязнула невзгода,
 И я—баричъ и Москвичъ—
 Я слышалъ гласъ народа,
 Божій гласъ и Царскій кличъ,
 Полно шлянграмъ по бульвару
 И по Прѣсенскимъ прудамъ,
 И—Макарову подъ пару —
 Бытъ поэтомъ милыхъ дамъ.
 Риѳмы прочь, и перья въ папку,
 И долой мой модный фракъ:
 Я нагѣлъ медвѣжьё шапку,
 Я—Мамоновскій казакъ;
 Я съ приволья прямо въ сѣчу,
 Съ лона нѣги молодой
 Прямо ярамъ я навстрѣчу,
 Прямо въ Бородинскій бой!
 Но мундиръ мой небывалый,
 Но медвѣжьё мой нарядъ—
 Хотъ красивый, хотъ удалый,—
 Чуть не вышли мнѣ въ накладъ.
 Князь Московскій смотритъ Принцемъ,
 И донецъ на всемъ скаку
 Мчится съ роковымъ гостинцемъ
 Къ самозванцу-казаку.
 Но вступилосъ Провидѣнне,
 И тутъ кто-то, въ добрый часъ
 Объяснилъ недоумѣнне
 И меня отъ смерти спасъ.
 Чтобъ избѣгнуть доли тяжкой.
 Киверъ я съ себя сорвалъ:
 Тутъ же форменной фуражкой
 Жизнь свою застраховалъ.
 Мнѣ фуражку далъ Валуевъ.
 Гдѣ-жъ красавецъ боевой?
 Женскихъ клятвъ и поцѣлуевъ,
 Женскихъ слезъ кумиръ младой?
 Гдѣ жъ онъ—веселой рѣчю,
 Радостъ дружескихъ пировъ,
 Витязъ смѣлый подъ картечью
 Всѣхъ красавицъ, всѣхъ враговъ?

Новобранца наградилъ онъ
 Талисманомъ въ день борьбы,
 Но себя не оградилъ онъ
 Отъ таившейся судьбы.
 Между ядеръ пролетѣло
 Развѣ нѣскольکو минутъ,
 Въ немъ ужъ сердце онѣмѣло,
 И огонь его задулъ.
 Окровленный онъ сброшенъ
 Съ опустѣвшаго сѣдла;
 Лавръ и миртъ внезапно скошенъ,
 Жизнь внезапно отцвѣла.
 Ужъ давно молва забыла,
 Что онъ жилъ, что былъ убитъ:
 Безымянная могила
 Незвѣстный прахъ таитъ.
 Кто отыщетъ въ полѣ битвы,
 Смертью вспаханномъ кругомъ,
 Мѣсто, гдѣ слезу молитвы
 И любви пролитъ о немъ?
 Нива смерти жизнью свѣжей
 Равнодушно заросла,
 И все глуше и все рѣже
 Вѣствъ про старья гдѣла.
 Но твой образъ, витязъ юный,
 Возстаетъ передо мной,
 И созвучемъ сердца струны
 Окликаются съ тобой.
 Въ темномъ царствѣ смерти злобной
 Тѣнь твою я отыскалъ:
 Бугъ мой стихъ тебѣ нагробный,
 Гдѣ бы прахъ твой ни лежалъ!

iv.

И тебя-ль сердечнымъ словомъ
 Вѣрный стихъ мой обойдетъ?
 Ты мнѣ тоже былъ покровомъ,
 Мой старинный доброхотъ!
 Бородинскій сослуживецъ,
 Нашъ безрукій ветеранъ,
 Ты—отмѣченный счастливецъ,
 Олескомъ почестей и ранъ.
 Дружно за кровавой чашей
 Побратались мы давно,
 И въ преданьяхъ гружбы нашей
 Врѣзалосъ: «Бородино».
 Этотъ день, гдѣ двѣ державы,
 Двѣ судьбы сошлись въ борьбѣ—
 Скрѣпой крови, скрѣпой славы

Расписался на тебѣ.
 Бородинскою грозою
 Изувѣченный боецъ,
 Уцѣлѣвшею рукою
 Ты схватилъ себѣ вѣнецъ.
 За отчизну ранѣ святѣ:
 И счастливѣ, кто съ юныхъ дней
 Подвигѣ, въ жертву ей подвѣтвѣи,
 Окрестилъ въ крови своей.
 Помнишь, какъ средѣ перепалки
 Пуль и ядеръ хлынулъ дождѣ?
 А Суворовской закалки
 Милораговичѣ, нашѣ вождѣ,
 Подѣ картечью былѣ, какъ дома,
 Илѣ съ красавицей вдвоемѣ:
 Такъ давно ему знакома
 Встрѣча съ пулей и ядромъ!
 Ты, обстрѣленная птичка,
 Тутѣ порхалѣ, головорѣзѣ!
 Я жѣ, смиренная букашка,
 Самѣ дивлюсь, какъ къ вамѣ залѣзѣ.
 Подѣ огнемѣ неутомимѣмѣ
 И мой конѣ не уцѣлѣлѣ:
 «Нѣшій не товарищѣ конимѣ»,
 Молвилѣ я—и на мелѣ сѣлѣ.
 Ты, съ заботливостью брата,
 Тутѣ же выручилѣ меня:
 Что въ бою дороже злата,
 Ты взаимѣ мнѣ далѣ коня.
 Былѣ и томѣ не долговѣченѣ,
 И какъ разѣ ядромѣ однимѣ
 Былѣ Охметевѣ въ ногу встрѣченѣ;
 Конѣ мой палѣ, и я подѣ нимѣ.
 Тѣмѣ покончилѣ смиренно
 Мой воинственный походѣ!
 Но въ преданьяхѣ незабвенно
 Святѣ двѣнадцатѣмѣ мнѣ годѣ
 Съ той поры умчало время
 Много лицѣ, событий, лѣтѣ;
 Разраслось другое племя,
 И чего не видѣлѣ свѣтѣ!
 Но въ полетѣ бистрокрыломѣ
 Время избранныхѣ щадитѣ:

Бородинскимѣ, юнымѣ пѣломѣ
 Грудѣ твоя еще горитѣ.
 Въ денѣ борбѣ за Русѣ святую
 Ты руки не пощадилѣ,
 А въ дни мира ей другую
 Гражданиномѣ посвятилѣ.
 И къ отчизнѣ и къ престолу
 Снова возгорѣвъ огнемѣ,
 Вѣрнѣи совѣсти глаголу,
 Шелѣ ты съ ней ея путемѣ.
 Людямѣ свойственны ошибки:
 Ошибатѣся могѣ и ты,
 Но ты не былѣ флюгерѣ гибкѣи
 У вертлявой суемѣ.
 Часто, и съ двумя руками,
 Мѣстѣ и почестей ловецѣ
 Не сведетѣ концовѣ съ концами,
 Обезсиленный глѣецѣ.
 Разѣ принявшись за глѣло,
 Не боялся ты трудовѣ
 И одной рукою смѣло
 Съ зломѣ боротѣся былѣ готовѣ.
 У иныхѣ—примѣрѣ не новѣи—
 «Двѣ огромныя руки»
 На себя служитѣ готовы,
 И проворны и легки;
 А на выручку страдалѣца,
 Если въ помощь ихѣ зовешь,
 Не найдешь живого палѣца,
 Полмизинѣца не найдешь.
 Цѣлый мѣрѣ имѣ будетѣ поставщикѣ;
 А радѣтъ ли о другомѣ—
 Каждѣмѣ палѣчикѣ и суставчикѣ
 Въ нихѣ разбитѣ параличомѣ.
 Если жѣ гдѣ тобой замѣченѣ
 Случай ползѣтѣ ганѣ принесѣтъ—
 Позабѣвѣ, что ты увѣченѣ,
 Поттишь ты, что совѣстѣ есть,
 А когда сведешь съ кѣмѣ дружбу,
 Съ другомѣ связѣ твоя крѣпка:
 И на дружбу и на службу
 Горяча твоя рука.

VII. Изъ погибшихъ въ Москвѣ сокровищѣ отмѣтимѣ собраніе рукописей и памятниковѣ древностей графа А. П. Мусина-Пушкина, которое, по словамѣ Карамзина, содержало неисчерпаемѣмѣ матеріалѣ для отечественной исторіи, у графа Д. П. Бутурлина погибло имущества на миллионѣ рублей и въ томѣ числѣ библіотека, въ которой насчитывалось 40 тысячѣ томовѣ, погибла частѣ

собрания книгъ, мозаикъ, монетъ, и т. п. у князя А. А. Урусова, у графа Головкина сгорѣло имущества на 229 тысячъ, пострадала библиотека университета, т. к. удалось вывезти въ Нижній Новгородъ только часть коллекцій, а коллекціи рукописей и монетъ пожертвованныхъ П. Г. Демидовымъ погибли, погибли также собрания Общества Исторіи и Древностей.

Изъ правительственныхъ архивовъ пострадали: Государственный архивъ старыхъ дѣлъ, помѣщавшійся въ здании Сената, Дворцовый архивъ, дѣла Пушкарскаго приказа, хранившійся въ Артиллерійскомъ депо, архивъ старыхъ дѣлъ Московской духовной консисторіи и т. д.

Въ общемъ потери въ Москвѣ не поддаются подсчету—такъ онѣ огромны. Крайне интересно мнѣніе одного француза о погибшихъ въ Москвѣ сокровищахъ (*Les Français à Moscou*. A. Surugue. стр. 60): «La perte que la Russie a éprouvée par l'incendie de Moscou est incalculable. Que de millions ensevelis sous des ruines! Que de richesses en tout genre réduites en cendres! Combien de chefs-d'oeuvre à jamais perdue pour les arts! Nous ne parlons point ici des victimes nombreuses qui ont été la proie des flammes, ni des trésors enfermés dans les bibliothèques qui furent consumées par le feu»

VIII. Высочайшимъ указомъ 18 февраля 1813 г. была учреждена въ Москвѣ особая комиссія «для разсмотрѣнія прошеній, поступающихъ отъ обывателей Московской Столицы и Губерніи потерпѣвшихъ разореніе отъ непріятеля», комиссія эта была подъ предсѣдательствомъ назначеннаго Государемъ оберъ-шенка графа Головкина и состояла изъ Московскаго губернскаго предводителя дворянства и 3 Московскихъ дворянъ по выбору предводителей, кромѣ того комиссія, въ случаѣ надобности могла приглашать уѣздныхъ предводителей и Московскаго городского голову съ двумя «добросовѣстными» купцами I гилбѣн.

IX. Сводные списки помѣщиковъ, пострадавшихъ во время войны, составленные по уѣздамъ, напечатаны нами въ «Матеріалахъ», извлеченныхъ изъ архива депутатскаго собранія и дополненныхъ по документамъ, сохранившимся въ архивахъ уѣздныхъ предводителей дворянства. Къ сожалѣнію нельзя поручиться за безусловную полноту этихъ списковъ.

Были помѣщики, у которыхъ не осталось ни одного крестьянскаго двора, крестьяне разбрелись, всѣ запасы были сожжены, посѣвы уничтожены, однимъ словомъ погибло все имущество. Кромѣ того нужно отмѣтить, что у нѣкоторыхъ изъ указанныхъ въ спискахъ помѣщиковъ были имѣнія и въ другихъ губерніяхъ, гдѣ они также были уничтожены непріателемъ.

X. Въ ноябрѣ 1812 г. было, между прочимъ, учреждено патріотическое общество, имѣвшее цѣлю помощь разореннымъ воинамъ, помѣщеніе увѣчныхъ и больныхъ въ больницы, призрѣніе сиротъ и т. п. Вскорѣ затѣмъ общество учредило училище для дѣтей штабъ и оберъ-офицеровъ, павшихъ на полѣ брани или лишившихся достоянія въ 1812 г., вполнѣдствіи это училище стало именоваться Патріотическимъ Институтомъ.

Тогда же подъ главнымъ покровительствомъ «высокой особы» было учреждено такъ называемое «Сословіе призрѣнія разоренныхъ отъ непріятеля», въ составъ его входили: графъ Викторъ Павловичъ Кочубей, графъ Николай Ни-

колаевичъ Головинъ, Александръ Семеновичъ Шишковъ и князь Александръ Николаевичъ Голицынъ. Средства «Сословія» составлялись изъ пожертвований, помощь оказывалась единовременными пособиями.

XI. Фактъ избранія М. И. Голенищева-Кутузова начальникомъ Московскаго ополченія до сего времени въ литературѣ почему-то остался незамѣченнымъ, хотя объ этомъ упоминаютъ воспоминанія современниковъ, а между тѣмъ это избраніе Кутузова въ обѣихъ столицахъ весьма характерно, общество единодушно указало на него, какъ на единственно желательнаго вождя въ тяжелой борьбѣ съ Наполеономъ, и назначеніе его главнокомандующимъ арміями было сдѣлано всецѣло подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, о чемъ говоритъ и самъ Императоръ Александръ, никогда не любившій Кутузова и не довѣрившій ему.

Одновременно съ Кутузовымъ, надо думать, былъ намѣченъ и офицерскій составъ ополченія, на главныя должности—т. е. дежурныхъ генераловъ, шефовъ и командировъ полковъ были предназначены: Василій Николаевичъ Чичеринъ, трое князей Волконскихъ, трое Талызиныхъ (въ 1812 г. генералъ-майорами были Степанъ Александровичъ, Федоръ и Александръ Ивановичи, второй изъ нихъ въ 1813 г. получилъ орденъ св. Георгія 3 ст.), Потуловъ, Николай Никитичъ Демидовъ, двое Аргамаковыхъ, князь Гагаринъ, Бекетовъ, Оборькинъ, Барменевъ, Васильчиковъ, князь Иванъ Сергѣевичъ Огоевскій, князь Касаткинъ-Ростовскій, Свѣчинъ, Обресковъ, князь Оболенскій, Григорій Алексѣевичъ Козловъ-Угренинъ, Навроцкій, графъ Санти, Лопухинъ, Василій Петровичъ Савеловъ, Лаптевъ, Челищевъ. Многие изъ указанныхъ лицъ съ честью служили въ рядахъ ополченія, а затѣмъ и въ арміи и имена ихъ указаны въ наградныхъ спискахъ.

XII. Въ 1812 году уѣзными предводителями дворянства были:

Московскимъ—дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Александровичъ Арсеневъ.

Коломенскимъ—дѣйствительный статскій совѣтникъ князь Петръ Ивановичъ Гагаринъ.

Дмитровскимъ—надворный совѣтникъ князь Иванъ Николаевичъ Трубецкой.

Волоколамскимъ—тайный совѣтникъ Павелъ Александровичъ Рахановъ.

Звенигородскимъ—генералъ-майоръ Алексѣй Алексѣевичъ Тучковъ, родной братъ Николая и Александра, павшихъ въ 1812 г.

Серпуховскимъ—полковникъ князь Дмитрій Михайловичъ Щербатовъ.

Рузскимъ—дѣйствительный статскій совѣтникъ графъ Николай Петровичъ Толстой.

Верейскимъ—надворный совѣтникъ Федоръ Михайловичъ Вельяминовъ-Зерновъ.

Клинскимъ—полковникъ Давыдовъ.

Бронницкимъ—маіоръ Степанъ Акимовичъ Кустерскій.

Погольскимъ—наговоривій совѣтникъ Александръ Васильевичъ Васильчиковъ.

Богородскимъ—князь Михаилъ Петровичъ Голицынъ.

XIII. Въ своихъ представленіяхъ къ наградамъ графъ И. И. Морковъ особенно отмѣчаетъ слѣдующихъ лицъ: Генералъ-лейтенантъ Чичеринъ, «привѣвъ съ дивизіею въ г. Можайскъ, находился съ оною въ сраженіи 26 августа, въ которомъ благоразумнымъ распоряженіемъ и мужественнымъ примѣромъ споспѣшествовалъ къ отраженію непріятельскихъ атакъ на корпусъ генералъ-лейтенанта Тучкова 1-го»; Тайный Совѣтникъ Демидовъ, «въ сраженіяхъ 26 августа, командуя первымъ Егерскимъ полкомъ, 6 и 12 октября и 5-го ноября находясь при генералѣ баронѣ Беннигсенѣ, оказалъ примѣрную храбрость»; Генералъ-маіоръ Талызинъ, «въ сраженіи 26 августа противостоялъ стремленію непріятеля, подавая неустрашимостью своею примѣръ подчиненнымъ»; Генералъ-маіоръ Арсеневъ, «начальствовалъ дивизіею въ сраженіи 26 августа. Находясь при арміи во все время славной и трудной кампаніи 1812 г., вездѣ оказывалъ отличную храбрость и ревность къ службѣ»; Генералъ-маіоръ Талызинъ 3, «во всѣхъ сраженіяхъ: 6 октября погѣ Тарутиннымъ, 12—предъ Малымъ Ярославцемъ и 5 ноября—погѣ Краснымъ отличался мужествомъ»; Генералъ-маіоръ Потурловъ, «во всѣхъ сраженіяхъ отличался мужествомъ»; Дѣйствительный статскій совѣтникъ князь Волконскій, въ сраженіи 26 августа оказалъ отличную храбрость»; Камеръ-юнкеръ V класса Барановъ, въ сраженіяхъ 26 августа служилъ примѣромъ храбрости, 17 сентября при Чириковѣ находился въ сильномъ огнѣ, 6 октября погѣ Тарутиннымъ и особливо 12-го предъ Малымъ Ярославцемъ посылаемъ былъ въ городъ, гдѣ былъ всегда со стрѣлками и потомъ 5 ноября погѣ Краснымъ особенно отличился находясь въ опаснѣйшихъ мѣстахъ»; полковникъ Савеловъ, «во всѣхъ сраженіяхъ 17-го сентября при Чириковѣ, 6 октября близъ Тарутина, 12-го предъ Малымъ Ярославцемъ и 5 ноября погѣ Краснымъ особенно храбростію отличился»; Подполковникъ Рославлевъ, «въ сраженіяхъ 24 и 26 августа, бѣвъ прикомандированъ ко 2-й арміи, нѣсколько разъ отражалъ стремленіе непріятеля, и въ послѣднемъ раненъ отрывкомъ отъ бомбы въ ногу»; дежурный подполковникъ Карауловъ, «находился 26 при Бородинѣ, 17 сентября при Чириковѣ, 6 октября близъ Тарутина, 12 погѣ Малымъ Ярославцемъ, 22 предъ Вязмою, 5 и 6 ноября при г. Красномъ и во всѣхъ вышесказанныхъ сраженіяхъ поступалъ съ особеннымъ отличіемъ и примѣрною храбростію»; подполковникъ графъ Толстой, «6 и 12 октября и 6 ноября отличилъ себя мужествомъ»; Коллежскій ассесоръ Грахольскій, капитанъ Масаловъ и адъютантъ капитанъ Безобразовъ «бѣвъ въ сраженіи 6 и 12 октября и 5 ноября, гдѣ оказывали отличную храбрость», адъютантъ капитанъ Шиповъ, «въ сраженіяхъ 26 августа при Бородинѣ, 17 сентября при Чириковѣ, 6 октября близъ Тарутина, 12 погѣ Малымъ Ярославцемъ 22 предъ Вязмою, 5 и 6 ноября при городѣ Красномъ отличилъ себя мужествомъ и въ многихъ случаяхъ служилъ могъ примѣромъ для всѣхъ офицеровъ»;

Капитанъ Лулудака и князь Волконскій «находясь въ арміи съ самаго начала 26 августа и будучи въ г'влахъ 17 сентября при Чириковѣ, 6 октября близъ Тарутина, 12 передъ Малымъ Ярославцемъ и 6 ноября подъ Краснымъ поступали съ особеннымъ мужествомъ», кромѣ того графъ Морковъ отмѣчаетъ храбрость капитана Ладыженскаго, ротмистра Кастромитинова, штабсъ-капитановъ: князя Грузинскаго, князя Вагбольскаго, Нарышкина и Жуковскаго, поручиковъ Шакурова, Таластова и Кондратьева, подпоручиковъ Геера, Вишневскаго, Фридрихса, Жаркова, Яковлева, Наумова, Азбукина и Дурова, прапорщиковъ Караулова 1, Караулова 2, Талызина, Изъѣдинова, Черткова, князя Вагбольскаго, Калинина, Сабурова, Азовскаго, Кошелева, Иванова, Глѣбова 1, Глѣбова 2, Замятина, Коровина, Федорова, Гудима, князя Долгорукова, Запразезнова 1, Запразезнова 2, Никанова 1, Никанова 2, Сосновскаго, Авчинникова и Ехемзина. Кромѣ того, были представлены изъ урядниковъ въ прапорщики Мельгуновъ, Жуковскій, Плещеевъ, Алексѣевъ, Карауловъ 3, Анненковъ 2, Безобразовъ 1, Безобразовъ 2, Краснорѣчинскій и князь Юсуповъ—все они, по словамъ гр. Моркова, «все г'влаемья имъ отъ меня порученія исполняли съ усердіемъ и во всѣхъ сраженіяхъ отличались», два сына самого графа Ираклія Ивановича состояли при князѣ Багратионѣ и за сраженіе при Бородинѣ были произведены въ прапорщики.

О нѣкоторыхъ изъ отличившихся мы упоминаемъ въ текстѣ.

XIV. а) Вотъ что писалъ Императоръ Александръ шведскому наслѣдному принцу послѣ взятія Москвы: «Потеря Москвы даетъ мнѣ случай представить Европѣ величайшее доказательство моей настойчивости продолжать войну противъ ея угнетателя. Послѣ этой ранѣ все прочія ничтожны. Нынѣ болѣе нежели когда-либо я и народъ, во главѣ котораго я имѣю честь находиться, рѣшились стоять твердо и скорѣе погребсти себя подъ развалинами имперіи, нежели примириться съ Аттилою новѣйшихъ временъ», но въ томъ же письмѣ Александръ обвиняетъ Кутузова въ неумѣнн воспользоваться Бородинскимъ сраженіемъ или, какъ онъ говоритъ, блестящей побѣдою (*la belle victoire du 26 Août*) и говоритъ, что непростительная ошибка Кутузова повлекла за собою гибель Москвы.

б) Во всенародное извѣстіе по Высочайшему повелѣнію.

Съ крайнею и сокрушающею сердце каждаго сына Отечества печалію симъ возвѣщается, что непріятель Сентября 3 числа вступилъ въ Москву. Но да не унижается отъ сего великій народъ Россійскій. Напротивъ, да поклянется всякъ и каждый воскипѣтъ новымъ духомъ мужества, твердости и несомнѣнной надежды, что всякое наносимое намъ врагами зло и вредъ обратятся на послѣдокъ на главу ихъ. Непріятель занялъ Москву не отъ того, чтобы преодолѣть силы наши, или бы ослабилъ ихъ. Главнокомандующій по совѣту съ первенствующими Генералами нашелъ за полезное и нужное уступить на время необходимости, дабы съ надеж-

нѣйшими и лучшими потомъ способами превратитъ кратковременное торжество непріятеля въ неизбѣжную ему погибель. Сколь ни болѣзненно всякому Русскому слышатъ, что первопрестольный градъ Москва вмѣщаетъ въ себѣ враговъ Отечества своего; но она вмѣщаетъ ихъ въ себѣ пустая, обнаженная отъ всѣхъ сокровищъ и жителей. Гордый завоеватель надѣялся, вошедъ въ нее, соглѣматся повелителемъ всего Россійскаго Царства и предписатъ ему такой миръ, какой заблагорасудитъ; но онъ обманется въ надеждѣ своей и не найдетъ въ Столицѣ сей не только способовъ господствовать, ниже способовъ существовать. Собранныя и отчасу болѣе скопляющіяся силы наши окрестъ Москвы не престанутъ преграждать ему всѣ пути, и посылаемые отъ него для прогословствія отряды ежедневно истреблять, доколѣ не увидитъ онъ, что надежда его на поражение умовъ взятіемъ Москвы была тщетная, и что по неволѣ долженъ онъ будетъ отворять себѣ путь изъ ней силою оружія. Положеніе его есть слѣдующее: онъ вошелъ въ землю нашу съ тремястами тысячъ человекъ, изъ которыхъ главная часть состоитъ изъ разныхъ націй людей, служащихъ и повинующихся ему не отъ усердія, не для защиты своихъ отечествъ, но отъ постыднаго страха и рѣбости. Половина сей разнородной арміи его истреблена частью храбрыми нашими войсками, частью побѣгами, болѣзнями и голодною смертію. Съ остальными пришелъ онъ въ Москву. Безъ сомнѣнія, смѣлое или лучше сказать дерзкое стремленіе его въ самую грудь Россіи и даже въ самую древнѣйшую Столицу удовлетворяетъ его честолюбію и подаетъ ему поводъ тщеслаиваться и величаться; но конецъ вѣнчаетъ дѣло. Не въ ту страну зашелъ онъ, гдѣ одинъ смѣлый шагъ поражаетъ всѣхъ ужасомъ и преклоняетъ къ стопамъ его и войски и народъ. Россія не привыкла покровительствовать поработенія, не предастъ законовъ своихъ, Вѣры, свободы, имущества. Она съ послѣднею въ груди каплею крови станетъ защищать ихъ. Всеобщее повсюду видимое усердіе и ревность въ охотномъ и добровольномъ противъ врага ополченіи свидѣтельствуемъ ясно, сколь крѣпко и непоколебимо Отечество наше, ограждаемое бодрѣмъ духомъ вѣрныхъ его сыновъ.

Итакъ, да не унываетъ никто, и въ такое ли время унывать можно, когда всѣ состоянія Государственныя дѣшутъ мужествомъ и твердостью? Когда непріятель съ остаткомъ отчасу болѣе исчезающихъ войскъ своихъ, удаленный отъ земли своей находится посреди многочисленнаго народа, окруженъ арміями нашими, изъ которыхъ одна стоитъ противъ него, а другія три стараются пресѣкатъ ему возвратный путь и не допускаютъ къ нему никакихъ новыхъ силъ? Когда Гишпанія не только свергла съ себя иго его, но и угрожаетъ ему впаденіемъ въ его земли? Когда большая часть изнуренной отъ него Европы, служа по неволѣ ему, смотритъ, и ожидаетъ съ нетерпѣніемъ минуты, въ которую бы могла вѣрваться изъ погѣ власти его тяжелой и нестерпимой? Когда собственная земля его не видитъ конца проливаемой ею для славолюбія своей и чужой крови? — При толь бѣдственномъ состояніи всего рода человѣческаго не прославится ли тотъ народъ, который перенесъ всѣ неизбѣжныя съ войною разоренія, наконецъ терпѣливостію и мужествомъ своимъ достигнетъ

до того, что не только приобрететъ самъ себѣ прочное и ненарушимое спокойствіе, но и другимъ державамъ доставитъ оное, и даже тѣмъ самымъ, которыя противъ воли своей съ нимъ воюютъ?

Пріятно и свойственно доброму народу за зло воздавать добромъ. Боже Всемогущій! обрати милосердныя очи Твои на молящуюся Тебѣ съ колѣнопреклоненіемъ Россійскую Церковь. Даруй поборающему по правдѣ вѣрному народу Твоему бодрость духа и терпѣніе. Сими да восторжествуетъ онъ надъ врагомъ своимъ, да преодолѣетъ его, и спасая себя, спасетъ свободу и независимость Царей и Царствъ».

в) «Приказъ Всѣмъ Нашимъ Войскамъ.

Мужественныя и православныя воины! Любезныя сыны Отечества! Вы тѣ русскіе защитники вѣры, которыхъ слава гремѣла и гремитъ въ цѣломъ свѣтѣ. Недавно ратное поле видѣло подвиги ваши, недавно Отечество со слезами благодарило васъ за храбрость вашу, и церковь Божія молилась о спасеніи вашемъ. Но къ великому прискорбію Моему слышу Я, что есть между вами недостойныя васъ сотоварищи ваши, которыя отлучаясь самовольно отъ командъ своихъ, шатаются по деревнямъ и лѣсамъ подъ именемъ мародеровъ. Имя гнусное никогда неслыханное въ Русскихъ войскахъ, означающее вора, грабителя, разбойника. Должно ли почтенное имя защитника Вѣры и Отечества оскверняться сими презрительными именами? Россія мать ваша. Что можетъ быть преступнѣе, какъ видя ее расхищаемую врагами, не только не защищать ее, но еще вмѣстѣ съ ними грабить, и собственными руками раздирать утробу матери своей? Тяжкій грѣхъ сей не отпустится никогда ни въ семь вѣкъ ни въ будущемъ.

Всякому Начальнику предписывается строжайше за искорененіемъ сего зла смотрѣть, и тотъ, кто примѣченъ будетъ нерадѣющимъ о томъ, въ примѣръ другимъ и къ посрамленію своему отлученъ будетъ на всегда отъ службы.

Воины! Горящая Москва да воспалитъ въ душахъ вашихъ огнь мщенія, потушите пожаръ ея кровію враговъ. Да не понесутъ они съ собою стыгъ вашъ и слезы вашихъ родныхъ и ближнихъ. Сего ожидаетъ поруганная ими церковь, и оскорбленное Отечество».

XV. М. М. Евриновъ, все время упоминаетъ лишь объ одной хоругви, но въ «Главной Описной Книгѣ Московскаго Большого Успенскаго Собора», составленной въ 1841-1843 гг., въ статьѣ первой, глава I-я, страница 97 и 98, «О хоругвахъ» мы находимъ слѣдующую записъ: «Двѣ хоругви, изъ шелковой матеріи, которая довольно уже обветшала, съ изображеніями на первой съ одной стороны: Воскресенія Христова, съ другой Успенія Божія Матери; на второй — съ одной стороны Воскресенія же Христова, а съ другой Святителя Николая.

Сѣи двѣ хоругви въ 1812 году находились въ ополченіи, и первая изъ онѣхъ во многихъ мѣстахъ прострѣлена», почему мы и даемъ изображенія обѣихъ этихъ хоругвей. Изъ Успенскаго Собора хоругви были переданы въ церковь Николая Гостунскаго, что на Иванѣ Великомъ, о чемъ имѣется отмѣтка въ указанной главной описи, и носились въ крестныхъ ходахъ до послѣдняго времени, но нѣскольکو лѣтъ тому назадъ (6—7) въ виду ихъ ветхости съ нихъ были сдѣ-